

ДИАЛОГ

Амурский краеведческий альманах

ВРЕМЕН

№ 2
2019

ДИАЛОГ ВРЕМЁН

Амурский краеведческий альманах

Выпуск 2

2019

Амурская областная научная библиотека имени Н.Н. Муравьёва-Амурского

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Долгоруков Наталья Григорьевна

Заместитель главного редактора:

Праскова Оксана Сергеевна

Члены редакционной коллегии:

Телюк Татьяна Николаевна,

Кобзарь Валентина Петровна,

Сахончик Станислав Митрофанович,

Никиткин Павел Маркелович,

Чеснокова Марина Константиновна,

Дымова Ирина Владимировна

Графическая модель, обложка,
вёрстка:

Гнускова Марина Ивановна

Отпечатано в типографии

АОНБ им. Н.Н. Муравьёва-Амурского,
675000, Благовещенск, ул. Ленина, 139.

Подписано в печать 16.10. 2019

Формат 60×84/8

Бумага офсетная

Гарнитура с засечками Times New Roman

Усл. печ. л. 11.63

Дата выхода в свет 21.10.2019

Тираж 50 экз.

12+

Содержание

Слово редактора

Долгоруков Н.Г. 3

Коллекция / Коллекционеры. Музеи. Находки. Археология/

Трухин В.И. Два описания Албазинского острога из «Доклада Лифаньюаня о русских людях, незаконно перешедших границу, проживающих в Якса и других местах»..... 4

Черкасов А.Н. Результаты изучения Албазинского острога Албазинской археологической экспедицией в 2011–2016 гг. 10

Васина И.В. Не просто конференция..... 21

Энциклопедия /Люди. Биографии. Судьбы/

Коваленко А.И. Алгоритм жизни графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского по книге И.П. Барсукова 25

Кобзарь В.П. Венки от благодарных граждан (Старые газеты рассказывают...) 33

Кухаренко О.Н. В поисках французского прошлого графини Муравьёвой-Амурской..... 35

Чепелев В.Р. Пароход «Лена» – «амурский долгожитель»..... 50

Архив /Документы. Исследования. Редкие книги/

Телюк Т.Н. «Теперь я старший!»: о новой книге Амурской ярмарки «Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века»..... 62

Емельянов С.В. Разные судьбы..... 73

Хронограф /Даты. События. Мероприятия/

160 лет главной библиотеке Приамурья
Чеснокова М.К. Книги – ровесницы библиотеки..... 82

Кобзарь В.П. Читатели первого разряда. (Старые газеты рассказывают...)..... 87

145 лет Алексеевской гимназии
Олейникова О.Л. Старейшее учебное заведение Приамурья..... 90

45 лет с начала строительства БАМа
Полетаева Н.П. БАМ продолжается: история создания и бытования карты-схемы «Байкало-Амурская магистраль»..... 102

Навстречу 75-летию окончания Второй мировой войны
Сахончик С.М. Последний причал гвардейского корабля 107

Художественное слово

Лапин С.М. Воспоминания мальчишки с улицы Краснофлотской.. 112

63.3(2Рос–4Аму)

Д 44

Диалог времен : амурский краеведческий альманах / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; под ред. Н. Г. Долгорука. – Благовещенск : Изд-во АОНБ, 2018. – 30 см.
Вып. 2. – 2019. – 116с. : ил., портр. – 50 экз.

© Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Н.Г. Долгорук,

директор Амурской областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьёва-Амурского,
заслуженный работник культуры Амурской области

Приветствую читателей и авторов второго выпуска
Амурского краеведческого альманаха «Диалог времён»!

Память противостоит силе времени и способна вернуть нам знания о малой родине с конкретными историческими деталями.

Дмитрий Сергеевич Лихачёв в своей статье «Краеведение как наука и как деятельность» писал: «Краеведение придаёт местности, не имеющей «авторского происхождения», историзм, открывает в её прошлом, хотя бы и очень недавнем, что-то совершенно новое, ценное. Когда мы узнаём, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нём, что в нём было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаём. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нём происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались».

Второй номер Амурского краеведческого альманаха «Диалог времён» знакомит нас с материалами об интересных исторических событиях и людях, которые жили, работали и творили на нашей дальневосточной земле. Особым вниманием отмечены юбилейные даты 2019 года – 210 лет со дня рождения графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, 160 лет со дня образования Амурской областной научной библиотеки, 45 лет с начала строительства БАМа.

Выражаю благодарность авторам и членам редколлегии за совместную работу, которая приносит радость общения и новые знания.

Приятного вам чтения и до встречи на страницах следующего выпуска альманаха.

В.И. Трухин,
ведущий инженер Амурского научного центра ДВО РАН

**ДВА ОПИСАНИЯ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА
ИЗ «ДОКЛАДА ЛИФАНЬЮАНЯ О РУССКИХ ЛЮДЯХ,
НЕЗАКОННО ПЕРЕШЕДШИХ ГРАНИЦУ, ПРОЖИВАЮЩИХ
В ЯКСА И ДРУГИХ МЕСТАХ»**

Ключевые слова: Албазинский острог, XVII век, крепость, башня, реконструкция, маньчжурский рисунок, маньчжурские документы, исторические источники, Лифаньюань, Якса.

В статье на основе сравнительного сопоставления маньчжурских и русских письменных источников XVII века проведено уточнение некоторых конструктивных особенностей Албазинского острога. Такой анализ позволил не только дополнить русские описания Албазинского острога неизвестными деталями, но и уточнить хронологическую последовательность возведения отдельных элементов крепости.

Утрата значительной части делопроизводственной документации Албазинского острога до настоящего времени не позволяет достоверно реконструировать его внешний облик. Поэтому введение в научный оборот новых письменных источников, в том числе и маньчжурских, может внести дополнительный вклад в уточнение конструктивных особенностей этого оборонительного сооружения.

Проблематике использования в целях исследования истории русско-китайских отношений в XVII веке маньчжурских документов посвящено значительное число научных работ. Среди них особенно стоит отметить публикации Н.Н. Бантыш-Каменского [1], П.И. Воробьёва [2], А.О. Ивановского [3], Г.В. Мелихова [7], В.С. Мясникова [8] и др.

Несмотря на это, в среде русскоязычных исследователей того периода потенциал сохранившихся маньчжурских документов остаётся не полностью использованным, а сами документы недостаточно изученными. Часть из них к настоящему времени опубликована в сборнике документов 《清代中俄关系档案史料 选编》 на китайском языке [4].

Среди опубликованных в этом сборнике документов удалось выявить два описания Албазинского острога. Впервые на них обратил внимание сотрудник японского «Научно-

исследовательского института человечества и природы» (Research Institute for Humanity and Nature, Japan) Cheng Zhi (Kicengge) в своей статье «The Illusion of the Nerchinsk Treaty Boundary-stone: The Map of the Amur Region in Manchu» [5].

Оба описания содержатся в «Докладе Лифаньюаня¹ в Государственную канцелярию о русских людях, незаконно перешедших границу, проживающих в Якса² и других местах» (理藩院为奔明俄人越境居住及雅克萨等地情形事致内阁咨文) [4, С. 87–103]. Этот документ в сборнике отнесён к 14 июля 27 года правления Канси (1688 г.). Однако сам документ содержит сведения за достаточно широкий период времени.

Первое описание Албазинского острога относится к 22 марта 20 года правления Канси (1681 г.):

《...观其城，以木筑栅栏，宽十五余度，长二十余度，四周筑行枪眼，城南门留一度余空地，于一度处钉有木桩，再至一度处有两排木栏，有男丁三百余人。...》[4, С. 90].

«...[Они] осмотрели город; из дерева построена изгородь; шириной более пятнадцати «то» (tuο)³; длиной более двадцати «то» (tuο); вокруг сооружён ряд бойниц; на юге города у ворот оставлено пустое место размером более одного «то» (tuο); в одном «то» (tuο) укрытие было из сколоченных кольев; в другом «то» (tuο) деревянная ограда была в два ряда⁴; [там] есть мужчины триста человек...».

Второе описание было сделано позже – 13 апреля 23 года правления Канси (1684 г.):

《...当日登上雅克萨城南对岸之高山察看，见雅克萨木城重新修筑。城之东门、北门之上盖有房屋。除城东之一口木塔外，城西又新建一木塔。城南之旧屋仍在，城北除原有三座房屋外，又增房尾四座。城南辟有旷野，以木为栏，马牛皆圈其内。间或有一、二人穿行于牲畜之中 [4, С. 97].

«... В тот день [я] влез на гору к югу от городской стены Якса на противоположном берегу для наблюдения с возвышенности; увидел – деревянная городская стена Якса заново построена. Восточные ворота, северные ворота городской стены надстроены постройками. Кроме старой деревянной башни на востоке города, в западной городской стене построена новая деревянная башня. В южной части города старый дом по-прежнему стоит; кроме первоначальных трёх домов в северной части города с внешней стороны построено ещё четыре дома; в южной части города деревянным забором отведено поле, внутри которого загнаны коровы и лошади. Время от времени один – два человека подходили к скоту...».

Как видно из описаний, они относятся к разным периодам существования Албазинского острога. Первое описание соответствует острогу, построенному Никифором Черниговским, в русских источниках описание этого острога сохранилось в «росписных списках» Албазинского острога 1674 [9] и 1684 [6] годов. В целом маньчжурские и русские описания не противоречат друг другу.

В «росписном списке» Албазинского острога 1684 года его размеры определены как 13 на 18 сажень [6, С. 110] (28×39 м.). По маньчжурскому документу, если величину «то» (tuο) принять равной 1,8 метра, 15 на 20 «то» (tuο) будет соответствовать размеру 27 на

36 метров. Учитывая, что русская сажень в XVII веке обладала региональной вариативностью, а в маньчжурском документе размеры определялись без измерения «на глаз» и имеют пометку «более чем», то надо признать их практически совпадающими.

К сожалению, в этом описании не указаны какие-либо конструктивные особенности башен острога. Из «росписного списка» 1674 года известно, что единственные острожные ворота находились в одной из его башен. Поскольку размер единственных ворот был важен, возможно, что указание о наличии пустого места возле ворот относится именно к размеру воротного проёма в башне. Если это так, то ворота были совсем небольшие, немногим более 180 см. Соответственно и размер башни, в которой они находились, вероятнее всего, по ширине был не более шести метров. Интересно, что на маньчжурском картографическом рисунке «Luosha» [11], содержащем изображение Албазинского острога, в месте, где предположительно должна располагаться проездная башня, изображено строение, которое могло иметь сквозные ворота (рис. 1). Возможно, именно так маньчжурский художник изобразил проездную башню Албазинского острога. При реконструкции Албазинского острога в московском музее-заповеднике «Коломенское» эта башня получила формы, сходные с маньчжурским рисунком (рис. 2).

Маньчжурский документ содержит сведения об устройстве по периметру острога ряда бойниц. Что вполне достоверно.

Рис. 1. Строение, изображённое на картографическом рисунке «Luosha» из маньчжурского атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu» (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖) в месте предполагаемого размещения проездной башни постройки Никифора Черниговского.

Рис. 2. Внешний вид реконструированной проездной башни Албазинского острога в московском музее-заповеднике «Коломенское».

Указание на устройство стены с чередованием в один и в два ряда брёвен может говорить о том, что стена острога могла иметь «тарасную» конструкцию с шагом около двух метров. Это в корне меняет представление о стенах Албазинского острога, поскольку в большинстве реконструкций они были представлены в форме тына. Например, реконструкция, выполненная Н.П. Крадиным (рис. 3).

Рис. 3. Реконструкция Албазинского острога Никифора Черниговского Н.П. Крадиным.

Численность служилого и промышленного населения Албазинского острога, указанная маньчжурским источником, также соответствует русским данным⁵.

Второе описание более позднее. Оно описывает Албазинский острог уже после его перестройки в 1682–1684 годах. При прочтении этого описания сразу обращает на себя внимание несовпадение названия объектов по сторонам света в маньчжурском документе и русских источниках. Ответ кроется в том, что реальное расположение стен острога не было строго ориентировано по сторонам света, а поскольку автором описания направление юг – север определялись приблизительно, то это и привело к некоторому разночтению в определении пространственного положения острога. Если принять эту гипотезу и приравнять юго-западное направление в русских описаниях Албазинского острога к южному в маньчжурском документе, то всё становится на свои места. Топографическая съёмка Албазинского городища показала, что истинное направление линии север – юг занимает промежуточное положение между ними (рис. 4–I, II, III).

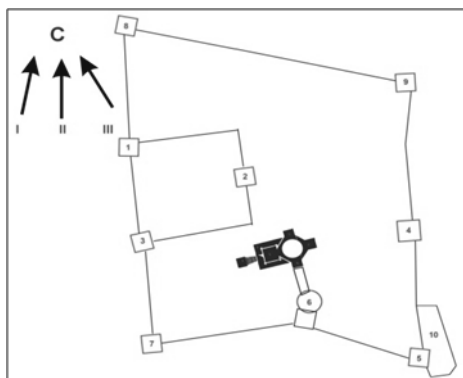

Рис.4. Схема расположения стен и башен Албазинского острога (реконструкция автора:). 4. I – направление С–Ю, использованное в росписных списках Албазинского острога 1674 и 1684 годов; II – истинное направление С–Ю, определённое при топографической съёмке «Албазинского городища»; III – направление С–Ю, использованное в маньчжурском описании Албазинского острога из «Доклада Лифань-юаня в Государственную канцелярию о русских людях, незаконно перешедших границу, проживающих в Якса и других местах»; 1,2,3 – первоначальные башни Албазинского острога; 4,5,6,7,8 – башни Албазинского острога, построенные в период с 1682 по 1684 годы

В таком случае под северными воротами в маньчжурском документе подразумевается проездная башня в малом остроге постройки Никифора Черниговского (рис. 4–3) и она была действительно надстроена. В её надстроенной части в 1674–1684 годах находился «приказ» [9, л. 1]. О наличии второго этажа в восточной проездной башне (рис. 4–4) известно из росписи Албазинского острога 1684 года [6, С. 109]. В маньчжурском документе под западной башней, видимо, фигурировала круглая башня (рис. 4–6).

Южная, по маньчжурскому описанию, башня была угловой (рис. 4–5). Интересно, что автор описания назвал её «старой». Вероятно, во время перестройки острога 1682–1684 годов она была возведена одной из первых. Это говорит о том, что автор описания в этих местах бывал неоднократно. Кроме этого, о том, что он ранее бывал в этих местах, говорит и то, что он разделил башни на «первоначальные» и дополнительно построенные. Вне всякого сомнения, что к «первоначальным» он отнёс башни постройки Никифора Черниговско-

го (рис. 4–1, 2, 3). К новым были отнесены башни, которые он ранее не видел. На схеме они обозначены под номерами 6, 7, 8, 9 (рис. 4).

Сведения о наличии рядом с острогом загон для лошадей и коров никакими русскими источниками не подтверждаются. Однако наличие такого загона именно в районе юго-западной (по маньчжурскому источнику – южной) башни однозначно фиксируется ещё одним маньчжурским документом, который уже был упомянут выше – картографическим рисунком «Luosha» из маньчжурского атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu» (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖[10]) (рис. 5).

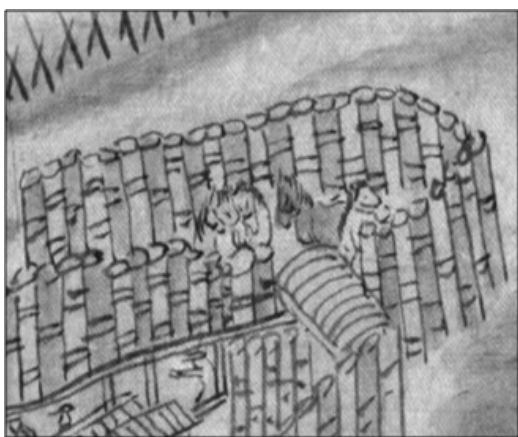

Рис. 5. Загон для скота на картографическом рисунке «Luosha» из маньчжурского атласа «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu» (艾渾, 羅刹, 台灣, 蒙古圖).

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что маньчжурские описания Албазинского острога полностью соответствуют данным русских источников и дополняют их ранее неизвестными деталями. Это, в свою очередь, позволяет не только более детально воссоздать внешний вид Албазинского острога на всех этапах его существования, но и уточнить хронологическую последовательность возведения отдельных элементов крепости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лифаньюань, кит. 理藩院 (lǐfānyuàn) – Палата по делам инородцев (при Цинской династии – по управлению Монголией, Тибетом и другими территориями Китая с некитайским населением; в 1906 г. преобразована в 理藩部).

² Якса (маньчж. Yaksa; кит. 雅克薩 (yǎkèsà)) – Албазинский острог.

³ «То» (tuō) – дословно «обхват» – традиционная китайская мера длины в эпоху Цин, соответствующая ширине вытянутых рук (1,7–1,9 м). Для строительства обычно использовалась другая традиционная китайская мера длины – 尺 (чи), равная 34 см. «То» (tuō) соответствует примерно 5 чи (chǐ).

⁴ «деревянная ограда была в два ряда» – это 2 ряда в виде шпалер. Обычно иероглиф «пай» 排 переводится так. В данном случае именно он использован для передачи слова "ряд".

⁵ Из отписки Нерчинского воеводы Воейкова известно, что к 1681 году численность служилых людей в Албазинском остроге составляла 200 человек (ДАИ, 1862 г, т. 8, Санкт-Петербург, с. 348). Численность промышленных людей к 1681 году составляла не менее 100 человек. Ещё в 1675 году в походе на реку Ган участвовало не менее 300 албазинских служилых и промышленных людей (РКО в XVII в. Т. 1, Москва, Наука, 1969, с. 478).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бантыш-Каменский, Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Россией и Китайским государством с 1619 по 1792 год / Н. Н. Бантыш-Каменский. – Казань, 1882. – 582 с.
2. Воробьёв, П. И. К истории русско-китайских отношений в XVII в. / П. И. Воробьёв // Труды ИВ АН СССР : докл. группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935г. – Москва ; Санкт-Петербург, 1936. – Т. 17. – С. 167–183.
3. Ивановский, А. Посольство Спафария (Маньчжурский текст) / А. Ивановский // Зап. Вост. отд. Император. Рус. археол. о-ва. – Санкт-Петербург, 1888. – Т. 2, вып. 3–4.
4. 清代中俄关系档案史料选编》Избранные исторические материалы китайско-российских отношений в династии Цин, составленные первым историческим архивом Китая : в пяти ч. Ч. 1. Шаньчжи, Канси и Динься Юнчжэн. Том 1. – Пекин : Zhonghua shuju, 1981.
5. 承志(Kicengge), 尼布楚條約界碑圖的幻影—滿文《黑龍江流域圖》研究 (The Illusion of the Nerchinsk Treaty Boundary-stone : The Map of the Amur Region in Manchu). The National Palace Museum Research Quarterly 29 (1), 2011. (in Chinese). – P. 147–236.
6. Крадин, Н. П. Роспись Албазинского острога 1684 г. / Н. П. Крадин // Россия и АТР. – 1992. – № 2. – С. 109–110.
7. Мелихов, Г. В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая (40-е – 80-е гг. XVII в.) / Г. В. Мелихов // Документы опровергают. – Москва, 1982.
Мелихов, Г. В. Как готовилась агрессия феодальных правителей Цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х годах XVII в. // Там же.
8. Мясников, В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. / В. С. Мясников. – Москва, 1980. – 310 с.
9. Опись основного собрания русских актов и грамот. Ч. 5. Годы 1514 г. – XVIII в. / Рос. нац. б-ка. – Шифр № 4595, 2 листа. – С. 54.
10. Трухин, В. И. Албазинский острог и его оборона по китайским изображениям (графическим источникам) / В. И. Трухин // Албазинский острог : русские на Амуре в XVII в. / под общ. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН» (в печати). – С. 162.
11. LibraryofCongress // Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggu tu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.loc.gov/item/gm71005078/> (дата обращения 20.10.2018).

А.Н. Черкасов,
учёный секретарь Фонда «Петропавловск»,
руководитель Албазинской археологической экспедиции

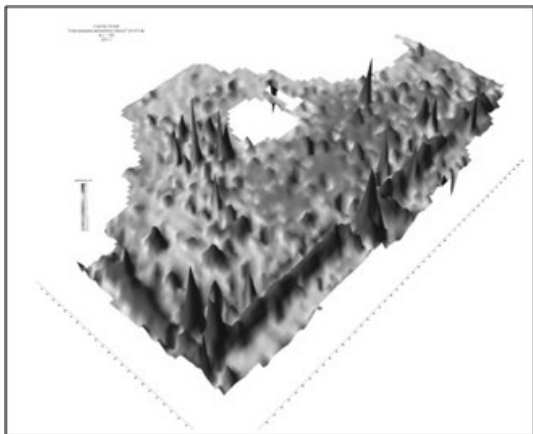
РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА АЛБАЗИНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ в 2011–2016 гг.

Ключевые слова: Приамурье, Албазинский острог, XVII век, Албазинская археологическая экспедиция, свайный фундамент, погребения, «скудельня».

Статья посвящена результатам исследования Албазинской археологической экспедицией городища «Албазинская крепость» за 2011–2016 годы. Описан ход работ, сооружения, найденные в ходе раскопок, археологические находки. Особое внимание уделено обнаружению и исследованию массовых погребений-«скуделен» защитников Албазина. Также в статье представлено монографическое издание «Албазинский острог. История, археология, антропология народов Приамурья», посвящённое истории Приамурья от средневековья до русского освоения региона в XVII веке.

Албазинская археологическая экспедиция, созданная Фондом поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск» и Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, начала свою работу в 2011 году. Деятельность экспедиции была сконцентрирована в селе Албазино Сковородинского района Амурской области, а также в его округе. С самого начала исследования экспедиции имели комплексный характер, были направлены на изучение всего многообразия археологических памятников в регионе, опирались на использование современных технологий и методик, привлечение разнообразных специалистов. Основным объектом исследования было городище «Албазинская крепость» – Албазинский острог, основанный на Верхнем Амуре русскими землепроходцами в середине XVII века. В 1685–1689 годы вокруг крепости развернулись военные действия против цинской армии, осадившей крепость. Один из этапов этой осады – с 1686 по 1689 годы – вошёл в историю под названием «Албазинское сидение».

Первым шагом в работе экспедиции было проведение в 2011 году магнитометрического обследования территории городища «Албазинская крепость» (Албазинский острог). Изучение слоя осуществили геофизики ГК «Петропавловск» В.В. Онищук и Н.И. Сухоруков. Магнитометрическое обследование Албазинского острога показало наличие локальных изменений значений магнитного поля грунта, свидетельствующих о наличии в культурном слое памятника остатков сооружений. Эти данные были использованы в дальнейшем при проведении археологических раскопок.

Геофизическая съёмка Албазинского острога

2012 году на территории Албазинского острога были начаты археологические раскопки. Магнитометрическая съёмка позволила определить наиболее перспективные места для проведения раскопок – в центре острога, в юго-западном углу острога, северо-западном и по центру восточного вала. Наибольший интерес представлял центр острога, где наблюдалось скопление пятен с положительным значением градиента, образующих округлую структуру, а также центр восточного вала. Именно на этих участках было принято решение разбить раскопы: раскоп I в центре и раскоп II на восточном валу.

Раскоп I площадью 100 кв. м. частично перекрывал в своей северной части обнаруженную геофизиками аномалию. Это было сделано для того, чтобы проверить характер аномалии, но при этом не разрушить её раскопками, что позволило бы в случае необходимости скорректировать дальнейшие исследования по полученным результатам.

Уже при снятии верхней части культурного слоя была найдена представительная серия индивидуальных находок. Среди них были как предметы, относящиеся к современному периоду – железные предметы, стекло, пуля от современного патрона, так и находки, которые можно отнести к более раннему периоду истории – обувные набойки, свинцовые пули для огнестрельного оружия XVII в., железные наконечники стрел, бронзовые пуговицы и другие находки. Было очень много кованых гвоздей различных размеров. Таким образом, верхний уровень культурного слоя памятника был сильно перемешан и включал находки и XX, и XVII веков. Ещё одна особенность верхнего слоя – включения углей, оплавленного стекла и других свидетельств пожара.

При снятии грунта в северной части раскопа была обнаружена столбовая конструкция, представляющая собой ряд вертикально установленных деревянных столбов, ориентированных в целом по направлению запад-восток. Ряд вместе с северным бортом образовывал в плане неправильную трапецию, обращённую основанием к северу. К югу от них были обнаружены ещё три столба, забутованные камнями, идущие по линии запад-восток. После расчистки и фиксации столбов они были законсервированы и работы в северном секторе раскопа были приостановлены.

В южной части раскопа была обнаружена яма, стенки которой обложены досками. В яме был обнаружен глиняный сосуд, наконечник копья и восковые свечи. Также в яме были обнаружены бронзовые пуговицы и человеческие кости. При зачистке раскопа было обнаружено, что к этой яме примыкало пятно-яма, уходящее в южный борт раскопа, но оно не было исследовано из-за завершения работы экспедиции, раскоп был законсервирован.

Столбовая конструкция в раскопе 1

*Свайный фундамент
сооружения на раскопе 1*

Было сделано множество находок, как оказалось в дальнейшем, стандартных для этого памятника – маньчжурские железные наконечники стрел, свинцовые пули, сапожные набойки, медные пуговицы, серебряные монеты «чешуйки», бронзовые подвески, железные ножи, концевики рукояток ножей, фрагменты русской керамики, китайской фарфоровой посуды.

В ходе полевых работ 2012 года было сделано предположение о характере обнаруженного столбового сооружения, что это свайный фундамент. Раскоп «зацепил» лишь южный фрагмент сооружения, большая его часть осталась не раскопанной к северу от раскопа. При внимательном осмотре поверхности земли к северу от раскопа были обнаружены небольшие углубления диаметром около 0,3 м., образующие правильные ряды. Очевидно, что эти углубления образовались над столбами фундамента, находящегося под землей. Их фиксация на чертеже позволила реконструировать предполагаемую схему сооружения.

Оно представляло собой в плане восьмиугольник с небольшими подпрямоугольными пристройками к югу и к западу, а также полукруглой пристройкой к востоку. Последняя напоминала по очертаниям и местонахождению апсиду, что позволило предположить, что это остатки фундамента православного храма. Однако, храм какого времени – XVII или XIX веков – на данном этапе изучение сказать трудно. Существуют сведения как о строительстве Воскресенского храма в остроге в XVII веке, так и о сооружении в конце 50-ых годов XIX века церкви, которая впоследствии сгорела.

Стратиграфия раскопа показывает, что деревянные столбы – элементы фундамента сооружения – перекрываются сверху слоем коричневого суглинка, насыщенного углем, остатками древесины, камнями, обломками кирпичей, расплавленного стекла, то есть сгоревшей конструкцией. Возможно, что обнаруженный фундамент относился к ней.

Ответить на вопрос о дате и характере найденного сооружения могут только дальнейшие исследования – изучение полевой документации, архивные изыскания и, разумеется, раскопки всей площади конструкции в следующем полевом сезоне. Кроме того, проблему датировки сооружения должен разрешить метод дендрохронологического датирования. Однако для региона в 2012 году не существовало дендрохронологической шкалы. Поэтому в дальнейшем одним из направлений деятельности экспедиции было привлечение специалистов для разработки дендрохронологической шкалы для Приамурья.

Раскоп в центральной части крепости подтвердил данные геофизики. Именно на основании её данных был обнаружен свайный фундамент, предположительно, церкви. В 2012 году также были сделаны предположения о найденных в яме человеческих останках – что это погребение. Дальнейшие работы подтвердили эти предположения.

В 2012 году на восточном валу крепости был разбит раскоп II площадью 28 кв. м. Ширина вала в основании составляет до 10 м., по верху – до 6 м. Высота вала от нулевого репера и от основания вала составляет около 1,2 м. Западный фас вала, обращённый внутрь острога, крутой; восточный – обращённый наружу – пологий.

Стратиграфия вала оказалась достаточно сложной, образованной множеством различных прослоек, среди которых надо отметить прослойки обугленного дерева и прокалённой спекшейся до твердого состояния глины. С внешней стороны вала были сделаны находки ядер и пуль, с внутренней стороны – железные наконечники маньчжурских стрел, фрагменты китайской фарфоровой посуды, ружейные кремни. Разрез вала не подтвердил бытующую гипотезу, что стена крепости была сооружена из составленных вместе деревянных срубов, засыпанных землей.

В 2013 году предполагалось доисследовать обнаруженное в северной части раскопа I в 2012 году сооружение, предположительно, церкви, а также раскопать обнаруженные в южной части раскопа погребения. Однако сильные дожди, приведшие к катастрофическому наводнению в регионе, осложнили работы. Сильная насыщенность слоя грунтовыми водами затрудняла зачистку, поэтому в полевом сезоне 2013 года удалось только доисследовать обнаруженный ранее свайный фундамент сооружения.

Было выбрано заполнение котлована-траншеи, в которой находились столбы, и рассчитаны элементы деревянной конструкции. Оказалось, что фундамент является намного более сложным в инженерном отношении сооружением, чем это представлялось в 2012 году. В специально вырытую траншею, предположительно, в форме квадрата, были положены горизонтальные брусья попарно, зафиксированные клиньями. По углам квадрата под углом 45 градусов, пересекая боковые стороны, были положены сверху горизонтальные брусья, из-за чего полная форма сооружения должна приобрести восьмиугольные очертания. Затем в получившейся из составленных попарно брусом основе фундамента были выбраны квадратные пазы размерами около 0,10–0,12 м., предназначенные для установки и фиксации вертикальных столбов опор. Соответственно размеру пазов обрабатывались и концы брёвен, используемых под столбы. Диаметр их варьировался от 0,4 см. до 0,6 см. Сторона сооружения составляла около 9 м.

В итоге на основной несущей контура фундамента было установлено 6 столбов – по 2 около мест пересечения с дополнительными сплочёнными брёвнами и два в центральной части на равном расстоянии от крайних столбов и друг от друга. Ещё по три столба были установлены на «косых», пересекающих углы сооружения, сплочённых брусах.

К сооружению была с южной части пристроена наземная конструкция, от которой сохранились основания столбов, забутованных камнями. Толщина столбов составляла 0,2—0,3 см. Высота их сохранившихся частей – 0,15–0,2 см. Очевидно, деревянная конструкция представляла собой основной фундамент сооружения, забутованные столбы в южной части представляли собой сооружённую позднее пристройку.

Таким образом, изученное сооружение представляло собой сложное архитектурное сооружение на оригинальном деревянном фундаменте. Такая конструкция, очевидно, необходима для того, чтобы стабилизировать сооружение и минимизировать возможные его перекосы, возникающие при серьёзных подвижках грунта из-за мерзлотных процессов в этом регионе. По своей сохранности и конструктивным особенностям фундамент является уникальным не только для Дальнего Востока, но и для Сибири. Сооружение достойно того, чтобы его музеефицировать и представить как памятник архитектуры. Однако для этого требуется привлечение сложных и дорогостоящих методик реставрации и консервации, для чего необходимы дополнительные исследования и финансирования. Поэтому на данном этапе не стали дальше исследовать фундамент, а оставили его до принятия окончательного решения о музеефикации.

В 2013 году в ходе проведения археологических разведок на территории села Албазино была обследована так называемая «маньчжурская батарея» – небольшая возвышенность (2–3 м.) к северу от сооружений острога на берегу Амура. Она считается насыпной, и традиционно связывается с маньчжурскими укреплениями, построенными к северу от крепости для обстрела её из артиллерии. По краю возвышенности был сделан шурф, который подтвердил её рукотворность. Выяснилось, что возвышенность высотой до 3 м. сформирована чередующимися 12–15 слоями обожжённого серо-коричневого суглинка и горелого березняка. В нескольких местах данная конструкция была укреплена березовыми брёвнами, уложенными горизонтально и, реже, вертикально. Очевидно, подобная конструкция была призвана выдерживать нагрузку пушечных орудий, производимую при выстрелах.

В 2013 году на средства Министерства культуры РФ по Федеральной целевой программе «Культура России 2012–2016» Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области провёл спасательные археологические работы на прибрежной части памятника, разрушаемой водами Амура. Общая площадь раскопа, который располагался в северо-западной части острога, составила 32 кв. м. В ходе этих работ были найдены ружейные кремни, железный нож, вток копья, концевик рукояти ножа, фрагменты керамики, свинцовые пули, маньчжурский наконечник стрелы, бронзовый нателный крест.

В 2014 году были продолжены работы в южном секторе раскопа I, где в 2012 году были обнаружены фрагменты человеческих костей. При дальнейших работах выяснилось, что заглубленный объект с остатками древесины и человеческими костями – это массовое захо-

ронение защитников Албазина – «скудельня», организованное в полуземляном жилом сооружении.

При изучении землянки стало ясно, что представляет собой яма, исследованная в 2012 году. Это подпрямоугольное углубление, вытянутое в направлении, близком к меридиональному и примыкающее в плане с севера к котловану сооружения. Дорасчистка нижней части его котлована показала наличие таких особенностей его конструкции, как вбитые в дно вертикально деревянные столбы и плахи по стенам. Взаимное расположение ямы и основного котлована полуземлянки позволили рассматривать их как часть единого строения. Вероятнее всего, яма являлась боковой нишей-хранилищем в полуземлянке.

В верхней части заполнения землянки были расчищены два гроба – один в северной части жилища, другой в южной. Ниже гробов в заполнении сооружения 2 располагались человеческие костяки рядами на всей площади сооружения и в несколько ярусов. При расчистке погребений, как в гробах, так и вне их, сразу была отмечена плохая сохранность костных останков. Из-за сложности расчистки погребений в полевом сезоне 2014 года исследовать землянку полностью не удалось. Было извлечено 35 костяков, после чего раскоп был законсервирован.

В процессе расчистки и снятия костяков были обнаружены различные находки, наиболее интересные из них: берестяной коробок, железная поясная пряжка без язычка, два нательных бронзовых креста, бронзовый напёрсток, ружейный кремь, бронзовые пуговицы.

В 2015 году сооружение 2 – «скудельня» была доисследована. Проведение археологических работ, кроме средств Фонда «Петропавловск», было поддержано финансированием из других источников: были выделены средства по Федеральной целевой программе «Культура России 2014–2018», а также получен грант Русского географического общества.

В результате были полностью зачищены и извлечены оставшиеся костяки. Найдены следующие предметы: большой железный нож, 19 пуговиц из цветного металла, многие с кусками ткани и нитей, накладка из цветного металла, кожаная обувь, достаточно многочисленная, но плохой сохранности, точильный камень и бронзовая накладка.

Из-за плохой сохранности костей точную цифру погребённых назвать было затруднительно. Для работы с погребениями был привлечён одонтолог – специалист по зубам – сотрудник Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН Наталья Лейбова, которая смогла сделать характеристику индивидуумов в погребении на основании зубов. По её оценке, в «скудельне» находилось более 60 человек, среди них были и мужчины, и женщины, и около десятка детей. Любопытно, что зубы показали наличие среди взрослых индивидуумов представителей монголоидной расы, очевидно, это были местные женщины, которых албазинцы брали в жены. Это подтверждают признаки метисации, обнаруженные на детских зубах, то есть принадлежащие детям, родившимся в смешанных браках.

После снятия костяков полуземлянка выглядела следующим образом. В северной части фиксировались 5 досок размерами от 1,6 м. до 1,8 м. в длину и от 0,16–0,21 м. в ширину. Перпендикулярно под них заходили еще 3 доски. В южной части скудельницы было обна-

ружено пятно прокалённой глины и углей. Кроме того по дну скудельницы фиксировался «натопт» из вдавленной в землю щепы. После снятия досок на полу помещения слой «натопта» также присутствовал. Этот факт говорил о том, что зафиксированные доски были положены на пол перед созданием из данного хозяйственного помещения братской могилы. Под досками также были обнаружены фрагменты ткани. Для завершения исследования скудельницы суглинистый «натопт» с включениями щепы, отдельных угольков, был добран.

В придонной части строения, помимо многочисленной кожаной обуви, были найдены обработанный ружейный кремь, железный крючок, три бронзовых накладки, аналогичных по облику встреченной выше, а также две серебряных копейки периода правления царя Алексея Михайловича.

После выборки котлован сооружения имел подпрямоугольную форму, ориентированную близко к меридиональной, с размерами 3,6 м. на 2,6 м. Глубина составляла от 0,3 м. до 0,7 м. У южной стенки котлована в грунте была вырезана полка высотой 0,4 м., предположительно использовавшаяся в качестве лавки – однако следов дощатых перекрытий на ней зафиксировано не было. Дно в постройке было относительно ровным. Возле западной стены были зафиксированы два вертикально стоящих столба, толщиной около 0,1 см. и высотой свыше 0,4 м., вероятно для фиксации деревянной обшивки. У южной стены на входе в полуземлянку была обнаружена нижняя часть дверного косяка.

Можно предположить, что в период Албазинского сидения 1686–1689 гг. первоначально используемая жилая или хозяйственная полуземлянка была преобразована в место складирования тел покойных. Для этого на пол помещения был постелен широкий отрез грубой ткани, уложены несколько рядов деревянных досок. В дальнейшем на пол стали укладывать тела усопших, начиная от дальнего угла от входа, головой на запад. По мере заполнения помещения телами, их расположение становится всё хаотичнее, они укладываются в несколько рядов. Обращает на себя внимание, что в помещение было помещено двое усопших в деревянных гробах, исследованных в 2014 г., причём их расположение на полках у северной и южной стен над другими костяками, говорит о том, что погребения в гробах были помещены в скудельню на завершающем этапе её формирования.

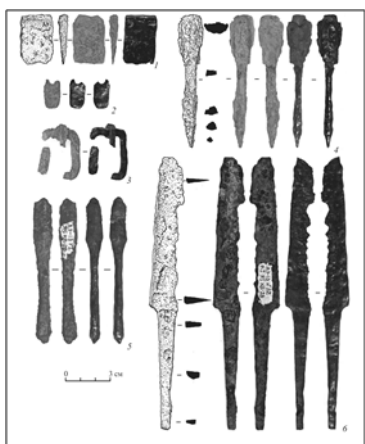
Это массовое захоронение аналогично захоронению, найденному в 1992 году А.Р. Артемьевым, а также, возможно, такое же найдено было во время раскопок отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1979–1980 гг., судя по сохранившимся фотографиям.

Об этих местах складирования тел писал нерчинскому воеводе Ивану Власову руководивший обороной Албазина Афанасий Бейтон: «И те умершие люди похоронены в городе в зимовье поверх земли без отпеву до твоего рассмотрению. А ныне я с казаками живу во всяком смрадном усыщении. А вовсе похоронить без твоей милости и приказу дерзнуть не хочу, чтоб, государь, в погрешении не быть. А хоте, государь, ныне и благоволишь похоронить, да некем подумать и невозможно никакими мерами».

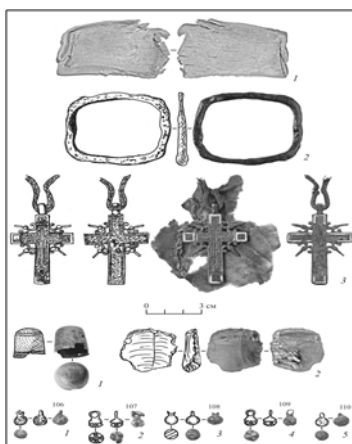
После завершения исследования «скудельни» был разбит раскоп III. Он прилегал с юга и востока к раскопу I. Конфигурация раскопа была призвана расширить площадь

сплошного исследования участка расположения скудельницы, чтобы оценить степень плотности застройки Албазинской крепости.

Уже на первом пласте в северо-восточной части раскопа был зафиксирован переотложенный слой, оказалось, что это был раскоп В.В. Сухих, заложенный на остроге в 1979–1980-м гг. При этом в раскопе была оставлена недокопанной бровка, в которой при выборке слоя были сделаны находки.

Находки 2013 года

Находки 2014 года

Находки 2015 года

В ходе выборки грунта на раскопе были найдены стандартные для памятника находки – от фрагментов керамики до пуль, ядер и стрел. В предматерике, на глубине 160 см. стали видны подпрямоугольные вытянутые пятна коричневого суглинка, ориентированные в широтном направлении. В дальнейшем выяснилось, что это были могильные ямы одиночных погребений. Также было в юго-западном углу раскопа уходящее в западный борт пятно с пятнами древесного тлена и жёлтого суглинка, которое, как выяснилось позже, представляло собой заглубленную конструкцию – землянку. При расчистке верхних слоев землянки в западной части раскопа были обнаружены доски гроба и широкие фрагменты бересты, что позволило предположить, что это ещё одно массовое захоронение защитников Албазинского острога.

На глубине 190 см. в оконтуренных пятнах могильных ям проявились детали гробов, которые впоследствии были расчищены. Выявлено девять гробов. В текущем полевом сезоне исследовано семь доступных для расчистки гробов, затем раскоп был законсервирован для продолжения работ в дальнейшем.

Найденные одиночные погребения, скорее всего, относятся к некрополю Вознесенской часовни (церкви). Некоторые костяки можно определенно отнести к погибшим в ходе военных действий, так в одном из гробов находились останки рослого казака, в районе живота которого лежало ядро, которое, возможно, стало причиной его гибели. Кроме того, для изготовления одного из гробов были использованы не железные гвозди, а маньчжурские железные наконечники стрел.

В погребениях были обнаружены три бронзовых кольца, 24 бронзовые пуговицы, фрагменты одежды из ткани и кожи. Два погребения – одно без гроба, второе в гробу – было об-

наружено в бровке из раскопа В.В. Сухих, которые лежали поперек её, и торцевые части которых были уничтожены. Судя по контексту, они происходили из массового погребения осаждённых албазинцев, аналогичного раскопанному Албазинской экспедицией. Погребение без гроба было детским, вместе с ним были найдены скопление шерсти, очевидно, остатки шубки, бусины и бронзовый крест.

Полностью все одиночные погребения исследованы в сезоне 2015 года не были, как и найденная землянка в западной части раскопа. Раскоп был законсервирован. В этом же году на территории Албазинского острога состоялось торжественное перезахоронение останков албазинцев, извлеченных археологами за предыдущие годы раскопок.

В 2016 году раскоп III с находящимися погребальными объектами был доисследован. Одиночных погребений было обнаружено 13, часть из них была в гробах, а часть без гробов. Землянка, найденная в 2015 году в западной части раскопа, действительно оказалась массовым погребением. Вход в неё располагался с востока, где при расчистке сооружения были обнаружены остатки дверного порога. Напротив двери – в северо-западном углу землянки была обнаружена и исследована глиняная печь, что свидетельствовало о жилом характере помещения, а не хозяйственном.

Землянка была полностью заполнена телами погибших албазинцев. Часть из них была положена в гробах, часть – без гробов. Все они располагались головой на запад. Они лежали настолько плотно, что последнее тело не удалось поместить полностью в землянку – ноги одного из костяков лежали за пределами порога. Общее количество умерших составляло более 40 человек. В ходе раскопок скудельни были найдены стрелы, пули, фрагменты керамики, медные нательные кресты. Также был найден маленький берестяной туесок с начерченным на дне православным крестом.

К работе экспедиции привлекались различные специалисты. В частности, при изучении деревянного фундамента было решено использовать для его датировки методики дендрохронологии. Для этого была приглашена сотрудник Института природных ресурсов, экологии и криологии (Чита) И.Л. Вахнина, специализирующаяся на дендрохронологических исследованиях. Как оказалось, для амурского региона не построена дендрохронологическая шкала, поэтому в ходе работ в 2014–2015 гг. Вахнина, помимо получения образцов древесины из раскопа, собрала для построения такой шкалы в районе Албазина коллекцию образцов древесины из живых деревьев и из деревьев из старых построек. В результате, такая шкала была построена до начала XVIII века. Любопытно, что образцы древесины из фундамента, найденного в 2012 году, не укладываются в разработанную шкалу, что означает, что либо они датируются раньше составленной шкалы, либо собранных образцов не достаточно и надо привлекать для уточнения новые материалы. Так или иначе, необходимо проведение дальнейших работ в этом направлении.

Другое важное направление работы экспедиции – это изучение костных останков защитников Албазина. Для этого были привлечены антропологи – старший научный сотрудник Музея и Института антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова Д.В. Пежемский и научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Н.А. Лейбова. Пежемский изу-

чил костные останки, что позволило сделать первые выводы об антропологическом облике защитников Албазина. Кроме того, им была сделана по черепу одного из погребённых реконструкция лица по методике М.М. Герасимова. Сделанные бюсты уже представлены в музеях Москвы, Благовещенска и Албазина. Н.А. Лейбова, являясь одонтологом – специалистом по зубной системе человека, провела изучение всей существующей коллекции зубов из погребений Албазина, что также является серьёзным вкладом в изучение антропологии населения Албазина.

В 2016 году работы Албазинской археологической экспедиции были завершены. И работа специалистов сконцентрировалась на обработке полученных материалов и введении их в научный оборот. В дальнейшем археологические исследования планируется проводить с учётом результатов, полученных в 2011–2016 гг.

Проведённые за эти годы исследования на Албазинском остроге, а также в округе (результаты не вошли в настоящую статью), были отражены в опубликованном в 2019 году монографическом издании «Албазинский острог. История, археология и антропология народов Приамурья». Книга подготовлена совместно Амурским государственным университетом (Благовещенск) и Фондом поддержки социально-ориентированных проектов и программ «Петропавловск» с привлечением средств гранта Российского научного фонда (проект № 14–180–0308).

В книге представлена история Приамурья от эпохи средневековья с описанием всей существующей сложности этнической и археологической проблематики этого региона до прихода русских на Амур в XVII веке. При этом «дорусский» период Приамурья также представлен результатами археологических исследований Албазинской археологической экспедиции, которая работала не только на Албазинском остроге, но исследовала также другие археологические памятники вблизи острога – многослойное поселение Ульдугичи–I и Ангайский могильник. На поселении Ульдугичи–I были найдены находки от эпохи неолита (осиноозерская культура) до средневековья (троицкая группа Мохэ). Ангайский могильник, найденный

сотрудниками Амурского государственного университета и исследуемый совместно с Албазинской экспедицией, представляет собой памятник владимирской археологической культуры.

Значительная часть книги посвящена истории русского освоения Приамурья и Албазинского острога. В издании представлены результаты археологического исследования городища, вещеведческого анализа коллекции находок с памятника, результаты антропологических исследований, а также в ряде статей, подготовленных на основании существующих письменных и картографических источников, описана история острога, подняты проблемы реконструкции его сооружений, реконструкции одежды и вооружения, описаны социально-демографические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке. К работе был привлечён широкий круг авторов из различных научных учреждений – из Института истории и этнографии

Сибирского отделения РАН (Новосибирск), Государственного исторического музея (Москва), Института археологии РАН (Москва), Амурского государственного университета (Благовещенск), Курского государственного университета.

На данный момент книга «Албазинский острог» является наиболее полным изданием, посвящённым истории Приамурья, представляющим самые последние результаты археологических и исторических исследований.²

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коваленко С.В. Отчет по проведению спасательных археологических раскопок на городище «Албазинская крепость». – Благовещенск, 2013.

² Монография передана в Амурскую областную научную библиотеку и в ближайшее время пополнит фонд отдела краеведения и редких книг.

И.В. Васина,
учёный секретарь
Амурского областного краеведческого
музея им. Г.С. Новикова-Даурского

НЕ ПРОСТО КОНФЕРЕНЦИЯ

Ключевые слова: конференция, Нерчинский договор, Албазино, Албазинская крепость, Албазинская археологическая экспедиция, Агриппина Дорохина, Албазинский краеведческий музей, туристический объект В статье рассказывается о конференции «XII Дорохинские чтения», посвящённой 330-летию подписания Нерчинского договора, которая состоялась в уникальном историческом месте – с. Албазино в 2019 году; упоминаются наиболее яркие значимые доклады; говорится об уникальной коллекции, переданной в дар Амурскому областному краеведческому музею от коллег Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова.

«Дорохинские чтения» – научно-практическая конференция, которая неизменно ассоциируется с селом Албазино – местом, где расположен археологический памятник федерального значения Городище «Албазинская крепость». Здесь в 17 веке было крупнейшее укреплённое поселение русских первопроходцев на Амуре. Сегодня село Албазино – один из привлекательных туристических объектов и посещение местного музея важно для каждого туриста. Албазинский краеведческий музей 45 лет назад основала простая сельская учительница, потомственная казачка Агриппина Николаевна Дорохина (1911–2002), которая и стала первой хранительницей албазинской истории, и в память о которой ежегодно проводятся «Дорохинские чтения».

В 2019 году краеведческая конференция состоялась уже в двенадцатый раз. Тема, собравшая и объединившая учёных, исследователей, археологов, краеведов, сотрудников музеев и библиотек Дальнего Востока России – 330-летие подписания Нерчинского договора между Россией и Китаем. В конференции приняли участие докладчики из Москвы, Хабаровска, Нерчинска, Благовещенска, Амурской области, которые осветили в своих выступлениях историю исследований Албазинского острога, значение Нерчинского, Айгуньского и Пекинского договоров для установления и развития российско-китайских отношений, вопросы истории и топонимики населённых пунктов, результаты исследования музейных коллекций.

С пленарными докладами выступили член Учёного совета музея, историк Коваленко Елена Викторовна, руководитель Албазинской археологической экспедиции Черкасов Андрей Николаевич, заместитель директора Нерчинского краеведческого музея Литвинцев Александр Юрьевич.

Коваленко Е.В. рассказала о стратегическом значении договора, впервые подписанного между Русским государством и империей Цин в 1689 г. и определившего отношения России и Китая.

Черкасов А.Н. представил итоги большой работы Албазинской археологической экспедиции, организованной Фондом социально-ориентированных программ «Петропавловск». Он отметил, что события, разворачивающиеся в Приамурье в XVII веке – важнейшая страница истории освоения российского Дальнего Востока. Рассказать об этом – одна из задач, которую ставит перед собой «Албазинская экспедиция». За годы работы экспедиции открыто 5 новых археологических памятников, 8 погребений, сопровождаемых богатым погребальным инвентарём, найдено около 3 тыс. археологических артефактов: керамика, предметы быта, орудия труда, оружие, элементы одежды, украшения, предметы культа, обладающие, в том числе, и художественной ценностью. В ходе раскопок Албазинского острога были найдены и исследованы деревянный фундамент церкви, два массовых погребения и более двух десятков одиночных погребений защитников крепости. Выполнена антропологическая реконструкция лица защитника острога по черепу, найденному в ходе археологических раскопок, по методике М.М. Герасимова. В конце доклада Андрей Николаевич отметил, что осуществилась идея снять документальный фильм «Албазинские скаски» о первом русском городе на Амуре. Фильм 2018 г. (*режиссер – Мария Ховенко, автор сценария – Андрей Черкасов*) был показан в конце работы конференции.

Заместитель директора Нерчинского краеведческого музея Литвинцев Александр Юрьевич представил доклад «Проект социокультурного развития с. Михайловка («Старый Нерчинск») как модель возрождения исторической памяти места». Он обратил внимание, что село Михайловка Нерчинского района Забайкальского края – место, на котором с 1658 по 1812 гг. располагался город Нерчинск, – территория с богатой историей общероссийского и международного значения, которая по примеру Албазина может стать местом притяжения туристов.

В рамках культурной программы участники конференции, большая часть которых впервые присутствовала на «Дорохинских чтениях», посетили с экскурсией Албазинский краеведческий музей, поразивший их современной содержательной экспозицией, уникальными экспонатами – археологическими находками, свидетелями героического прошлого Албазинского острога, глубокими историческими знаниями экскурсовода – заведующей музеем Андреевой Веры Николаевны.

Не менее интересным для докладчиков были территория бывшего острога, этнографический комплекс под открытым небом «Изба казака с подворьем начала 20 века», а также места, где установлены памятный камень в честь 155-летия подписания Айгунского договора 1858 г. и крест на месте сгоревшей церкви XIX в.

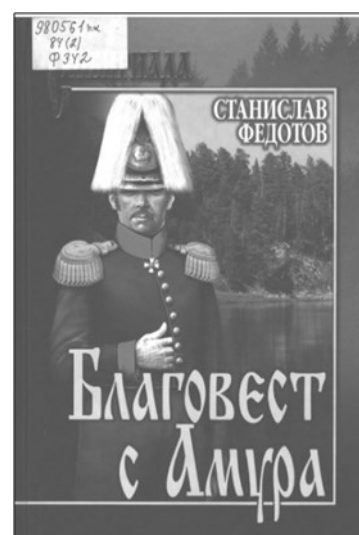
Для участников конференции и жителей села были организованы демонстрация документального фильма «Албазинские скаски», концерт Александра Мамина – руководителя литературно-музыкального клуба «Амур», где музыкант исполнил свои песни, а также мастер-класс по рисованию сангиной члена Союза художников России Наталии Саяпиной.

В завершении конференции научные сотрудники Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова Виктория Малакшанова и Татьяна Белькова передали работникам Амурского областного краеведческого музея комплект уникальных фотографий (76 ед.) 1920–1930-х гг. по истории Амурского областного театра драмы. Увидеть раритеты амурчане смогут в конце года на выставке, посвящённой истории театрального искусства г. Благовещенска.

«Дорохинские чтения» – не просто конференция, это ежегодная встреча единомышленников в память о простой казачке А.Н. Дорохиной в её родном селе Албазино, уникальная история и особая энергетика которого делают его местом, куда хочется приезжать вновь и вновь.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Член Союза писателей России Станислав Федотов, в 1986 году переехав в Благовещенск, «заболел» Муравьевым-Амурским и взялся за «роман про возвращение Приамурья в лоно России».

В 18 лет прапорщик, в 38 – генерал-губернатор Восточной Сибири, хозяин половины России – от Енисея до Тихого Океана, а в 41 – граф Амурский – за великие заслуги перед Отечеством. Немногим удавалось сделать такую карьеру в середине XIX века. Н.Н. Муравьеву удалось, несмотря на враждебность столичных вельмож, многие препятствия, отступления и даже провалы. У него всё сложилось потому, что нашлись надёжные соратники из разных сословий, и главное – его вела по жизни и помогала в делах – ЛЮБОВЬ.

Роман издан в московском издательстве «Вече» в 2010–2013 гг. в серии «Сибиряда» в трёх томах.

*Для переиздания в Благовещенске в 2016 году
в издательстве «Царское Слово» роман
переформатирован в шесть книг и получил новое название –
«Под знаком Амура».*

**В 2013 году роман был удостоен Международной премии имени Пикюля
«За развитие традиций русского исторического романа».**

А.И. Коваленко,
заведующий кафедрой философии,
истории Отечества и иностранных языков ФГБОУ ВО
«Амурская государственная медицинская академия»,
доктор исторических наук

АЛГОРИТМ ЖИЗНИ ГРАФА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЁВА-АМУРСКОГО ПО КНИГЕ И. П. БАРСУКОВА

Ключевые слова: алгоритм жизни, военная служба и гражданская деятельность, патриотизм, «амурское дело».

В статье рассматриваются основные этапы жизни и деятельности графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, его служение Отечеству как гражданский и военный подвиг. Основными вехами на жизненном пути стали служба в период русско-турецкой войны 1827–1828 гг., участие в польских событиях 1831 г. и кавказских сражениях, губернаторство в Туле и генерал-губернаторство в Восточной Сибири. Историческое значение для России имело присоединение Приамурья и закрепление на тихоокеанском побережье, что произошло благодаря титаническим усилиям Н.Н. Муравьёва-Амурского.

Книга И.П. Барсукова о графе написана на архивных документах и воспоминаниях современников.

Воспоминания о личности Н.Н. Муравьёва-Амурского оставили многие его современники – политики, писатели, общественные деятели, самые близкие соратники. Среди тех, кто признавал историческую роль Н.Н. Муравьёва в службе на благо Отечества были митрополит Иннокентий Вениаминов, министр внутренних дел Л.А. Перовский, чиновник по особым поручениям Б.В. Струве; хорошо знавшие его по службе на Кавказе Г.И. Филиппсон и по амурской эпопее Р.К. Богданов; учёные и писатели М.И. Венюков, В. Вагин, И.А. Гончаров; общественно-политические деятели М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин и другие. Но его стратегические планы не оставляли равнодушными, а подчас и враждебно настроенными его оппонентов. Это министры иностранных дел К.В. Нессельроде и финансов Ф.П. Вронченко, ссыльно-поселенцы Д.Н. Завалишин и М.В. Петрашевский, считавшие главное дело его жизни по присоединению к России Приамурья сумасбродством и авантюрой.

Оценку алгоритму жизни и деятельности Н.Н. Муравьёва дала история. Он видел далеко вперёд, обладал политическим, дипломатическим и военным талантом, умел ставить стратегические цели и, преодолевая сопротивления недоброжелателей, опираясь на сподвижников, расширил границы государства Российского до самого Тихого океана.

Как же формировалась эта великая личность? Под влиянием каких факторов? Ответ на эти вопросы мы найдём у действительного члена Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете И.П. Барсукова в книге «Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский». Свой труд И. Барсуков назвал «материалы для биографии». И это верно. Работу Барсукова трудно идентифицировать как историческое исследование. Это, скорее, исторический источник, изданный в память о генерал-губернаторе к десятилетию со дня его смерти. Биография графа написана на архивных материалах. Автор с благодарностью отмечает вклад М.С. Волконского и Ф.А. Анненкова, лично служивших при Н.Н. Муравьёве и предоставивших материал из архивов высших государственных учреждений. Документы, исходящие из этих органов, и ответы генерал-губернатора в высшие инстанции позволяют судить о гигантской работе «неутомимого труженика, одарённого умом государственным, необыкновенной энергией и предприимчивостью» [1, С. 1]. Достоверность биографическому описанию придаёт переписка графа с близкими людьми, в частности, братом Валерианом и М.С. Корсаковым, а также сослуживцами и друзьями. Содержание писем очеловечивают личность Муравьёва, раскрывают его характер, интеллект, умение общаться с различными категориями людей. В книгу включены воспоминания современников о Муравьёве и публикации в печати.

Николай Муравьёв родился в 1809 г. в именитой дворянской семье. Его предки Муравьёвы известны на поприще государственной и военной службы, прославились гражданской деятельностью, оставили о себе память в области науки и литературы. Отец Муравьёва, Николай Назарьевич, получив домашнее образование, закончил Горный корпус, после которого был произведён в офицеры. Он начинал службу в Нерчинском горном батальоне, сопровождал выплавленное на нерчинских заводах серебро в Петербург, затем десять лет служил во флоте, из них семь – на английском военном корабле. Достигнув чина капитана 1-го ранга, перешёл в Министерство народного просвещения, был попечителем Московского университета. В его трудовой биографии губернаторство в Новгороде, а затем служба при императоре Николае Павловиче. Мать, Мордвинова Екатерина Николаевна, была образованной, религиозной женщиной, нежно заботящейся о детях. К сожалению, она рано ушла из жизни, когда Николеньке шёл десятый год. Император Александр I рекомендовал сыновей овдовевшего статс-секретаря Муравьёва Николая и Валерьяна в Пажеский его Величества корпус. Достигнув совершеннолетия, выпускник корпуса Николай Муравьёв поступил на службу прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк [1, С. 7–9].

В 1827 г. началась русско-турецкая война, где молодой офицер впервые стал участником сражений. Главным театром войны были Молдавия, Валахия и Болгария. Муравьёв в рядах русских ратников форсировал Дунай, проявил себя при осаде и штурме крепостей Шумла и Варна. За мужество и неустрашимость, проявленные Н.Н. Муравьёвым в войне с турками при осаде крепости Варна, он получил Высочайшую признательность и был удостоен ордена Анны 3-й степени с бантом [1, С. 13–15].

Здоровье Муравьёва было подорвано, он страдал от приступов лихорадки и вынужден был уйти из действующей армии для лечения за границей. В 1831 г. он возвратился на воен-

ную службу, за храбрость в подавлении польского восстания был награждён орденом Святого Владимира с бантом и золотой шпагой. Оценивая участие поручика Муравьёва в польских событиях, И. Барсуков пишет, что он, будучи адъютантом генерал-лейтенанта Е.А. Головина, прошёл «превосходную боевую школу, школу малой войны, которая так полезна для развития в будущем военных дарований самостоятельного начальника» [1, С. 45].

Большая война для Н.Н. Муравьёва проходила на Кавказе. Сам он пишет: «Кавказ – широкое для меня поле деятельности». В течение шести лет он воевал в Дагестане и Абхазии, в том числе принимал участие в боевых действиях против Шамиля. В одном из сражений Муравьёв был тяжело ранен в правую руку. В письме к брату Валериану подполковник Муравьёв пишет о желании вылечить руку, чтобы «совершенно овладеть» ею, лучше за границей, но для этого нет средств. Военная служба – это его судьба. Из письма к брату: «...собачья жизнь непрерывно полтора года подвергалась опасности: от кинжала, пули, в быстрой реке, под снежным завалом, на дне каменистой пропасти. Впрочем, я совершенно всем доволен и за всё очень благодарен по сравнению с другими, а служить, по-моему, больше думая о пользе службы, чем о своей жизни...» [1, С. 68].

Такой же самоотдачи он требовал от других. В своих воспоминаниях сослуживец Муравьёва по Кавказу Г.И. Филипсон отмечал его личные качества и отношения с подчинёнными: «Господствующими страстями Н.Н. Муравьёва были – честолюбие и самолюбие. Для их удовлетворения он был не всегда разборчив на средства. Малого роста, юркий и живой, с чертами лица некрасивыми, но оригинальными, он имел бойкие умственные способности, хорошо владел пером и был хорошо светски образован.... Он умел узнавать и выбирать людей, стоять за своих подчинённых и особенно любил приближать к себе молодёжь...» [1, С. 69]. Героизм, самоотверженность и мужество Н.Н. Муравьёва в кавказской службе были отмечены орденом Святого Станислава 1-й степени с Высочайшей грамотой. Но по состоянию здоровья он вынужден был перейти на гражданскую службу.

С 1846 г. короткое время он служил военным губернатором Тулы и Тульским гражданским губернатором. И здесь Муравьёв проявил себя талантливым администратором. Барсуков пишет: «Служебная деятельность на этом посту была кратковременна, но он своим умом, образованием и широким взглядом на дело успел сделать многое и приобрести всеобщую любовь и уважение». Изучив состояние дел в губернии, он обратил внимание на неумеренное и нерасчётливое истребление леса, потребность в развитии водных путей сообщения для эффективной торговли, положение в тюрьмах и рациональное развитие сельского хозяйства. Он подготовил прошение к государю об освобождении крестьян от крепостной зависимости, чем заслужил отношение к нему как к либералу [1, С. 161–162].

Совсем неожиданным событием и для Муравьёва, и для других государственных мужей было его назначение генерал-губернатором Восточной Сибири. При назначении Муравьёва на генерал-губернаторство Николай I поставил перед ним задачи по наведению порядка в хозяйственной деятельности, прежде всего в золотопромышленности и кяхтинской торговле. «Что же касается до Русской реки Амур, то об этом речь впереди» – сказал в завершении император [1, С. 170].

Общие настроения хозяйственно-политической элиты Восточной Сибири, связанные с приездом нового генерал-губернатора образно передаёт один из редакторов газеты «Сибирь», историк В. Вагин: «Говорили, что он человек ещё молодой, но чрезвычайно деятельный, справедливый и строгий. Многие из уцелевших от ревизии сенатора Толстого встревожились; но вообще население радовалось, что, наконец, у него будет хороший правитель» [1, С. 177].

Раскрывая личные качества Муравьёва, один из его ближайших соратников Струве отмечал: «Муравьёв всегда больше делал, чем сам надеялся и обещал.... Он действовал в широком смысле предусмотрительно и подготовительно, с настойчивостью и последовательностью проводил задуманные им преобразования» [1, С. 180]. Изучив состояние дел во вверенном ему крае, Муравьёв начал борьбу с коррупцией и казнокрадством чиновников администрации своего предшественника В.Я. Руперта, масштабными злоупотреблениями и воровством, процветающими, прежде всего, в золотодобывающей промышленности. Он повёл решительную борьбу против монополизации золотодобычи, за создание условий для свободного предпринимательства, за счёт чего можно было увеличить платежи в казну, укрепить финансы и сократить взяточничество. В это же время он развернул кампанию по передаче в частные руки винокуренных и солеваренных заводов. Естественно, появились недоброжелатели среди богатых промышленников и влиятельных лиц из окружения прежнего руководства.

Муравьёв уверенно освобождался от взяточников, при этом внешне вёл себя достаточно сдержанно. Так, чиновнику по золотодобыче в Горном отделении сказал: «Я надеюсь, что вы не станете со мной служить» и вынудил его уйти в отставку. За коррупцию, связанную с золотодобычей, он отрешил от должности Иркутского губернатора Пятницкого и ряд приближённых к нему лиц. И.П. Барсуков пишет: «Вообще, появление Муравьёва в Сибирь, по рассказам современников, было как бы громом, который прогремел после нависшей мрачной тучи над Сибирью – развеял эту тучу и очистил воздух. Муравьёв по своей честной натуре, круто положил конец всем хищениям и всякого рода неслыханным злоупотреблениям» [1, С. 179]. «Появились новые люди, пошли новые порядки», – завершает В. Вагин.

На службу в Восточную Сибирь Н.Н. Муравьёв пригласил многих из тех, кого давно знал, считал людьми честными, энергичными, хорошими организаторами и патриотами. В письме к М.С. Корсакову, которому он доверил главное дело своей жизни – генерал-губернаторство в Восточной Сибири после своей отставки и который колебался в возможности принять столь высокую должность, он писал: «Милый друг, ты погресишь перед собою и отечеством и будешь раскаиваться без всякого для себя оправдания» [1, С. 587].

Самоотверженная служба Родине была главным требованием к людям, готовым работать рядом. Ближайшими помощниками Н.Н. Муравьёва стали Г.И. Невельской, М.С. Корсаков, П.В. Казакевич, М.И. Венюков, Б.В. Струве, Н.В. Буссе, П.И. Запольский, В.С. Завойко и др. Всех их, как и Муравьёва, отличало строгое следование выполнению долга и высокая ответственность перед государством за дело, которому служат. Н.Н. Муравьёв высоко ценил своих соратников, при необходимости защищал их в правительстве. В частности,

Г.И. Невельского, который, по мнению Нессельроде, превысил полномочия при исследовании побережья Тихого океана и устья Амура. Тем не менее, это не помешало Муравьеву отстранить своих ближайших помощников Г.И. Невельского, П.И. Запольского, В.С. Завойко от должностей, когда они стали высказывать несогласие с его взглядами и предложениями. Вагин по этому поводу заметил: «Всё хорошее, что было сделано Муравьевым, было результатом его ума, всё дурное – его характера».

Н.Н. Муравьев видел настоятельную необходимость укрепления более чем 2000-верстной границы в Забайкалье с последующим выходом на Амур. Он писал: «Там... тянется пограничная линия, почти везде удобопроходима; откуда шли два главных пути в середину Китайской империи, т. е. через Кяхту и Цурухайтуй, и где главное – судоходные вершины реки Амура – под названием рек Онона и Шилки, представляющие свободное плавание вниз от г. Нерчинска для пароходов даже большого размера» [1, С. 281–285].

Некоторые государственные сановники (графы Нессельроде, Сенявин, князь Чернышов) категорически возражали, мотивируя последующим обострением отношений с Китаем. В конечном итоге спор разрешился императорским вердиктом 26 января 1848 г.: «... Охранение постоянных мест желательно передать осёдлому или поселённому войску... Можно, прежде всего, преобразовать казачьи городовые полки в поселённые батальоны. Но прежде чем сделать какой-либо шаг к сему преобразованию, нужно узнать в подробности теперешнее положение городских казаков». Так были определены главные ориентиры в пограничной политике России на юго-востоке. Её целью стало закрепление за Россией левобережья Амура с выходом к берегам Тихого океана, главной силой для реализации проекта было забайкальское казачество, а его исполнителем Н. Н. Муравьев.

Изучив ситуацию, Муравьев представил Военному Министерству доклад «Об усилении военных средств в Забайкалье», в котором предложил создать войско из пограничных и городских казаков и горно-заводских крестьян. 17 марта 1851 г. было принято Положение об образовании Забайкальского казачьего войска, в состав которого вошли все русские казаки по пограничной линии в Иркутской губернии от Горбиченского караула до Тункинского отделения, забайкальские городовые казаки, станичные казаки, живущие в Верхнеудинском округе, пограничные казаки из бурятских и тунгусского полков. Всем казакам и их потомкам запрещался выход из казачьего сословия. В июне 1851 г. в состав войска были причислены Нерчинские горно-заводские крестьяне [1, С. 312–313].

Забайкальские казаки стали пионерами в присоединении Приамурья. Первые экспедиции на Амур получили название сплавов. Первый сплав был осуществлён в течение месяца – с 14 мая по 14 июня 1854 г. Участники сплава должны были пройти по Амуру от верховий до его устья, где стоял со своей эскадрой Г.И. Невельской, а у берегов Тихого океана находились боевые корабли английского флота, готовые войти в низовье Амура. Их территориальные притязания распространялись на тихоокеанское побережье и свободные приамурские земли.

Предполагалось, что участники сплава доставят в устье Амура войска, боеприпасы и продовольствие. Общее руководство сплавом осуществлял Муравьев, за постройку судов

и парохода «Аргунь» отвечал капитан 2-го ранга Казакевич, за формирование войск и подготовку провианта – подполковник Михаил Семенович Корсаков. В свите генерал-губернатора находились чиновники Свербеев, Перемыкин, Бибилов, Герцфельд, инженеры Рейн. Мравинский, Ключкин, красноярский голова купец Кузнецов, переводчик Сычевский. Из нижних чинов в числе участников сплава были топограф, 14 музыкантов и такие гражданские лица как Березин, Соловьёв, помогавшие экспедиции деньгами и продуктами. В сплав назначались солдаты регулярных воинских подразделений и сводная сотня Забайкальского казачьего войска под командованием сотника Имберга. Всего насчитывалось до 1000 участников экспедиции [1, С. 358].

Первый сплав имел огромное значение. Его участники увидели прилегающие к Амуру земли и смогли оценить их хозяйственное значение. Они наблюдали за реакцией маньчжурского населения на появление русских в водах Амура и могли сделать вывод о лояльности китайских чиновников, которые, видимо, больше, чем русских, опасались появления в приамурском регионе англичан, французов и американцев. И, наконец, силами прибывшего с Муравьевым десанта была организована охрана побережья от нападения англо-французской эскадры.

Второй сплав 1855 г. предназначен был для перевоза большого груза в устье Амура. Общее руководство экспедицией возлагалось на князя Волконского. По прибытии в устье Амура сводный пеший казачий полубатальон в количестве 500 человек под командованием подполковника Сеславина расположился в Александровском посту (де-Кастри). Вместе с пешими казаками оборону поста заняли часть конной казачьей сотни и дивизион горной артиллерии. Здесь произошло первое сражение забайкальских казаков с неприятелем. 3 октября эскадра противника в составе 8–9 судов (по данным Иванова – 16) появилась в заливе де-Кастри. Береговую оборону заняла команда из 130 казаков под командованием есаула Пузино. Казаки держались стойко. Спустя 3 дня им на помощь прибыло ещё около 200 человек. После многодневного обстрела противник вынужден был удалиться. Все участники сражения были отмечены командованием и награждены императором, а урядник Таскин, после выстрела которого началось сражение, стал первым Георгиевским кавалером в Забайкальском казачьем войске.

Первые экспедиции по Амуру до берегов Тихого океана и обратно унесли много человеческих жизней. Люди страдали от сырости и холода, от цинги и тифа, на обратном пути умирали от голода. Ценой этих жертв юго-восточные окраины Азии фактически оказались под русским влиянием. В это же время начинается поселение гражданского населения на новых землях. Летом 1855 г. на Амур прибыла конная сотня забайкальских казаков для постоянного жительства. На левом берегу реки они образовали станицу Сучи [1, С. 422–440].

В 1856 г. продолжают создаваться русские посты на Амуре: у реки Котоманды (200 вёрст от Усть-Стрелки), против Кумарского караула, в устье реки Зеи, ниже реки Буреи и около устья реки Сунгари. На постах заселялись казаки сводной амурской сотни и часть линейных солдат.

Несмотря на строительство казачьих постов по левому берегу Амура, официально вопрос о разграничении территории с китайской стороной не был решён. Для дальнейшего хозяйствования русских на Амуре необходимо было упорядочить пограничные отношения с Китаем. Переговоры Муравьёва с китайской стороной в г. Айгунь завершились подписанием договора от 16 мая 1858 г., который вошёл в историю международных отношений России на Дальнем Востоке под названием Айгуньского трактата. В договоре говорилось: «Левый берег Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья реки Амура, да будет владением Российского государя, а правый берег, считая вниз по течению реки до Уссури владением Дайцинского государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств».

Заключение договора имело большое значение. Выступая на состоявшемся по данному случаю параде казачьих войск в Усть-Зейской станице, Муравьёв сказал: «Товарищи! Поздравляю вас, не тщетно трудились мы, – Амур сделался достоянием России! Святая православная церковь молится за нас, Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом его вновь приобретенная страна, ура!».

И. Барсуков дал короткую, но ёмкую оценку значения генерал-губернатора Восточной Сибири для России: « В первое плавание, в 1854 г. Н.Н. Муравьёв открыл Амур; во второе, в 1855 году, защитил его от врагов; и в третье, в 1858 году, возвратил Амур России». За амурскую эпопею Н.Н. Муравьёв удостоился монаршей благодарности и признания: «Просвещённым действиям вашим обязан этот край началом своего гражданского возрождения, – писал Александр II, – благоразумными и настойчивыми мерами, вами принятыми, упрочены наши мирные сношения с соседним Китаем, и заключенным вами трактатом дарован Сибири новый торговый путь по реке Амуру, служащий залогом будущему промышленному развитию государства.... В воздаяние за таковые заслуги ваши Я возвёл вас укажом... в графское Российской империи достоинство, с присоединением к имени вашему названия Амурского, в память о том крае, которому в особенности посвящены были, в последние годы, настоятельные труды ваши и постоянная заботливость». Одновременно с возведением Н.Н. Муравьёва в графское достоинство, он был Всемиловейше награждён чином генерала от инфантерии [1, С. 527–528].

Завершилось формирование российско-китайской границы 2 ноября 1860 г. на основании Пекинского договора. Восточная граница между двумя государствами устанавливалась, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, вниз по течению реки Амур до места впадения в неё реки Уссури. Земли, лежащие по левому берегу Амура, объявлялись российскими, а по правому – китайскими. Далее граница устанавливалась по рекам Уссури и Сунгача, озеру Ханка, реке Беленхэ (Тур) и далее по горному хребту к устью реки Хубиту (Хубту, Ушагоу) и от этого места «по горам, лежащим между рекой Хуньчунь и морем до реки Тумыньцзянь». Земли, лежащие к востоку от этой линии, объявлялись территорией России, а к западу от неё – территорией Маньчжурии.

1861 год. Наступил момент прощания графа Н.Н. Муравьёва-Амурского с приобретённым его усилиями краем. Назначенный для отъезда день начался в соборе, в котором при архиерейском служении граф, окружённый обществом, отстоял напутственный молебен. Прощание Муравьёва состоялось в здании Соборной. Барсуков пишет: «Громадная зала последнего, прилегающие комнаты кишели публикой. Тут были и мундиры, и ремесленники со значками, и фраки, и сюртуки, и крестьяне, прибывшие из соседних деревень, и инородцы, и казаки. Не было, кажется, человека, которому бы граф не сказал слова». Долго ещё графскую повозку сопровождали люди под слова инородцев: «Мы тебя, граф, не забудем, не забудь ты нас» [1, С. 612–613].

И действительно, работая в Государственном совете, Н.Н. Муравьёв внимательно вникал в дела Дальнего Востока.

Последние годы жизни его прошли во Франции, где после смерти он был похоронен на кладбище Монмартр. В 1991 году в 110-ю годовщину со дня смерти прах графа Н.Н. Муравьёва-Амурского перевезён во Владивосток. На берегу Тихого океана стоит памятник – могила графа, как память потомкам о великом сыне России, усилиями которого формировалась граница на далёкой восточной окраине.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсуков, И. П. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский : биограф. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печ. источникам / И. П. Барсуков ; Приамур. геогр. о-во ; [предисл. В. И. Ишаева "России верный сын"]. – Репр. изд. по изд. Синод. Тип. – Москва, 1891. – Хабаровск : Приамур. геогр. о-во, 1999. – 672 с. : портр.

В.П. Кобзарь,
член Союза журналистов России

ВЕНОК ОТ БЛАГОДАРНЫХ ГРАЖДАН

Старые газеты рассказывают...

В 1908 году исполнялось 50 лет со дня образования города Благовещенска. В заседании 18 мая члены благовещенской городской Думы обсуждали план мероприятий в честь празднования.

Вначале прозвучало предложение установить на Чуринской площади часовню. Член управы Ружицкий напомнил, что «вопрос о постройке часовни не нов и давно возбуждался». Несколько лет назад гласные уже ходатайствовали о перенесении останков графа Муравьёва-Амурского в Благовещенск, чтобы поместить их в часовне, которую выстроить на Никольской улице. Решили, что лучшее место для часовни всё-таки не торговая Чуринская площадь.

Чтобы отпраздновать полувековой юбилей, думцы предлагали устроить молебствие, провести торжественное заседание думы, прочесть лекцию об основателях Благовещенска, послать приветственные телеграммы сподвижникам Н.Н. Муравьёва-Амурского (идея гласного Свидерского), устроить бесплатный обед для бедных (идея гласного С.П. Попова).

Обсудили и решили: провести в Никольской церкви заупокойную панихиду и молебен, в общественном собрании – торжественное заседание думы и обед с почётными гостями, отправить телеграммы сподвижникам Муравьёва, организовать прогулку учащихся на пароходах по Амуру [2].

Юбилейные празднества прошли 21 мая. После торжественного богослужения в Никольской церкви вблизи неё прошла церемония закладки часовни. Торжественное заседание думы проходило на сцене Общественного собрания, украшенной флагами и портретами Н.Н. Муравьёва-Амурского. В саду Общественного сада был устроен обед для приглашённых лиц.

Во время обеда доверенный ТД «Кунст и Альберс» А.М. Клосс поднял бокал за тех лиц, которые в 1900 году грудью встали на защиту родины.

Владелец пивоваренного завода «Россия» К.О. Августовский поднял вопрос об учащейся молодёжи и во время обеда собрал 400 рублей в пользу землячества амурских студентов, обучающихся в вузах Москвы, Петербурга, Киева, Томска [1, 2].

В тот же день в Париже, на кладбище Монмартр побывали два делегата от городской думы – П.И. Похолков, лично знавший графа Н.Н. Муравьёва-Амурского, путешествовавший с ним в конце 50-х годов XIX века по Приамурью, и В.Г. Касьянов. Их сопровождали члены русской колонии, представители нескольких русских газет. У могилы графа делегатов ожидал притч русской церкви с хором. Отслужена была панихида. Как пишет корреспондент благовещенской газеты «Торгово-промышленный листок объявлений»: «Великолепное пение церковного хора собрало вокруг немало французских посетителей кладбища. Могила была роскошно украшена цветами и среди них – серебряный венок на бархатной доске с надписью на ленте «Основателю Благовещенска – благодарные граждане» и бронзовый венок на бронзовой доске от Хабаровска, Владивостока, Никольск-Уссурийского.

Делегаты от Благовещенска вновь выразили пожелание, чтобы прах покойного был перевезён с чужбины в тот край, который обязан ему своим существованием» [2].

В октябре 1908 года отмечали 50-летие основания Хабаровска. Во время празднования неизвестный облил памятник Н.Н. Муравьёву-Амурскому разъедающей жидкостью. Камень пришлось отмывать и снова полировать. Занимались этим итальянские мастера, за работу взяли 500 рублей [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Деловой мир Приамурья (середина XIX – начало XX вв.) : [в 2 т.]. Т. 2. – Благовещенск-на-Амуре : Амур. ярмарка, 2013. – С. 4.
2. Торгово-промышленный листок объявлений, 1908.

О.Н. Кухаренко,

доцент кафедры романо-германских и восточных языков
ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педаго-
гический университет», кандидат педагогических наук

В ПОИСКАХ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОШЛОГО ГРАФИНИ МУРАВЬЁВОЙ-АМУРСКОЙ

Ключевые слова: Муравьёва-Амурская, Ришмон, Желос, российско-французские отношения, история.

В статье представлены события, связанные с поисками сведений о «французском» периоде жизни графини Е.Н. Муравьёвой-Амурской, урождённой Элизабет Буржуа де Ришмон в г. Желос (Франция), супруги генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва-Амурского. Исследования автора основаны на работах российских историков, материалах архивов г. По (Франция) и французских изданий, личных встречах и беседах. Автор делится опытом сотрудничества с мэрией г. Желос по восстановлению и сохранению общей исторической памяти.

Весной 2016 года франкоязычный журнал «Salut! Ça va?» Благовещенского государственного педагогического университета готовился присоединиться к празднованиям 160-го дня рождения Благовещенска. Специальный выпуск решено было посвятить истории города, его выдающимся личностям, знаменательным датам и фактам, вписанным в его историческую летопись.

Мы изучили исследования знаменитых французов, посетивших в разное время наш регион и написавших о нём в книгах и журналах. Студенты БГПУ собрали и перевели на французский язык материалы об истории города, об архитектурных памятниках и о семи чудесах Амурской области. Серия материалов была посвящена выдающейся исторической личности, российскому государственному и военному деятелю, губернатору Восточной Сибири с 1847 по 1861 годы, основателю города Благовещенска Николаю Николаевичу Муравьёву-Амурскому. Безусловно, нас интересовала и личность супруги губернатора Екатерины Николаевны, которая, как мы знали, была по происхождению француженкой. Результаты наших поисков должны были быть опубликованы в специальном выпуске журнала, однако в итоге они стали началом увлекательной истории и целого ряда уникальных открытий.

В самом начале пути у нас была твёрдая уверенность найти потомков семьи Муравьёвых-Амурских во Франции, место захоронения Екатерины Николаевны, их дом. К тому же за время сотрудничества с французскими учебными учреждениями у нас образовался широкий круг друзей и коллег во Франции, которые могли бы нам помочь в поисках. Но, прежде чем к ним обратиться, нам нужно было тщательно изучить уже известные сведения о Екатерине Николаевне, представленные в исследованиях дальневосточных историков, основанных на документах Государственного Архива Российской Федерации и на сведениях фунда-

*Фото супругов
(Москва, начало 1860 г.)*

ментального дореволюционного труда археографа И.П. Барсукова от 1891 года. В них описан в основном сибирский период биографии Элизабет Буржуа де Ришмон, то есть с 1847 года, когда она уезжает жить в Россию, принимает православие и выходит замуж за Николая Муравьёва, и вплоть до 1861 года, когда генерал-губернатор Восточной Сибири уходит в отставку, и супруги уезжают жить в Париж.

Больше всего о Е.Н. Муравьёвой-Амурской можно узнать из книги И.П. Барсукова. Она дважды (1999 г., 2008 г.) была переиздана репринтным способом. Доктор исторических наук, профессор Н.И. Дубинина, цитируя материалы Барсукова, рассказывает нам о Екатерине Николаевне, о её встрече с супругом, об их взаимоотношениях и об её, бесспорно, выдающейся роли в жизни государственного и военного деятеля Н.Н. Муравьёва-Амурского, а значит и в становлении Государства Российского. «По свидетельству знавших Екатерину Николаевну, она была чрезвычайно красива, умна, образованна. Характера она была мягкого, ровного, добрая сердцем и отличалась любовью к новому отечеству».

По мнению И.П. Барсукова, женитьба Н.Н. Муравьёва имела «большое влияние на его будущее». 19 января 1847 года в Богородицком храме под Тулой состоялось бракосочетание Н. Н. Муравьёва и Элизабет Буржуа де Ришмон, которая перед этим приняла православие и взяла имя матери губернатора, умершей, когда ему было девять лет.

Желание Екатерины Николаевны изучить русский язык восхитило супруга. «Катенька моя теперь в классе русского языка; с её способностями есть надежда, что она скоро будет говорить и писать». Действительно, через несколько месяцев она написала письмо по-русски своему деверю – любимому брату Николая Николаевича – Валериану Николаевичу.

Приведённые И.П. Барсуковым в книге о Муравьёве-Амурском выдержки из его писем того времени о супруге наполнены восторженными словами: «Милая, прекрасная, умная и всего более любящая Екатерина Николаевна обворожила всех... О себе я говорить не буду: меня можно считать пристрастным» [2, С. 162]

Из письма брату: «...прошу полюбить мою милую Катеньку ... по уму и душевным её качествам она истинно этого заслуживает; а по тому, что сделала из любви ко мне (принятие православия – прим. Н.И. Дубининой), она выше всякой похвалы и одобрения».

И.П. Барсуков деликатно написал о «пылкости и сложности характера» Муравьёва, о проявлениях деспотичности. Невыполнение подчинённым приказа, которое иногда случалось в силу недоразумений или ошибочной информации, вызывало у генерала вспышку страшного гнева. Он становился «рыкающим львом» и принимал чудовищные решения, грозившие проштрафившимся даже смертью. В этом состоянии с Муравьёвым могла говорить только Екатерина Николаевна. Только она могла ему перечить, доказывать спокойно и ласково на французском языке невиновность обвиняемого. Екатерина Николаевна обладала магическим свойством гасить гнев мужа, доходить до его разума и сердца и тем самым предотвращать страдания, а иногда и гибель неповинных людей.

«При безграничной любви к жене, – подчёркивал И. П. Барсуков, – Муравьёв поддавался её влиянию, не ослабевшему и в последние годы его жизни, и нельзя не сказать, что при пылкости характера Муравьёва, это влияние было всегда в своих результатах хорошим, подчас умиротворяющим» [2, С. 163].

Большой труд посвятила Е.Н. Муравьёвой-Амурской Т.А. Ананьина, писатель из г. Хабаровска. Основой её повествования стали архивные документы, сведения из музеев, библиотек, печатные издания 19 века, монографии, периодика. Автор – увлечённая, творческая личность, написала и исполнила романс на русском и французском языках, посвящённый красивой истории любви графа и графини. К книге прилагается диск с его записью. В исследовании Т.А. Ананьиной приводится также много свидетельств того времени.

О Е.Н. Муравьёвой-Амурской писал в письмах к Н.Н. Муравьёву-Амурскому архиепископ Камчатский митрополит Московский и Коломенский Иннокентий: «...Покорнейше прошу Ваше сиятельство засвидетельствовать моё искренне почтение и благодарность Её Сиятельству Екатерине Николаевне. Да, воздаст ей Господь за её расположение ко мне и к моим детям» [4].

Широко известен отзыв И.А. Гончарова о Екатерине Николаевне, он писал: «Жена Николая Николаевича, француженка, не меньше его отличалась гуманностью, добротой и простотой. Она избегала пользоваться его выдающимся положением в Сибири и со своей стороны не заявляла никаких претензий на исключительное внимание к себе подвластных мужу лиц. Раз как-то заметила она мне, что боится ходить по улицам Иркутска пешком от бродячих коров. Я сказал супруге Николая Николаевича, что она может составить себе охрану и не из двух казаков. Она заявила, что предпочитает вовсе не ходить по улицам, чем лично для себя довольствоваться услугами солдат и других лиц, зависящих от её мужа. <...> Со всеми в городе Е.Н. Муравьёва была внимательна и обходительна и нередко посещала, даже вне Иркутска, например, Трубецких» [1, С. 246].

Изучение исследований хабаровских учёных о графине Екатерине Николаевне Муравьёвой-Амурской позволило нам собрать достаточный материал для перевода его на французский язык и публикации в журнале БГПУ. Мы увлеклись образом графини, заинтересовались её судьбой, вдохновились на дальнейшие поиски. К тому же мы узнали из книги Н.И. Дубининой, что период жизни Е.Н. Муравьёвой-Амурской до замужества и после отставки супруга и их отъезда из России во Францию, является неисследованным. Переписка

с Ниной Ивановной подтвердила наши предположения: она предпринимала попытки выйти на архивы г. По через французских туристов из этого города, приезжавших в Хабаровск. Но они не увенчались успехом.

Поэтому мы решили, что имея два преимущества перед уважаемыми учёными историками, проделавшими большую интереснейшую работу, – владение французским языком и широкий круг друзей и коллег во всех регионах Франции, – мы можем продолжить поиски французского прошлого графини Муравьёвой-Амурской.

Сначала мы связались с одной из выпускниц факультета иностранных языков БГПУ Натальей Романченко, которая по счастливому совпадению работала ассистентом учителя русского языка в лицее Луи Барту в городе По. Сама она уже живёт в другом регионе Франции, а на её просьбу помочь нам в поисках тотчас же откликнулся Серж Гайар, военный в отставке, большой любитель России и русской культуры, проживающий неподалёку в городе Тарб. К слову, По, Тарб, Желос – эти города относятся к департаменту Атлантические Пиренеи и находятся друг от друга в тридцати-сорока минутах езды на машине.

И уже час спустя, Серж высылал нам фотографии захоронения Элизабет Буржуа де Ришмон. Он успел за это время связаться с мэрией г. Желос, поднять архивные документы и разыскать на муниципальном кладбище практически разрушенную могильную плиту, на которой едва можно было различить выгравированные имена семьи Ришмон. К сожалению, впоследствии полностью восстановить написанное на плите никому не представилось возможным.

Могилы Элизабет до реставрации

Многие чувства смешались в тот момент – радость, восторг, вдохновение скорее искать дальше! Тогда оставалось ещё много сомнений, что уже открыто исследователями, а что остаётся неизведанным и неизвестным. Татьяна Ананьина писала: «Сохранился ли склеп семейства de Richemont в г. Желос мне пока неизвестно. Предположительно, первым там было захоронение матери Е.Н. Муравьёвой-Амурской Anne Elisabeth d'Houdouart. Французские архивисты сообщили, что если они что-нибудь узнают о склепе семейства de Richemont, то сообщат мне. Возможно, нас ждут новые открытия».

И вот это открытие сделали мы! Однако тут же возникли многие вопросы, ответы на которые мы нашли позже, а некоторые до сих пор остаются загадкой. Почему могильная плита лежит перевёрнутой, и чтобы прочитать имена семьи нужно её обойти со стороны стены кладбища, ограждающей его? Не было ли продано место захоронения другой семье согласно французскому закону, поскольку оно уже много лет, судя по состоянию могильной плиты, оставалось заброшенным? Живут ли ещё во Франции потомки семьи Ришмон? Кто владелец этого захоронения?

В ответ на наше обращение к муниципальным архивам г. По и г. Желос мы получили краткую информацию о семье Элизабет Буржуа де Ришмон (Elisabeth Bourgeois de Richemont). Родилась она в Париже 18 ноября 1815 года. Дочь владельца металлургического предприятия Жана-Николя Буржуа де Ришмон (26 июня 1768–19 марта 1841) и Анны Элизабет д'Удуар (1779–22 марта 1866, точная дата рождения неизвестна). Основным местом проживания семьи было поместье в Париже. В 1856 году мать обосновывается в г. Желос, приобретая поместье на улице Луи Барту, где она живёт со своим сыном Виктором, но спустя 10 лет умирает. Кроме Виктора у Элизабет Буржуа де Ришмон был ещё один брат Жюль-Мари-Маглуар. Виктор так и не женился, умер в 1888 году. Жюль продолжил дело отца в металлургии в городке Атерей, женился на Мари Юар. У них было двое детей – Николая, родившийся 13 сентября 1835 и Мари-Элиза, родившаяся 6 октября 1837 в Атерей. Дети прожили всю жизнь в этом городе, унаследовали дом семьи Ришмон и, согласно документам местного архива, у обоих не было своих семей [5].

Сохранилось в архивах и свидетельство о смерти Элизабет Буржуа де Ришмон, в котором мы читаем: «Тысяча восемьсот девяносто седьмой год. Тридцатого июля. В шесть часов вечера. Предо мной, Мари Муно, служащей отдела записи актов гражданского состояния коммуны Желос, округа Западный По, департамента Нижние Пиренеи, предстали Пьер Наварр, 42 лет, садовник, и Пьер Лапло, 34 лет, парикмахер, соседи умершей, проживающие в этой коммуне, и заявили, что 30 числа текущего месяца в пять часов вечера Элизабет Буржуа де Ришмон, в возрасте 81 год, рантье, родившаяся в Париже, зарегистрированная в По, проживающая в Желосе, вдова Господина Графа Николая Муравьёва-Амурского, названная в России Екатериной, дочь Жана Буржуа де Ришмон и Анны-Элизабет д'Удуар, состоявших в браке, скончавшихся, скончалась в Вилле Ришмон, расположенной в этом городе, в чём мы и удостоверились, а заявители подписали настоящий акт после его прочтения».

Архивы г. По нам также выслали страницы газеты «Le mémorial des Pyrénées», в которых сообщалось о смерти графини Муравьёвой-Амурской: «Господин Граф Муравьёв-Амурский, Мадемуазель Ришмон просят своих друзей и знакомых оказать им честь и прийти на похороны Госпожи Графини Муравьёвой-Амурской, их тётки, которые состоятся в русской церкви на ул. Жан-Ревей в понедельник 2 апреля, ровно в 10 часов 30 минут. Всех просят прийти сразу в церковь. Другого приглашения не будет». И в следующем выпуске газеты мы читаем: «Благодарность. Господин Граф Муравьёв-Амурский, Господин Ришмон и Мадемуазель Ришмон сердечно благодарят всех, кто пришёл на похороны госпожи Графини Муравьёвой-Амурской» [5]. О ком идет речь в этих документах? Кто провожал в по-

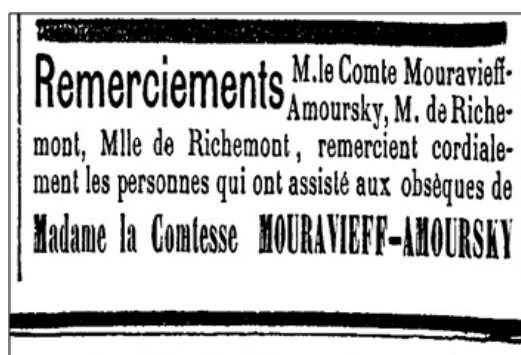
следний путь Екатерину Николаевну? Господин и Мадмуазель Ришмон – это, вероятно, её племянники, дочь и сын её брата Жюля – Мари-Элиза и Николя. А граф Муравьев-Амурский – это Валериан Валерианович, племянник Николая Николаевича, унаследовавший титул графа.

Последняя воля Екатерины Николаевны быть похороненной на Монмартрском кладбище рядом с супругом не могла быть исполнена, так как оно было закрыто для погребения, а в склепе, где был похоронен Н.Н. Муравьев-Амурский свободного места не было. Тогда племянник Николя отдал ей своё приготовленное место. Т.А. Ананьина цитирует письмо В.В. Муравьева-Амурского близкому другу семьи М.С. Волконскому: «Если вы будете в г. По, то найдете могилу тёти на кладбище в Желосе в склепе семейства Ришмон» [1, С. 270].

Таким образом, сведения муниципальных и региональных архивов ограничиваются лишь копиями свидетельства о смерти и объявлениями в газете. Более ста лет прошло, в мэрии города Желос и в архивах работали разные люди, сменялись поколения. Особенного внимания к семейному склепу Ришмон быть не могло. Для французов – это простая семья, как и многие другие. А Элизабет Буржуа де Ришмон до замужества с Николаем Николаевичем Муравьевым в 1847 году и отъезда в Россию была просто дочерью своих родителей, сестрой своих братьев.

Объявление о смерти Элизабет

Благодарность за проводы Элизабет

Серж Гайар продолжил поиски, обратившись к Полю Мира – служащему мэрии г. По, известному в регионе историку, написавшему около пятидесяти книг, посвящённых его истории и культуре. Поль Мира, конечно, не знал ничего об Элизабет Буржуа де Ришмон. Но фамилия Муравьев-Амурский ему оказалась знакомой. Он тотчас обратился к книге Анри Руссель-Киллуг «Шестнадцать тысяч лье через Азию и Океанию» [8], которая была у него под рукой, потому что он любит её перечитывать. Автор книги – Анри Руссель Киллуг – известный франко-ирландский путешественник, географ, исследователь Пиренейских гор, писатель, живший в г. По. Его именем названо авеню в По, его заслуги по исследованию Пиренейских гор широко признаны, его книгами был вдохновлён когда-то Жюль Верн.

И память Поля Мира не подвела! Анри Руссель-Киллуг был близким душевным другом Николая Муравьева-Амурского. Именно он помог французскому географу-первооткрывателю пересечь границу с Китаем во время его кругосветного путешествия. Книга была издана в 1864 году, а в 1875 году она была переведена на русский язык (тогда

ещё старорусский) и опубликована в Санкт-Петербурге в типографии товарищества «Общественная польза». Наши поиски показали, что с тех пор она не была переиздана, оригинал находится в Российской государственной библиотеке в Москве, но прочесть её можно и в оцифрованном виде в интернете.

Ещё одна необыкновенная находка! Ведь когда-то французский исследователь посвятил свою книгу нашему Николаю Николаевичу Муравьёву-Амурскому, и это издание является редким, уникальным и, предполагаем, неизвестным российскому читателю. Более того, в 1875 году переводчик почему-то искажил и название книги, представив его как «Через Сибирь в Австралию и Индию», и фамилию автора, назвав его Руссель-Киллуга, опустив при этом его имя. А самое печальное – он не счёл нужным перевести на русский язык очень важные страницы: посвящение Н.Н. Муравьёву-Амурскому в русском варианте книги отсутствует.

На первых страницах французского оригинала перед предисловием мы читаем трогательные слова: «Его превосходительству Генералу Графу Амурскому, бывшему генерал-губернатору Восточной Сибири. Генерал, прошу Вас принять посвящение к книге, которая без Вас потеряла бы половину её интереса, и, возможно, никогда бы не вышла в свет. Принимая моё предложение, Вы не только делаете большую честь этому изданию, Вы позволяете мне украсить его, ведь никто, ни сегодня, ни в прошлом, не может говорить о Сибири, не упоминая Ваше имя. Поэтому его упоминание на фронтисписе моей работы подтвердит её достоверность и станет прекрасным её украшением. А что касается меня, всякий раз, когда я буду смотреть на свою книгу, я буду счастлив и горд видеть в первых её строках имя доброго человека, личные качества которого делают её ещё ценнее и дороже для тех, кто его знает. Даже больше, чем все великие дела, что он свершил.

Слово «Сибирь» – почти синоним слова «лёд» – всегда будет тепло согрывать моё сердце. Книга станет свидетельством моей признательности Вам. До конца дней моих я останусь вашим самым верным, самым уважающим из Ваших покорных слуг. Анри Руссель де Киллуг» [8].

В начале первого тома книги Анри Руссель-Киллуг пишет о том, как он готовился проехать через Россию, какие возможные трудности в пути его беспокоят. «К счастью, я имел рекомендательное письмо к графу де Сансе, французу, давно живущему в России, который принял меня очень обязательно и подарил мне карту Сибири. Кроме того, отец мой, будучи знаком с графиней Ржевской, тёщей князя Орлова, дал мне также к нему письмо, вследствие чего тот обласкал меня как сына... и снабдил меня письмами к губернаторам разных провинций, по которым я должен был проезжать».

И наконец, Анри Руссель-Киллуг пишет о Екатерине Николаевне: «Есть ещё одна особа, которой я останусь вечно признателен, потому что без её помощи я, вероятно, не мог бы доехать до Пекина: это графиня Муравьёва-Амурская, рекомендовавшая меня своему мужу, генералу Муравьёву, генерал-губернатору Восточной Сибири, от которого зависело всё моё путешествие. С такой сильной протекцией мне нечего было больше бояться, и я поспешил с отъездом...» [6, С. 11].

Не единожды французский путешественник пишет о самом генерал-губернаторе Н.Н. Муравьёве-Амурском и благодарит его за помощь в путешествии и пересечении границы с Китайской империей: «Тендзинским договором утверждено было для русских дозволение присылать по временам курьера в Пекин, чтоб устроить правильное сообщение между русским посольством, жившим там столько лет, словно в заключении, и Петербургским двором. В ноябре месяце 1857 года из Иркутска посланы были, с этою целью, два офицера в Пекин, но в Монголии, в городе Ург, этих офицеров приняли очень грубо и, без церемонии, отправили назад. Но русские не отступили от своего требования, и генерал Муравьёв добился угрозами исполнения договоров. Я именно попал к нему в ту минуту, как он собирался сделать новую попытку и послать лейтенанта Лаврова в Пекин. Так как для французов путь в Пекин был ещё совершенно закрыт, то я не мог проникнуть туда иначе, как в качестве посланного от русского правительства, и генерал Муравьёв был так любезен и снисходителен, что немедленно, по моей просьбе, дал мне позволение сопровождать г. Лаврова. Не довольствуясь этим, он приказал весь мой багаж перенести к себе в дом и оставил меня у себя до самого отъезда» [6, С. 51].

Анри Руссель-Киллуг восхищается самыми исключительными качествами русского генерала и много раз подчёркивает его особую заслугу в подписании важного для Российской Империи Айгуньского договора: «... если бы какая-нибудь европейская нация, в особенности Россия, серьёзно составила планы покорения Китая, то вернейшее к тому средство было бы поднять на ноги всю Монголию, и тогда её кавалерия, в соединении с русской артиллерией, которую можно было бы разместить на верблюдах, в несколько недель смела бы с лица земли всю Китайскую империю. Генералу Муравьёву это было бы до того легко, что я совершенно нахожу несправедливым упрёк, сделанный русскому правительству, будто бы оно задирает и нападает на китайцев, тогда как Муравьёв, имея возможность всегда выслать на Пекин стотысячную армию казаков, удовольствовался только тем, что взял на берегах Амура страну, на которую Китай имел очень сомнительные права и, во всяком случае, для него бесполезную и не приносящую ему ничего» [6, С. 89].

Французский путешественник совершит некоторую часть своего пути из Иркутска в сопровождении Муравьёва-Амурского и его людей сначала в лошадиных упряжках, затем от Сретенска в лодках вниз по Шилке, а затем по Амуру до Албазино. Он описывает нашу реку «с точки зрения артиста или поэта»: «Я нахожу, что это одна из прелестнейших рек во всём мире. Она не страдает однообразием больших рек Америки, по которым, проехавши вёрст триста, можно быть уверенным, что не встретишь более ничего нового. В водах Амура нет ни отвратительных морских чудовищ, ни той мутности, в которой никогда не отображается голубое небо. Река всегда чиста и прозрачна; берега её представляют всевозможные виды; они то покрыты лесом, то совершенно обнажены, то расстилаются как океан, то возвышаются как остроконечные скалы. На них можно встретить образчики растительности всего земного шара: тополи, ивы, лиственницы, сосны и вишнёвые деревья роскошно цветут, в виду вечных снегов, и представляют бесконечную перспективу, там и сям пересекаемую смелыми очертаниями гор. Наконец воздух, пропитанный самыми тонкими благоуха-

ниями, невольно заставляет забывать, что находишься на родине северных оленей...» [6, С. 142].

Доплыв до Албазино, А. Руссель-Киллуг вместе с Н.Н. Муравьёвым-Амурским поднялись на холм, «служивший последним убежищем стольких героев, в память которых воздвигнут деревянный крест, возвышающийся над их смертными останками». Автор описывает великолепные пейзажи земли амурской, познавшей скорбь ожесточенных боёв: «Всё зелено вокруг нас, в особенности китайские луга, облитые заходящими лучами солнца; но поле битвы отличалось особенно яркой зеленью и подымалось лёгкими бугорками на могилах. Рядом расстился нынешний Албазин с вновь отстроенными улицами, заваленными кучами пней и корней старых деревьев, которые рубили повсюду, на опушке высокого леса, окаймлявшего деревню, вился лёгкий голубоватый дымок из хижин ороchon, первых дикарей, встреченных мною в Сибири». А также приводит несколько фактов, связанных с историей Албазина, называя его «восточным Севастополем», улицы которого после подписания Нерчинского договора «совершенно спокойны, и по ним разгуливают казаки, постоянно прибывающие сюда по Амуру в огромных барках со своими семьями, собаками, лошадьми, санями, телегами и даже маленькими медвежатами».

В Благовещенске, который Анри Руссель-Киллуг назвал «самой важной станцией после Николаевска», «Генерал Муравьёв, вышедший на берег под гром пушечной пальбы, был встречен офицерами в парадной форме, и, осмотрев казаков, прямо отправился в дом губернатора этой, так называемой, Амурской области». Французский путешественник очарован нашим городом: «Кто бы подумал, что, в таком отдалении от наших цивилизованных стран, существовали прелестные домики, роскошно меблированные, окружённые, несмотря на суровость климата, цветущими садами и снабжённые всем, что может доставить пищу уму и дать развлечение: фортепианами, музыкой и романами». И он вновь обращается к описанию великолепия природы на берегах Амура, которое поражает «несмотря на чрезвычайно суровую зиму (морозы достигают иногда 45°)». В особенности он восхищён картиной слияния Амура и Зеи: «Редко случается видеть даже в Америке подобное великолепное слияние двух величайших рек в мире. Правда, Орио величаво впадает в Миссисиппи, но она приближается торжественно и тихо, тогда как Зея налетает словно бешенная, и как будто хочет потонуть в волнах какой-то Ниагары». [6, С. 145].

Путешественники побывали и на другом берегу Амура, в городе Айгунь, «или, как его называют китайцы «Чёрные воды». А. Руссель-Киллуг вновь повествует о блестящем успехе своего русского друга Муравьёва-Амурского, о подписании Айгуньского договора: «Здесь-то, 28 мая 1858 г., между генералом Муравьёвым и маньчжурским принцем Ихаймом, заключён был договор, предоставлявший весь Амур во владение русских. За исключением этого обстоятельства, город не имеет ничего особенно замечательного; народонаселение его состоит почти из шести тысяч душ, и все дома выстроены, по большей части, из грязи.

Едва мы бросили якорь, как толпа ребятишек в пёстрых одеждах с разинутыми ртами, высыпала поглазеть на нас. Мы прямо отправились в *ямум*, дворец губернатора, который генерал Муравьёв почтил своим присутствием, и, взяв с собой архимандрита, вместо пере-

водчика, наговорил кучу любезностей Ихайму, так легко уступившему ему территорию вдвое больше Франции... Может быть покажется удивительным, что столь тонкие дипломаты, как китайцы, решились почти бесспорно предоставить русским огромную часть своих владений; но вот так это было <...>». [6, С. 146].

Каждая страница главы из книги Анри Русселя-Киллуга, посвящённой путешествию по России, увлекала нас интереснейшим повествованием. Мы жадно вчитывались в строки с упоминанием фамилии Муравьёв. Впечатления француза от русского гостеприимства и его очарованный взгляд на наши края, несмотря на их суровый климат, дарили нам добрые эмоции и приятные моменты погружения в атмосферу конца 19 века.

Между тем Поль Мира познакомил нас с правнучатой племянницей А. Русселя-Киллуга, госпожой Моник Доллен дю Френель, преподавателем и заведующей библиотекой Высшей школы политических наук в Бордо. Госпожа дю Френель является также автором биографии своего знаменитого родственника, увлечённым исследователем истории Франции. Она трепетно хранит его память. Его книга о кругосветном путешествии вдохновила Моник совершить подобное в 1980-х годах. По российской земле она проехала на поезде по транссибирской магистрали и хранит самые яркие впечатления об этом опыте, который стал особенным, потому что в те годы СССР был ещё достаточно закрытой страной.

Основываясь на семейных историях, передающихся из поколения в поколение, Моник Доллен дю Френель также нам рассказала, что с тех пор, как её семья связалась душевными дружескими узами с Николаем и Екатериной Муравьёвыми-Амурскими, они не переставали дружить. Говорят, что одна из племянниц Николая Николаевича – графиня Муравьёва-Амурская – присутствовала при последних днях жизни Анри Русселя-Киллуг. Моник рассказала нам, что в те времена не принято было называть по имени, говорили «графиня Муравьёва-Амурская», поэтому точно имени графини она не знает, возможно, это была Надежда, дочка Валериана – брата Николая.

Итак, в мае 2016 года в специальном выпуске журнала «Salut! Sa va?», посвящённом юбилею Благовещенска, публикация об Элизабет Буржуа де Ришмон позволила нам рассказать жителям города Желос некоторые важные факты её жизни, убедить её сегодняшних земляков в исключительной роли этой героической женщины в судьбе нашего города, нашего региона, в целом Дальнего Востока, и в развитии и становлении российской государственности. Переписка с мэрией стала важным этапом в истории поисков французского прошлого графини Муравьёвой-Амурской и повлекла за собой ряд событий.

Во-первых, потребовалось немало времени (и это неудивительно, потому что прошло более ста лет и документы о захоронениях были в руках нескольких поколений служащих коммуны Желос), чтобы выяснить, что, поскольку, захоронение оставалось долго заброшенным, то согласно закону, оно всё-таки было выкуплено другой семьёй, а останки семьи Ришмон были извлечены и помещены в муниципальное хранилище. Вот почему могильная плита была перевернута: её поднимали, но назад положили неправильно. Позже Изабель Анэ, отвечающая за вопросы, связанные с городским кладбищем, выяснила, что и новые владельцы этого места захоронения не воспользовались им, и оно стоит пустым. Это открытие стало ещё одним невероятным чудом в нашей истории!

Во-вторых, соответствующими службами при согласовании с мэром г. Желос Паскалем Мора, было решено внести склеп семьи Ришмон в список сохраняемого культурного и исторического наследия на муниципальном уровне. Теперь ему ничего не угрожало, в частности, его снос и передача места другой семье. Нам очень быстро и легко удалось убедить мэрию в необходимости отреставрировать захоронение. Оставалось подумать, на какие средства это можно осуществить.

В-третьих, вышли две публикации в региональных СМИ – «Sud-Ouest» и «Pyénées Atlantiques», рассказывающие трогательную историю любви сибирского генерал-губернатора и уроженки города Желос Изабель Буржуа де Ришмон. Позже к нам обратились архивы Департамента Атлантические Пиренеи с просьбой взять информацию из нашего журнала для пополнения их архивных данных. Для нас, конечно, такое доверие стало честью. А позже несколько раз на нас выходили разные люди, увлечённые поисками, так или иначе связанными с супругами Муравьёвыми-Амурскими, так как они находили в интернете французские архивы, ссылающиеся на благовещенский журнал «Salut! Ca va?».

Так, кинорежиссёр Мари Жауль де Поншевиль вот уже 20 лет живёт историей талантливой французской виолончелистки Элизы Кристиани (1827–1852) и в настоящее время готовится снять художественный фильм о трагичной судьбе Элизы, которая в 1852–1853 годах совершила поездку по Российской Империи, где давала в разных городах концерты. Все эти годы Мари собирает по крупицам информацию об Элизе и, зная, что та участвовала в нелёгкой длительной экспедиции до Камчатки в сопровождении супругов Муравьёвых-Амурских, заинтересовалась нашими переводами материалов российских историков. Например, воспоминаниями М.Д. Францевой об Элизе Кристиани [7].

Вилла Ришмон

Супруги Муравьёвы-Амурские станут одними из главных героев будущего фильма Мари Жауль де Поншевиль. Режиссёр попросила нас принять участие в подготовке и сделать перевод краткого содержания сценария на русский язык, поскольку по-прежнему ищет средства на съёмки и надеется заинтересовать российских меценатов.

Благодаря участию Поля Мира нам также удалось найти дом семьи Ришмон, расположенный в г. Желос по адресу улица Луи Барту, 18.

Нумерация домов и название улицы изменились с тех времен, ранее это была улица «La route de Pau» (Дорога По). Однако архивные записи, чертежи, выписки из земельного кадастра позволили найти месторасположение виллы Ришмон. Сегодня дом принадлежит общественной организации, которая оказывает социальную и психологическую помощь молодым людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

5 июля 2019 года в ходе визита в г. Желос нам совершенно случайно удалось застать в вилле Ришмон двух членов администрации организации. Мы с Полем Мира представились им и рассказали вкратце интерес нашего неожиданного вторжения. Честно признаться, хозяева отнеслись настороженно к нам, и сложилось впечатление, что они не особо прониклись историей знаменитой франко-русской семьи, проживавшей когда-то в этом доме. Конечно, это вполне объяснимо, ведь организация живёт совсем другими, более насущными проблемами. Однако один из них провёл нас по территории, показал виллу, рассказал о своей деятельности.

Снаружи вилла Ришмон сохранила архитектурный облик 19 века, как и большинство домов Желоса и его окрестностей. А внутри только большая деревянная лестница осталась с тех времен. Однако и она, и все комнаты отремонтированы и оборудованы по современному. Девять комнат виллы постоянно заняты жильцами, десятая держится пустой на случай, если кому-то экстренно потребуется приют. В целом, здесь всё организовано для гармоничной социализации молодежи: небольшой огород в саду держат для приучения к труду, а некоторых ребят приходится даже учить элементарным правилам вежливости, этикету, гигиене и самоорганизации в быту и в обществе.

На следующий день, 6 июля в 17 часов была запланирована церемония открытия восстановленного захоронения Элизабет Буржуа де Ришмон. Более трёх лет мы ждали этого события. Нам удалось привлечь к нашей истории внимание мэрий обоих городов, Желоса и Благовещенска. Предварительно договаривались поделить пополам сумму, требующуюся для восстановительных работ. Однако благовещенская мэрия оплатила полностью все расходы по увековечиванию памяти супруги, соратницы основателя нашего города Н.Н. Муравьёва-Амурского. Могильную плиту было решено не заменять, а оставить как свидетеля истории семьи Ришмон, очистить её от пыли и грязи и отшлифовать. К сожалению, полностью расшифровать все надписи на плите не смог никто, поэтому их восстанавливать не стали. Кроме работ по укреплению могильной плиты и наведению порядка вокруг неё, решили изготовить мемориальную мраморную доску и разместить её на стене у захоронения. На русском и французском языках местные мастера на ней выгравировали золотыми буквами: «Здесь покоится Элизабет Буржуа де Ришмон, умершая в городе Желос в 1897 году, вдова генерал-губернатора Восточной Сибири, графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского, основателя города Благовещенска. От благодарных жителей Благовещенска».

Важно упомянуть, что предварительно, 18 июня, прошла церемония повторного захоронения останков семьи Ришмон. Как мы уже упоминали выше, они были извлечены из склепа и находились в муниципальном хранилище. Кроме того, по французским законам, как только останки извлечены из захоронения, они больше не могут быть туда возвращены. Однако мэрия Желос обратилась в префектуру за специальным разрешением в связи с исключительностью случая, и вот теперь Екатерина Николаевна и её семья обрели вечный покой.

Открытие восстановленного склепа прошло торжественно и волнительно. Очень жарким днём 6 июля 2019 года в мэрии города Желос собрались некоторые его жители, официальные лица – мэр Паскаль Мора, его заместитель Мартин Бара-Туиг, другие представители

местной власти, журналисты, почётный консул России во Франции (г. Биариц) Александр де ла Седра, епископ французской православной церкви Бенуа и его прихожане Поль Мира, Моник Доллен дю Френель, правнучатая племянница французского друга семьи Муравьёвых-Амурских и многие другие, кто узнал о событии, и кому была интересна история восстановления и сохранения нашей общей исторической памяти.

Восстановленное захоронение Элизабет Буржуа де Ришмон

На церемонии в мэрии были произнесены официальные, но довольно душевные речи, рассказана всем собравшимся история, счастливым концом которой стал тот самый момент – 6 июля 2019 года, сказаны самые важные слова о значимости события. Мы передали мэру города Желос Паскалю Мора памятные подарки и благодарственное письмо от мэра города Благовещенска Валентины Калиты: «Благодарность мэра города Благовещенска Паскалю Мора, мэру города Желос (Франция) за помощь в восстановлении места захоронения Элизабет Буржуа де Ришмон, вдовы графа Николая Муравьёва-Амурского, внесшего неоценимый вклад в установление границ российского государства на Дальнем Востоке, а также за всемерную поддержку и участие в сохранении исторического наследия и установление дружеских связей между городами Благовещенск (Россия) и Желос (Франция)».

После этого мы направились на кладбище, чтобы отдать дань памяти нашей Элизабет-Екатерине. Приятно и трогательно было увидеть российский флаг, покрывавший мемориальную доску над могилой. Слева от неё стояла большая фотография супругов Муравьёвых-Амурских. Торжественно открыв мемориальную доску, мы возложили на могилу цветы от жителей обоих городов. Епископ Бенуа прочитал молитву за упокой души усопшей. В окончании церемонии все собравшиеся почтили память Николая и Екатерины Муравьёвых-Амурских минутой молчания.

Позже Мэр Паскаль Мора признавался, что вплоть до вечера 6 июля он не придавал особенного значения истории восстановления склепа Ришмон. Однако он был настолько тронут пережитыми эмоциями церемонии, что действительно осознал всю важность для российского Благовещенска личности удивительно сильной духом женщины, верной и му-

жественной супруги, соратницы Генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Муравьева-Амурского. Паскаль Мора вдохновенно заверил, что теперь место захоронения их знаменитой соотечественницы станет символом города и будет внесено в туристические справочники региона, как значимый памятник его истории. А спустя день над мэрией города Желоса развивались три флага: европейский, французский и российский. Последний, конечно, временно.

Торжественное открытие мемориальной доски

Флаги над мэрией города Желоса

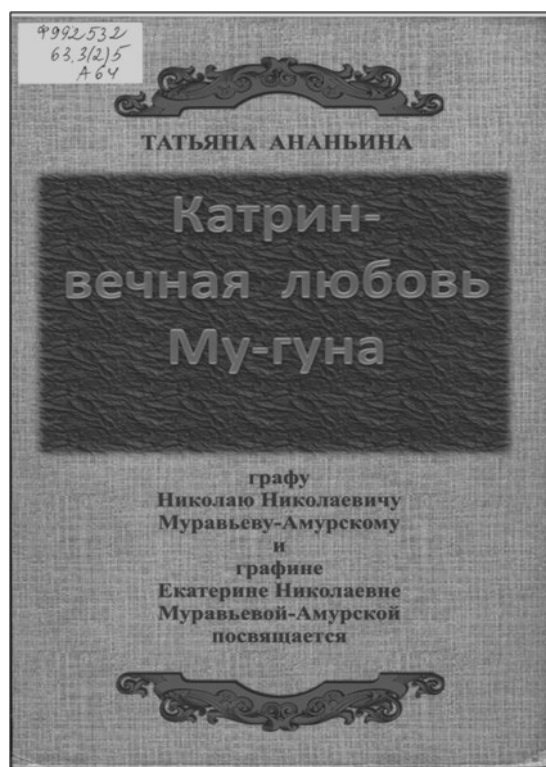
«Наша история только начинается», – сказал мэр. А мы, в ожидании официальных обменов делегациями наших городов и воплощения идеи заключения побратимства, строим планы продолжения поисков французского прошлого графини Муравьевой-Амурской...

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьина, Т. А. Катрин – вечная любовь Му-гуна : графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому и графине Екатерине Николаевне Муравьевой-Амурской посвящается / Т. Ананьина. – Хабаровск : [б. и.] , 2015. – С. 245.
2. Барсуков, И. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский : материалы для биографа. : кн. 1. / И. Барсуков ; Приамур. геогр. о-во ; [предисл. В. И. Ишаева "России верный сын"]. – Репр. изд. по изд. Синод. Тип. – Москва, 1891. – Хабаровск, 2008. – С. 163.
3. Дубинина, Н. И. Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские : ист.-док. повествование. – Хабаровск : КГБНУК им. Н.И. Гродекова, 2014. – 260 с.
4. Матханова, Н. П. «От искреннего желания блага краю...» : письмо архиеп. Камчатского Иннокентия Н.Н. Муравьеву-Амурскому. 1860 / Н. П. Матханова // Отечеств. архивы. – 2000. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Muravjev_N_N/brief_von_Innokentij_09_11_1860.htm.
5. Муниципальные архивы г. По, г. Желос, села Лик-Атерей.
6. Руссель-Киллуг, Анри «Шестнадцать тысяч лье через Азию и Океанию» / А. Руссель-Киллуг. – Париж, 1864. – 616 с.
7. Францева, М. Д. Воспоминания / М. Д. Францева // Ист. вестн. – 1888. – Т. 32, № 5. – С. 406 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/franzeva.htm>.
8. Henry Russell-Killough «Seize mille lieux à travers l'Asie et l'Océanie». – Paris, 1864. – 616 p.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Автор книги Т.А. Ананьина (г. Хабаровск) представляет документально-художественное историческое повествование о генерал-губернаторе Восточной Сибири графе Н.Н. Муравьеве-Амурском, его семье, предках, супруге графине Е.Н. Муравьевой-Амурской.

В основу книги легли архивные материалы, монографии, сведения из музеев, библиотек, периодика, личная переписка и общение автора с адресатами. В научный оборот введены различные архивные документы, в том числе письма Н.Н. и Е.Н. Муравьевых-Амурских. Издание является попыткой обратиться к личности Н.Н. Муравьева-Амурского не только как государственного деятеля, но и как обычного человека.

В книге представлен очерк о графине Е.Н. Муравьевой-Амурской и её семье. Музыкальным приложением является аудиодиск с песней, посвящённой Н.Н. и Е.Н. Муравьевым-Амурским, в авторском исполнении на русском и французском языках.

Книга адресована всем, кто интересуется российской историей.

В.Р. Чепелев,
учёный секретарь Амурского филиала Военно-научного
общества при культурном центре Министерства обороны РФ

ПАРОХОД «ЛЕНА» – «АМУРСКИЙ ДОЛГОЖИТЕЛЬ»

Ключевые слова: Н.Н. Муравьев-Амурский, освоение Приамурья, судоходство на Амуре, речные пароходы «Амур», «Лена», морские пароходы «Америка» и «Манджур», Сибирская военная флотилия, Товарищество Амурского пароходства (ТАП), Амурско-Уссурийская казачья флотилия (АУКФ), Верхнеамурское речное пароходство (ВАРП), Амурское речное пароходство (АРП).

Статья посвящена начальному этапу регулярного судоходства в Приамурье, первым амурским пароходам, в частности судьбе одного из них – пароходу «Лена», прослужившему в разных ипостасях более 130 лет. Статья написана на основе записок и воспоминаний непосредственных участников освоения Приамурья, материалах различных справочников и архивных данных.

В ноябре 1857 г. в 11 номере «Морского сборника» – ежемесячного журнала, издаваемого Морским ведомством России с марта 1848 г., – в разделе IV («Смесь») была помещена заметка капитана 2 ранга Николая Николаевича Назимова под названием «О пути по реке Амур в 1857 г.», где говорилось следующее:

*«До сего времени по течению р. Амур проходили в полную воду: пароход «Аргунь» (в 1854 г. * – В.Ч.), выстроенный на р. Шилке, и паровой катер «Надежда», который в 1855 году мог подняться до реки Буринды, впадающей в р. Амур, недалеко от Албазина (между сёлами Толбузино и ныне несуществующего Бекетово – В.Ч.); обыкновенное же сообщение по течению реки было на барках, плотах и лодках маньчжурской постройки, а вверх по реке только на маньчжурских лодках, преимущественно бичевой.*

Пароход «Лена» – есть первый пароход успешно поднявшийся, в малую воду, вверх по реке от Николаевского поста до реки Шилки, т. е. до самой вершины р. Амур. Пароход этот в первом плавании своём углубился в 3½ фута (около метра) и сделал переход на расстоянии 3000 вёрст в 30 дней; плавание это было продолжительно, потому что необходимо было останавливаться более, нежели на сутки, для рубки дров судовыми средствами,

а затем, сделав запас их на трое суток, пароход имел постоянно пару, вдвое менее надлежащего, ибо дрова были совсем сырые...» [6].

А в номере 12 за тот же год, – в разделе II («Официальные статьи и известия»), – появилось уже официальное сообщение от 10 октября 1857 г., что «пароход «Лена» 18 августа прибыл благополучно в Шилкинский завод, где, по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири [Н.Н. Муравьёва], и оставлен на зимовку» [7].

Генерал-адъютант граф
Н.Н. Муравьёв-Амурский

Но что это был за пароход, – где, когда и кем построен, и какова была его дальнейшая судьба? И вот то, что мне удалось выяснить.

Осенью 1854 г. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва в Америку (САСШ) был направлен капитан 1 ранга Казакевич Пётр Васильевич, которому было поручено заказать там один морской и два речных железных парохода, а также станки и необходимое оборудование для «механического заведения» Николаевского военного порта. А уже в сентябре 1856 г. в Николаевск своим ходом прибыл первый из заказанных пароходов – «Америка», номинальной мощностью машины в 140 л. с., построенный в Нью-Йорке на верфи Генри Уэбба. При водоизмещении в 554 тонны пароход имел сравнительно небольшую осадку (около 4 м.), позволявшую ему беспрепятственно входить как в Амурский лиман, так и в саму реку. При наличии артиллерийского вооружения, состоявшего из пяти 24-фунтовых орудий и одной 62-фунтовой бомбовой пушки, «Америка», вплоть до исключения из списков Сибирской флотилии в 1883 г., хотя и числилась военным корветом, но в основном использовалась как транспортное судно.

Несколько позже, в октябре 1856 г. американское купеческое судно, клипер «Европа», доставило из США в Николаевск в разобранном виде два небольших железных речных парохода, которые были построены в Филадельфии фирмой Ренни, Неффи и К°, а также станки и оборудование для мастерской, купленные у фирмы Селлерс и К°. Интересно отметить, что второй из этих пароходов вначале фигурировал как «паровая баржа» [5, С. 144, 146, 148].

В построенных ещё осенью деревянных и ничем не отапливаемых эллингах, силами мастеровых Сибирского флотского экипажа за зиму 1856/57 гг. собрали оба судна, которым присвоили имена – «Амур» и «Лена», хотя первоначально предполагали назвать «Сунгача» и «Уссури», и весной спустили на воду, «Лену» – в конце апреля, а «Амур» – в мае. Причём, «Лена» вначале была спущена прямо на лёд бухты, где на неё поставили котёл и машину, а уже после того, как Амур прошёл и пароход всплыл, его подвели к глубокому месту, где была устроена пристань, и завершили постройку и сборку машины [8].

Хотя оба парохода были колёсными, но если «Амур» был двухколёсным (гребные колёса у него располагались по бортам), то «Лена» – одноколёсным (его гребное колесо располагалось

сзади), следовательно, первый из них был буксирным, а второй – принимал груз на себя, то есть грузопассажирским, а отсюда – существенное различие в их устройстве и назначении.

После вступления в строй в мае 1857 г., оба парохода вошли в состав Сибирской флотилии Морского ведомства (на них вначале даже стояли артиллерийские орудия небольшого калибра, которые затем из-за ненадобности демонтировали), и вплоть до исключения из её

Рисунок парохода «Лена». 10 июля 1861 года.
Станица Екатерино-Никольская. РГАВМФ.

состава («Лена» – в 1872 г., «Амур» – в 1892 г.), более или менее регулярно поддерживали сообщение по Амуру [10].

Что же собой представлял пароход «Лена» – первый заднеколёсный пароход на Амуре? К сожалению, мы не располагаем ни чертежами, ни фотографиями этого судна, а имеем лишь краткое описание этого парохода, сделанное в своё время одним из его командиров, лейтенантом А.И. Петровым, и копией рисунка, выполненного на скорую руку одним пассажиром-солдатом в июле 1861 г., оригинал которого сегодня хранится в Российском государственном архиве Военно-Морского флота в Санкт-Петербурге [9].

Со слов Петрова, «Лена» – «Это был пароход своеобразный. Он имел на палубе во всю длину рубку высотой восемь футов (2,43 м.). Имел одно огромное колесо сзади за кормой, а котёл стоял на палубе на носу, машина в рубке в корме, так что паровые трубы из котла в цилиндры шли поверх рубки. Этот пароход имел семьдесят сил» [8, С.232–233].

В другом месте Петров уточняет: «Пароход имел длины около 120 футов (36,57 м.) [8, С. 235]. Из других данных мы знаем, что пароход «Лена» имел следующие основные размеры: длину – 100 футов 6 дюймов (30,47 м.), ширину – 18 футов 3 дюйма (5,56 м.), углубление (осадку): форштевнем – 4 фута (1,21 м.), ахтерштевнем – 4 фута 3 дюйма (1,27 м.), мощность паровой машины 40 номинальных сил. Нижних чинов – 30 человек [4]. (Несколько иные данные приводит известный историк флота Ф.Ф. Веселаго, а именно: «Лена»: в 40 сил, 100 ф.×18 ф. 3 д. (соответственно 30,47 × 5,56 м.) [3]. Есть и другие данные, но в основном они дублируют вышеназванные, и поэтому не представляют особого интереса.

Из совокупности данных, явствует, что пароход «Лена» был относительно небольшим судном, водоизмещением всего в 123 тонны (или около того), что номинальная (расчётная) мощность его машины (по источникам разных лет) была в 35, 60, 70 лошадиных сил, но, скорее всего в 40 н.л.с. (около 160 индикаторных лошадиных сил (установленных с помощью специального прибора – индикатора), что имел один огнетрубный паровой котёл, топливом для которого служили дрова; и что был собран и спущен с эллинга 17 марта 1857 (сначала «на лёд», а затем всплыл), сдан 12 мая этого же года, и после успешного испытания, 25 мая 1857 г., вместе с контр-адмиралом П.В. Казакевичем (военным губернатором

Приморской области и главным командиром Сибирской флотилии и портов Восточного океана), ушёл в первый рейс к Мариинскому посту (300 с лишним км вверх по Амуру от Николаевска), до которого дошёл к 31 мая; что первым «большим» плаванием пароход ушёл вверх по Амуру, приняв различные грузы и военную команду из 40 «нижних чинов» с офицером; что до Усть-Стрелки (около 3 тыс. вёрст) он шёл 30 дней против течения, оправдав возлагавшиеся на него надежды, а после Усть-Стрелки, к 18 августа 1857 г. поднялся по реке Шилке до селения Шилкинский завод, впервые доставив в Сибирь через Забайкалье некоторое количество товаров, прибывших в Николаевский порт; где и зазимовал впоследствии.

Как уже выше отмечалось, в последних числах мая 1857 г. пароход «Лена» под командованием своего первого командира, капитан-лейтенанта Сухомлина Василия Моисеевича, отправился из Николаевска вверх по Амуру, и в первой половине июня достиг устья Зеи (где в этом же году военный пост был преобразован в Усть-Зейскую станицу, вскоре переименованную в станицу Благовещенскую, а затем в город Благовещенск), и за 30 дней, пройдя в общей сложности путь в 3000 вёрст, достиг вершины реки Амур, затем поднялся вверх по реке Шилка до селения Шилкинский завод, а затем вернулся на Усть-Зею. Тут у Сухомлина произошёл конфликт с генерал-губернатором Восточной Сибири Н.Н. Муравьёвым, который прибыл сюда с четвёртым Амурским сплавом, о чём упомянул в своих воспоминаниях Венюков Михаил Иванович:

«Лена» ходила так медленно, что по возвращению на Усть-Зею вызвала целую бурю у генерал-губернатора [Н.Н. Муравьёва] против капитана. Последний, капитан-лейтенант Сухомлин был, вероятно, хороший моряк, но при плавании по реке оказался более осторожным, чем позволяли обстоятельства. Он всякий вечер останавливался на якорь и стоял до рассвета; он плывал медленно, чтобы не въехать где-нибудь на мель с разлёта. Результатом было опоздание на Зею и та буря, о которой я сейчас упомянул. Муравьёв отрёшил его от командования пароходом и дал такую грубую гонку, что у бедного Сухомлина сделалась истерика и пошла горлом кровь. Я застал его на Усть-Зее как бы в заточении, в ссылке, больным, жёлтым и не могшим говорить о генерал-губернаторе иначе, как с чувством непримиримой ненависти. Очень многие ему сочувствовали, да и нельзя было не сочувствовать» [2, С. 54–55].

Под командой назначенного вместо Сухомлина поручика Корпуса флотских штурманов (КФШ) Моисеева Ивана Ефимовича пароход «Лена» вновь отправился вверх по Амуру, везя Н.Н. Муравьёва с его свитой, и благополучно дошёл до станицы Кумарской. Набрав здесь дров, пароход пошёл дальше, но в окрестностях Албазина стал на мель, и раздосадованный генерал-губернатор, не желая медлить, отправился далее на лодках, бичевою, предварительно послав приказ командиру 13-го линейного батальона капитану Дьяченко Якову Васильевичу, который заканчивался словами – «Пароход «Лена» на мели».

«На Кумаре, то есть точнее – в небольшой, узкой долине левого берега Амура, против устья Кумары, где строилась станица Кумарская, я нашёл командовавшего 13-м батальоном капитана Дьяченко. Это был один из наиболее полезных деятелей по заселению Амура. Он показал мне собственноручный приказ Н.Н. Муравьёва о времени и порядке возвращения 13-го батальона в Шилкинский завод. Приказ был написан на полулисте бумаги, а на нём

сверх месяца и числа стояло: «Пароход «Лена» на мели» – вместо Иркутска или такой-то станицы, то есть вообще взамен обозначения местности, где состоялся приказ.

–Видите, как у генерал-губернатора накопело сердце против моряков: он не утерпел, чтобы не прибавить слов «на мели», – заметил, улыбаясь Дьяченко» [2, С. 58].

В связи с этим, надо отметить, что в то время плавание по Амуру было очень затруднительно, как по отсутствию надёжных навигационных карт и лоций, так и по отсутствию судоходной обстановки (бакенов, створ и прочего). К тому же командирами на первых амурских пароходах, как правило, были либо строевые флотские офицеры, либо штурманские, хорошо знавшие условия морского плавания, но незнакомые с особенностями речного судоходства. Многие из них считали, что плавать по морю было проще, чем ходить по Амуру.

В навигацию 1858 г. командиром парохода «Лена» был назначен лейтенант Кулибин Иван Павлович, который командовал им по 1860 г. включительно. В 1858 г. он доставил от Усть-Зей П.Н. Перовского (действительного статского советника, начальника 1-го отделения Азиатского департамента МИДа), который вёз в Петербург текст трактата, подписанного между Россией и Китаем (Айгунский договор 16 (28) мая 1858 г.) [8, С. 280].

26 апреля 1858 г. Н.Н. Муравьёв в сопровождении архиепископа Камчатского и Алеутского Иннокентия (Вениаминова) [и обер-квартирмейстера подполковника Будогоскина Константина Фаддеевича] выехал из Сретенска и поплыл во время ледохода по реке Шилке и Амуру на особых баржах, с двумя канонерскими лодками, и прибыл в Усть-Зей [1, С. 509]. После подписания 16 (28) мая трактата (Айгунского договора) между Россией и Дайцинской империей (так в то время назывался Китай), Муравьёв отправился вниз по Амуру до устья реки Уссури, где 31 мая было основано поселение 13-го линейного батальона, названное Хабаровкой (впоследствии город Хабаровск). Отсюда дальнейший путь пролегал на ожидавшем его здесь пароходе «Амур» в сопровождении прибывшего сюда из Николаевска военного губернатора Приморской области П.В. Казакевича. 8 июня Муравьёв прибыл в Мариинский пост, а 10 июня – в Николаевск, где остался на несколько дней. 19 июня на пароходе «Амур» Муравьёв отправился в обратный путь вверх по Амуру с остановками в Мариинском poste и Софийске.

Из Софийска архиепископ Иннокентий и П.В. Казакевич отправились на пароходе «Шилка» обратно в Николаевск, а Н.Н. Муравьёв продолжил плавание вверх по реке к устью реки Сунгари, впадающей в Амур с правой стороны. Здесь, взяв из маньчжурского поста начальника с его свитой, Муравьёв вошёл в устье этой реки и поднялся по ней до 20 вёрст. Таким образом, пароход «Амур» был первым, который появился на реке Сунгари и положил 2-го июля 1858 г. начало русскому судоходству и пароходству на этой реке, на основании представленного Айгунским трактатом права [1, С. 517].

8 июля Н.Н. Муравьёв прибыл в Айгунь, а на следующий день – в Благовещенск. 20 июля, отправив пароход «Амур» обратно в Николаевск, Н.Н. Муравьёв на пришедшем сюда из Усть-Стрелки пароходе «Лена», отправился в дальнейший путь вверх по Амуру (1, С. 518). 1 августа пароход «Лена» прибыл в Усть-Стрелку и в тот же день вошёл в Шилку, 5 августа достиг Горбицы, а 7 августа – Шилкинского завода, 12 августа Сретенска, где

*Рисунок А.А. Болтина.
Пароходо-корвет «Америка»
в Сангарском проливе.
1858 г. ЦВММ. КП № 3755. Инв. № 02Р-111.*

ливу Лаперуза. На этом же судне, 7 сентября, Муравьев возвратился в Николаевск. Проведя в Николаевске несколько дней, видимо, опять на пароходе «Лена», отправился вверх по Амуру до Благовещенска, где, проведя более шести недель, в конце ноября санным путём выехал в Иркутск, куда и прибыл 1 января 1860 г.

*Лейтенант А.И. Петров,
командир парохода «Лена»
в 1861–1863 гг.*

11 мая 1861 г. командиром парохода «Лена» вместо Кулибина был назначен лейтенант А.И. Петров, на котором он плавал с 28 мая по 11 октября 1861 г., с 18 мая по 7 октября 1862 г., с 10 мая, по 25 июля 1863 г. Александр Иванович оставил очень интересные воспоминания о своём пребывании на Амуре, в котором упоминается и пароход «Лена».

«В эту зиму (1860–1861 гг. – В.Ч.) пароход «Лена» зимовал в Николаевске. Так как он худо слушался руля, то по бокам [парохода] приделали ещё два руля... Паровые трубы шли по-верх через всю рубку, что очень было неудобно в холодное время, потому что, несмотря на обвёртку войлоком, они скоро охлаждались. Машина была высокого давления. Шума было очень много, но ходила очень плохо. В Хинганском хребте (в отрогах Малого Хингана – В.Ч.) в некоторых местах едва выгребала. Трюм был во всём пароходе чистым. Вид парохода «Лена», хотя и неправильный в деталях, но, похоже, снят в полчаса одним пассажиром-солдатом и находится в моих бумагах.

Довольно мне много было хлопот весной по принятию парохода, приведению его в порядок и изготовлению в плавание. Нужно сказать, что предшественник мой лейтенант Кулибин был человек очень мягкий, добрый и к тому же очень ленивый. Вследствие чего часто становился на мель, стоял по месяцам, даже, случалось, на мели зимовал. Плавал вообще медленно. Пароход был запущен, отчётности не велось никакой, он мне не мог его сдать, потому что книги за прошлый, 1860 г. ещё не были кончены. Да и содержатель по-

пароход стал на зимовку в специальной гавани – будущем Муравьевском затоне. Отсюда Муравьев отправился сухопутьем в Иркутск [1, С. 520].

В 1859 г. произошла последняя поездка Николая Николаевича, теперь уже графа Муравьева-Амурского, на Амур. 12 мая он уже был на Усть-Стрелке, а в конце мая, на пароходе «Лена», прибыл в Николаевск, откуда 2-го июня вышел на транспорте «Манджур» в Де-Кастри, куда и прибыл 4 июня, а 7 июня на пароходе «Америка» отправился в Японию, для проведения переговоров о государственной границе по про-

пался к нему хотя и дельный, но пьяница и лентяй – Кропотов. Так что пароходу надо сниматься с якоря, а я отчётности никакой не видел, но должен был дать расписку в его принятии.

В двадцатых числах мая, приняв почту и пассажиров, я снялся с якоря и отправился в город Благовещенск.... С начала плавания всё шло как-то неладно: я не знал ни парохода, ни команды. Но день ото дня дело улучшалось. Теплицын был отличный рулевой и знал хорошо фарватер, был грамотный и мог разбирать кое-какие сохранившиеся карты Амура с разными заметками, сделанными в 1859 и 1860 годах, что для меня составляло тогда просто драгоценность, и я ими дорожил, как бог знает чем. Потому что казённых карт не было, да если и были, то перевернутые: где шёл фарватер, там показан остров. Так что я все первые дни присматривался и со всем знакомился.

Мне был дан помощник по адмиралтейству поручик [Осип Фёдорович] Макаров, отец теперешнего героя (Степана Осиповича Макарова – В.Ч.). Кроме него был ещё ученик Штурманского училища Чупров, который занимался ведением журналов. Никакого не только механика, но даже порядочного машиниста не было, а был простой мастеровой Левашов, пожалованный из кочегаров. Впрочем, он был хотя и пьяница, но малый смыслёный. Я уже упомянул, что котёл стоял в носовой части на палубе, следовательно, кочегарам работать у котла было не утомительно. Они обдувались всегда ветром.

Кроме пассажиров, мною было взято до 700 пудов груза. Плата с пуда, кажется, не превышала 50 копеек до Благовещенска. Кем эта плата утверждена, не знаю. Деньги эти записывались в частную тетрадь. Из них одна треть шла мне, она треть на помощника и посуду для кают-компании и одна треть на команду. Но так как Макаров в середине лета был списан, то почти две трети шло на команду.

В этот год от сильных ли дождей в хребтах или обильного снега, но только с половины мая вода на Амуре стала быстро подниматься до невероятных размеров. Это был первый год наводнения на Амуре. До этого случая никто не верил, чтобы вода могла так подняться. Водой были залиты все острова с лесом до пяти сажен. Все низкие места оказались в воде. Многие селения были жителями покинуты, и из воды торчали только коньки крыши. Если бы я не собственным глазами видел, какие изменения в очертании берегов сделала вода, то трудно и поверить. Случалось выходить на такой плёс, что от берега до берега насчитывалось не менее десяти вёрст. А между ними было много островов, залитых водой. Подходя к селению и завидя где-нибудь на пригорке заготовленные для нас дрова, пароходу приходилось идти по деревне. Местами даже по постройкам, и лишь едва видневшиеся верхушки крыши свидетельствовали о присутствии на этом месте человеческого жилья.

Сперва большая вода не давала себя чувствовать, но, пройдя Хабаровку, пароход от быстрого течения шёл всё тише и тише. В устье Хингана, т.е. того места реки, где начинаются «щёки Хингана» (по обеим сторонам высокие горы, обрывистые скалы, покрытые лесом, и это на пространстве 100 вёрст), пароход, имея сбоку баржу с командой, выгребать не мог, и потому я был вынужден баржу оставить, а пассажиров принять на пароход. На пароходе сделалось ужасно тесно, но нечего было делать, не бросать же было их на берегу без провизии! Но зато теперь пароход начал выгребать в самых быстрых местах Хингана.

После монотонной и холодной природы Николаевска было чем любоваться на Амуре. Отойдя 100 вёрст от Николаевска, природа заметно меняется. Тут я только узнал, что на Амуре бывает жаркое лето. Жара доходит на солнце до 35°. Рубка, сверху покрытая выкрашенной парусиной, так нагревалась, что было горячо ногам. Тут только я отогрелся. Стоял с утра наверху и, следя за фарватером, любовался видами Амура» [8, С. 325–328].

В июле «Лена» прибыл в Благовещенск. Сдав груз и пассажиров, и приняв казённый груз, через два дня пароход отправился обратно в Николаевск, куда и прибыл благополучно. А спустя неделю, пароход опять должен был идти в Благовещенск. На этот рейс Петров взял с собой жену и детей.

«При этом рейсе пароход встречал тоже много затруднений от разлива воды, она понемногу уже начала спадать, но была ещё так велика, что по приходе парохода в Михайло-Семёновскую станицу, где, как я узнал, был губернатор Амурской области Буссе с женой, я не иначе мог добраться до него, как подъехав в шлюпке вплоть к крыльцу.

Плавание наше до Благовещенска проходило благополучно.... Теперь Амур уже не был таким пустынным, каким мы его видели в 1858 г.... Нельзя сказать, чтобы было везде изобилие всего, но в каждой деревне можно было найти всё необходимое: хлеб, молоко, яйца, случалось, куры и масло.

Чем выше от Николаевска поднимались, тем встречали всё больше и больше достатка. Проходя мимо маньчжурского города Айгуня, я тут остановился. Мы съехали на берег. В Благовещенске мы стояли недолго, кажется три дня. При обратном пути мы заезжали опять в Константиновскую станицу к сотнику Гетцену....

В Благовещенске принял пассажирами жену В.М. Бабкина Аграфену Дмитриевну с дочерью Евгенией Васильевной, которую везли по окончании курса из Иркутского института. Во время стоянки в Благовещенске ездили с женой на противоположный берег, в маньчжурскую деревню...

Подходя к селению Горин, встретил идущий вверх пароход «Амур» и увидел на фарватере бедствующий (был сильный низовой ветер, который развил громадное волнение) баркас-баржу с рубкой, заполненный пассажирами. На баркасе было несколько неопытных гребцов, которые только болтали вёслами. Баркас был загружен и его начинало заливать. Пароход «Амур» вёл его на буксире, но, видя, что он ему мешает, и, не имея возможности с ним справиться при таком сильном низовом ветре, [лейтенант А.М.] Линден (командир) счёл благоразумным его бросить на фарватере, а самому идти далее. Завидя меня, он скрылся в протоку и стал на якорь.

Я не мог пройти равнодушно мимо бедствующей баржи, тем более что с неё мне кричали и просили помощи. Хотя я и знал трудность с моим пароходом, плохо слушавшимся руля при низовом ветре, взять баржу на фарватере, всё же повернул назад и пошёл за ней.... Нужна была большая сноровка. Я, по крайней мере, раз семь подходил к барже и отходил назад, именно потому, что в самый момент, когда я приближался к барже, поднимался пароход.

Но всё-таки мои труды увенчались успехом. Я благополучно взял баржу сбоку на буксир и отвёл к селению Горин. Как были рады все пассажиры! В их числе оказались семейства ка-

питан-лейтенанта Слепцова и священника отца Ильи (его жена – дочь митрополита московского Иннокентия). Они все приезжали на пароход благодарить меня за спасение.

По приходе в августе в Николаевск я явился к адмиралу (контр-адмиралу Петру Васильевичу Казакевичу, военному губернатору Приморской области и главному командиру Сибирской флотилии и портов Восточного океана – В.Ч.). Он принял меня любезно и благодарил за исправное плавание.

Последний рейс мне был назначен по позднему времени, чтобы не пришлось где-нибудь зимовать, только до Хабаровки, куда я отправился в сентябре с почтой и частным грузом.... Очень на пароходе было неприглядно. На такой высокой рубке стоять ужасно холодно. Хотя в кают-компании и имелся камин, но греться было неудобно – это хороший способ к простуде. Скучнее всего были длинные осенние вечера, ибо на якорь мы обычно становились в четыре часа дня.

От селения Михайловского по распоряжению адмирала я взял на буксир баржу с быками и в октябре благополучно доставил её в Николаевск... Бухта была уже покрыта льдом, и я пароходом пробивал себе дорогу. Этим закончилось моё плавание в 1861 г. Хотя я становился с пароходом несколько раз на мель, но, принимая во внимание моё совершенное незнакомство с фарватером реки, нужно сказать, что плавал я очень благополучно и скоро возвращался в Николаевск. Но ведь редкий год проходил, чтобы «Амур» или «Лена» не зимовали на мели. А то, что стояли месяцами на мели, была вещь обыкновенная. Адмирал (П.В. Казакевич – В.Ч.) был очень доволен [8, С. 330–336].

Наконец около 9 мая [1862 г.] прошла река. Пришла давно ожидаемая почта. Я с пароходом был готов начать кампанию. Весной вышло распоряжение, чтобы за грузы до Благовещенска брать с пуда три рубля, а обратно 50 копеек. Командирам из них давали 10 процентов. Но так, как за такую цену ни один купец не согласился бы послать груз, а груз составлял как выгоду командира, так и команды, то я решился брать груз по условию за полтора рубля или около, и тогда груз показывали вполтину меньше. Кто такую бессмысленную цену назначил, не знаю. Но всё-таки у меня опять каждый рейс был полный пароход груза. Ещё только начал вооружаться, как ко мне являлись купцы и просили взять груз. Они знали, что их груз не зазимует на мели, а придёт к сроку в Благовещенск.

В начале июня [1862 г.] я отправился с почтой, пассажирами и грузом в Благовещенск. Туда я дошёл благополучно, ни разу не становясь на мель. Река совершенно изменила свой вид против прошлого года. Теперь она текла в своих берегах, и я её не узнавал. Идя обратно, я раза два становился на мель, но не давал ни себе, ни людям отдыха, принимая все возможные меры, и не позже десяти часов снимался с мели. С какой осторожностью я ни шёл, но трудно было в незнакомой реке – с изменившимся против прошлого года фарватером – не стать на мель. У меня постоянно во время хода стоял на носу матрос с футишкой и кричал на весь пароход глубину. И как только глубина становилась сомнительной, то он выкрикивал её особенно пронзительным голосом.

8 июля я прибыл благополучно в Николаевск.... 17 июля отправился во второй рейс в Благовещенск. В числе пассажиров находилось семейство священника Гавриила Вениами-

нова со всем домом (он был переведён в Благовещенск протоиереем, где его отец архиепископ Иннокентий в том же году основал кафедру и куда приехал из Якутска на житьё...). Это плавание моё было покойнее в отношении машины. Был нанят за машиниста отставной унтер-офицер Андреев, который служил прежде в порту старшим слесарем. Парень был дельный, из жидов. Я мог быть покоен, что котёл не будет без воды.

Сдав весь груз и пассажиров, я торопился домой в Николаевск, а потому, простояв два дня, отправился обратно. На сей раз до Хабаровки дошёл без приключений, но, придя в Хабаровку, получил пакет и узнал, ... что мне приказано здесь ждать из Николаевска пароход «Амур», с которого взять пассажиров и почту. И идти обратно в Благовещенск...

Наконец 20 августа пришёл из Николаевска какой-то пароходик и передал мне почту и пассажиров, и я отправился опять в Благовещенск. В Благовещенск прибыл 28 августа благополучно.... 30 августа с почтой в 11 часов дня отправился в Николаевск.

Меня всегда страшило одно место поблизости Благовещенска – неправильный пережат, образовавшийся при впадении реки Зеи в Амур (Усть-Зейский пережат, существующий и сегодня – В.Ч.). Чего боялся, то и случилось: устопорился плотно на мель. Дал знать в Благовещенск. Прислали шаланду с людьми. Всё выгрузили, даже дрова. Выпустили из котлов воду и едва-едва к утру 31-го, проработав всю ночь, стянулись на якорях. Этот день мне трудно забыть. Не работа была неприятна, в сравнении с тем, что могло меня ожидать, это было пустяки. Я мучился и боялся, что если вода тронется на убыль, ведь придётся, может быть, месяц стоять, а может быть, и зимовать! Вот эти-то мысли и мучили меня весь день 30 августа. Ведь была уже осень, надежда была плохая на время.

Но зато как я радовался, когда мы сошли с мели. Так как вода была очень мала, то во всех опасных местах я посылал вперёд шлюпку со знающим рулевым с футиштоком. Он делал промеры, а я шёл сзади тихим ходом. Ведь идти по течению не то, что против течения – легко можно стать на мель. И всё же при всей своей осторожности неподалёку от Хабаровки опять сел на мель, опять всё выгружал, выпускал воду, и люди вагами, стоя по грудь в воде, спихивали пароход на вольную воду. Тут также проработали почти всю ночь, часов 16 кряду. Я не мог быть покоен, стоя на мели, и ни кому не давал покоя, пока не сошли.

Тут тоже я крови попортил изрядно, да винить было некого, разве реку за её капризы, ведь карт верных не было, а составить было некогда. Что можно было проверить в прошлом году при той огромной воде, которая смыла острова, сделала новый фарватер? Но после этого урока я сделался осторожнее. Чуть сомнение – становился на якорь и делал промер на шлюпке, тогда уже снимался и шёл далее. И так, с осторожностью, я дошёл до Николаевска благополучно около 10 сентября.

Последний мой рейс был до Хабаровки с почтой и вёз семейство подполковника Бернгарда Васильевича Буссе, который взамен николаевского получил батальон в Хабаровске вместо Якова Васильевича Дьяченко. Этот рейс я сделал благополучно, на мель нигде не становился и в начале октября возвратился в Николаевск. Бухта была уже покрыта тонким льдом [8, С. 399–344].

Давно уже у меня была мысль выехать из Николаевска в Петербург, но далеко было до срока. С осени же оставался только год, так что срок мне был 6 декабря 1863 г. Но так как в это время мне выехать было невозможно, а лишнюю зиму жить не хотелось, то я задумал выехать летом. Главная побудительная к этому причина была моя болезнь...

В феврале месяце [1863 г.] при первой же возможности я имел разговор с адмиралом (П.В. Казакевичем – В.Ч.) по поводу моего выезда, т. е. щупал его – дозволит ли он мне выехать раньше срока, чтобы не зимовать лишнюю зиму. На это он мне утвердительно обещал дозволить выехать вторым рейсом на своём же пароходе (на «Лене» – В.Ч.).

Около половины мая я отправился с пароходом в Благовещенск, приняв на пароход около 150 человек пассажиров, около 1000 пудов груза и почту. Плавание моё на этот раз как туда, так и обратно было очень счастливо, так что около половины июня я был уже в Николаевске. Являюсь к адмиралу. Он мне тут же объявляет, что на следующем рейсе я могу выезжать с семейством. До Благовещенска я буду командовать пароходом, а там сдам его штабс-капитану КФШ Моргисову, которого он назначил мне в помощники.

Срок отправления парохода «Лена» в Благовещенск с почтой и пассажирами был назначен на 5 июля. Простившись..., я торопился сняться с якоря около 6 часов вечера, чтобы отойти от Николаевска и прекратить проводы, которые страшно щемили сердце и расстраивали нервы» [8, С. 347–351].

До конца 1860-х годов пароход «Лена» оставался в составе речного отряда судов Сибирской флотилии и выполнял свои обычные функции по перевозке пассажиров и различных грузов, но с началом 70-х годов судьба парохода кардинально изменилась. В связи с переводом главной базы Сибирской флотилии из Николаевска во Владивосток (постановление Особого совещания от 25 мая 1870 г.), пароход «Лена», в числе девяти речных пароходов и трёх барж был передан весной 1872 г. вновь учреждённому «Товариществу Амурского пароходства» (ТАП), и приказом по флоту и Морскому ведомству № 139 от 4 ноября 1872 г., вместе с другими пароходами был исключён из списков судов военного флота России. В составе ТАПа пароход «Лена» благополучно плавал до 1877 г. (при этом неоднократно фрахтовался Военным ведомством для перевозки войск и военных грузов), пока, будучи, поставленным на ремонт в Хабаровке, не был «непоправимо исковеркан бурей», случившейся в ночь с 6 на 7 сентября 1876 г. (был разбит о каменистое дно с утратой гребного колеса.). После этой аварии пароход вначале находился в отстое, а затем, после снятия механизмов и ремонта, был переоборудован в грузовую баржу, грузоподъёмностью в 8,5 тысяч пудов (около 138 тонн), сохранив при этом прежнее название – «Лена», и год постройки – 1857 г., но в отчете ТАП за 1878 г. и в последующих, – пароходом уже не числился.

В 1895 г. баржу «Лена» приобрело у ТАПа Уссурийское казачье войско (УКВ) и приказом Войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск генерал-лейтенанта С.М. Духовского от 25 июля 1895 г. она вновь перешла в разряд казённых судов, но теперь не Морского, а Военного ведомства. Приказом по Приамурским казачьим войскам № 9 от 17 марта 1897 г. баржа «Лена», вместе с пароходом «Казак Уссурийский» и баржей

«Булава», была перечислена во вновь организованную Амурско-Уссурийскую казачью флотилию (АУКФ), в составе которой постоянно плавала, преимущественно по реке Уссури. После упразднения АУКФ в 1911 г. баржа «Лена» осталась при УКВ, но получила новое название – «Казачка».

Начиная с навигации 1923 г., уже в советском Амурском государственном речном пароходстве (АГРП), национализированная баржа «Казачка» совершала регулярные рейсы за тем же буксиром «Казак Уссурийский», переименованным к тому времени в «Шевченко», а после его отправки в отстой в 1928 г. – за другими буксирами. При разделении 21 декабря 1936 г. АГРП на два отдельных пароходства: Верхнеамурское (ВАРП) и Нижнеамурское (НАРП), – баржа «Казачка» отошла к ВАРП, в котором по переписям 1941 и 1948 гг. числилась под регистровым № 104673, грузоподъемностью до 100 т. После аварии на реке Зея, летом 1940 г., баржа была поставлена на ремонт на Суражевской судовой верфи (Свободненский речной порт). Из ремонта сдана 11 мая 1941 г. и с началом Великой Отечественной войны сразу же включена в грузовые перевозки ВАРП, которые выполняла до конца войны. После нового объединения 24 апреля 1948 г. ВАРП и НАРП – баржа «Казачка» плавала ещё несколько лет в общем АРП, упомянута на реке Селемдже в навигацию 1954 г., а затем из-за значительного износа корпуса была списана, прослужив без малого почти 100 лет! [11].

ПРИМЕЧАНИЯ

*В 2019 году мы можем говорить о 165-летию с начала судоходства на Амуре

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсуков, И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский : биограф. материалы по его письмам, офиц. док., рассказам современников и печ. источникам / И. П. Барсуков ; Приамур. геогр. о-во. – Репр. изд. по изд. Синод. тип. – Москва, 1891). – Хабаровск, 1999.
2. Венюков, М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / М. И. Венюков. – Хабаровск, 1970.
3. Веселаго, Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год / Ф. Ф. Веселаго. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 704–705.
4. Восточное Поморье. – 1865. – 6 нояб. (№ 23). – С. 134.
5. Латышев, В.М., Дударец, Г.И. Пароходо-корвет «Америка» и его командир А.А. Болтин / В.М. Латышев, Г.И. Дударец. – Южно-Сахалинск, 2018.
6. Назимов, Н. О пути по реке Амур в 1857 г. / Н. Назимов // Морской сборник. – 1857. – № 11. – С. 1–5.
7. Официальные статьи и известия // Морской сборник. – 1857. – № 12. – С. 99.
8. Петров, А. И. Амурский щит / А. И. Петров. – Хабаровск, 1974.
9. РГАВМФ: Фонд 1374. Опись 1. Дело 43. Лист 1.
10. Скрицкий, Н. В. Суда американской постройки в русском флоте середины XIX в. / Н. В. Скрицкий // Судостроение. – 1978. – № 8. – С. 66.
11. Загадка от Н.М. Пржевальского, или все первые пароходы на Амуре : (опыт фундамент. исслед. с нестандарт. излож.) // Сайт историка Л.А. Яковенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jakol.ru>.

Т.Н. Телюк,
заместитель генерального директора
АО «Амурская ярмарка», кандидат философских наук

«ТЕПЕРЬ Я СТАРШИЙ!»

Ключевые слова: эмиграция, амурцы-эмигранты, семьи Бурячек, Жерелей, Дауман, Ножкины, Хаевы, Благовещенск, Китай, о. Тубабао (Филиппины), СССР, Австралия, Чили, Бразилия, США.

В новой книге Амурской ярмарки «Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века» (автор – С.В. Емельянов) впервые делается попытка широкого, основанного на подлинных документах и материалах, и фактически достоверного описания массовой эмиграции из Амурской области в рассматриваемый период. Историко-архивная и иная многолетняя поисковая работа автора и издателей позволила выявить более 4-х тысяч русских людей, волею судьбы оказавшихся изгоями, вынужденных покинуть свою малую Родину. Реальные судьбы амурцев-эмигрантов, нередко очень драматичные, показаны в общем контексте дальневосточной ветви российской эмиграции, направленной изначально в сопредельное государство – в Китай. В статье Т.Н. Телюк рассказывается о непростой судьбе представителей нескольких поколений амурских эмигрантов – Бурячек и Жерелей. Один из их потомков, ныне проживающий в Австралии, разворачивает в своих письмах широкую панораму жизненного пути предков, показывает реальные обстоятельства их исхода из Приамурья, выпавшие в дальнейшем на их долю испытания. В статье С.В. Емельянова показана история трёх семей благовещенских эмигрантов. Причины эмиграции были разные, порой трагические. Жизнь каждой семьи и её членов складывалась на чужбине непросто.

О судьбах многих эмигрантов, вошедших в новую книгу Амурской ярмарки «Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века», стало известно через интервью и личную переписку автора с потомками (38 корреспондентов из разных стран), предоставившими сохранившееся эпистолярное наследие предков, документы и семейные предания, передаваемые из поколения в поколение, собственные воспоминания. С кем-то из корреспондентов переписка была короткой (3–4 письма с чёткими ответами на поставленные вопросы), с другими – более длительная (доходила до нескольких недель и месяцев, и автор в итоге получал ценную информацию, исторические даты, имена), с третьими – продолжалась иногда год и более, становясь не только источником сведений о том или ином роде, но и об атмосфере семейного психологического климата, взаимоотношениях и настроениях конкретных персоналий.

Примером последнего может служить переписка Сергея Емельянова (автора, Россия) с Юрием Бурячком (потомком эмигрантов, Австралия), которая продолжалась по интерне-

ту довольно долго: с апреля 2017 по сентябрь 2018 года. Основной стиль общения – вопрос-ответ на важную для обоих тему: история семьи эмигрантов Жерелей – Бурячек. Автор от-правлял имеющиеся у него сведения, задавал интересующие его вопросы, а Юрий, не всегда сразу, пытался на них ответить. С каждым последующим письмом история рода расширялась, уточнялась, наполнялась новыми фактами, сюжетами, датами, именами. Из отдельных отрывочных сведений, которые находил, собирал по родственникам Юрий, начали складываться истории главных персоналий его родословной: дедушек, бабушек, мамы, папы, родственников, а также друзей и знакомых, оставивших след в их судьбе. Параллельно формировалась, укладывалась в определённые рамки и история жизни самого Юрия. Все они обрели своё пространство-время в общей истории XIX–XXI веков благодаря случайно возникшей переписке, которая стала частью реальной жизни двух современников – автора и потомка эмигрантов. Переходя от одного письма к другому, от адресата к адресату, история постепенно менялась, расцветивалась, становилась всё более точной, конкретной, наполнялась внутренним родственным светом. Всё оказалось тесно переплетено, возникало ощущение, что прошлое не прошло, оно где-то рядом и продолжает действовать.

Юрий неспешно начинает процесс изучения рода – это просмотр имеющегося в его распоряжении немногочисленного исторического материала, воспроизведение прежних записей, поиск новых данных, воспоминания и их сбор по родственникам, особенно старшего поколения (успеть бы!). История становится многослойной, а переписка начинает производить впечатление живого организма. Постепенно у Юрия вызревает глубинная интуиция неразрывности себя и рода, прочувствованная им в разные периоды жизни.

Внутренняя логика переписки позволяет выстроить нить рода из настоящего в прошлое, от Юрия к родовым корням. Естественно возникли маленькие главки, в которых основными героями стали определённые персоналии родословной, описанные в разных письмах. Отрывки из писем, выстроенные в некоем хронологическом порядке, становятся похожими на дневниковые записи; некоторые из них занимают несколько строк, другие – страницы. Вопросы Сергея, полученная от него информация, незримо присутствуют в канве текста ответных писем Юрия. Их «эпистолярные отношения» претерпевают определенную эволюцию: официальные фразы начала и конца писем от письма к письму становятся всё более дружественными: первоначальное обращение «Уважаемый Сергей!» постепенно трансформируется в «Дорогой Сергей!», заключительное – «С приветом Юрий» с середины переписки меняется на «С тёплым приветом, ваш Юра». Степень доверия к автору ещё больше возрастает, когда Юрий начинает интересоваться его семьёй, детьми, работой, хобби, и тёплые приветствия передаются уже всей семье. И сам Юрий постепенно раскрывается в воспоминаниях о трагических и счастливых моментах в своей жизни, людях, с которыми свела судьба, в описании бытовых деталей, повседневности, окружающей его, в рассказах о любимой музыке, временах года, русском языке.

Автора и потомка соединили живая человеческая мысль и эмоции. И переписка стала для них по-настоящему волнующей, открыв навстречу друг другу окна и двери в свои дома, города, жизнь... *

Юрий (Юрий Александрович Бурячек).

25.04.2017 г. Уважаемый Сергей! Я вам очень благодарен за то, что вы связались со мной! Я живу в маленькой деревне, мой адрес: дер. Фаунтаиндале, город Робертсон, Новый Южный Уэльс, Австралия. Можно найти по интернету.

01.05.2017 г. Простите, что задержался с ответом. Искал свои старые записки. Потом ездил к знакомым, были на концерте в очень красивом месте. У нас скоро зима. Следующий раз пошлю сведения об отце.

02.05.2017 г. В июле 2001 г. мне исполнилось 60 лет, ушёл в отставку, с 2004 г. живу один. Получаю две пенсии: одна от государства, другая от предприятия, где работал. У меня есть один сын Антон, родившийся 16 ноября 1972 г., и внук Александр, родившийся 14 августа 2013 г. Моя дочь Джорджина, родившаяся 8 марта 1969 г., умерла 13 ноября 1998 г. Брат Виктор в настоящее время посещает Москву и собирается ещё поехать в Санкт-Петербург.

15.05.2017 г. Сколько же я забыл о русском языке! Но и сколько я сейчас вспомнил! Очень редко разговариваю или пишу на русском. Всё же всплыло из мозгов!

18.05.2017 г. Немного о себе. Закончил 5 классов высшей школы и в 19 лет начал учиться в университете, сначала изучал психологию, потом перешёл на факультет социального работника. Работал в государственном учреждении по своей профессии много лет. В 1980 г. специализировался в области защиты детей. Занимался расследованием избиений, изнасилований, убийств детей от 0 до 17 лет. В Австралии совершеннолетие начинается в 18 лет. С 1985 г. был управляющим подобного отдела в небольшом городе. Во время работы продолжал самообразование, овладевал необходимыми знаниями. Иногда преподавал в колледже по своей профессии. Также читал лекции в полиции и других местах. Какая у меня была работа? Была очень трудной. Часто нужно было выезжать среди ночи. Испытывал постоянное напряжение, стрессовые ситуации. В 1984 г. разошёлся с женой. Пережил тяжело. С 1995 по 2004 год жил с одной женщиной, но потом разошлись.

25.05.2017 г. Очень благодарен, что вы поделились рассказом о себе и своей семье. Продолжу писать о себе. Когда я учился первые пару лет в университете, то работал на камикулах. Основная работа была кондуктором на автобусах и трамваях. Деньги были хорошие, но часы работы ужасные. Начиная в 5 утра и до 11 часов дня, потом опять в 4 вечера до 1 часа ночи. Денег хватало, чтобы платить за учение и книги. Потом работал в государственном учреждении и мне разрешали ходить на учёбу в университет. Друзей из Шанхая не было. Вообще здесь мало русских из Шанхая. Больше всего их из Харбина. Я дружил с некоторыми из них. У меня был хороший друг из Харбина Алексей Чернышев. Его отец – Алексей Петрович, мать – Татьяна. Мой друг родился в ноябре 1940 г., а умер в 1981 г. Я был ужасно влюблён в его сестру Елену! В 1966 г. я был направлен на работу в провинциальный город Wollouong, расположенный на море. Никого из русских здесь не знал. Я остался жить в этом городе, пока в 1995 г. не переехал в Robertson. Со мной произошла очень грустная история. Мне пришлось иметь дело с одним русским. Он был одинок, работал на сталелитейном заводе и жил в комнате в общежитии. Его просили уехать, но он

не хотел, не знал куда. Был всегда пьяный. Я с ним разговаривал. Он показал мне свой чемоданчик. Это всё, что у него было. Когда он открыл чемодан – там лежала целая куча русских медалей. Он рассказал мне, как воевал за Сталинград. Я нашёл, куда ему переехать. Он умер много лет тому назад. Имени его я не помню. Вот такая странная жизнь! Уже много лет я с русскими не общаюсь. В моей деревне знаю пару человек русских. Одна из Шанхая. Мы даже родились в одном госпитале в Шанхае. Другая из Харбина. Вижу их редко. В расположенном недалеко от меня городе есть несколько русских. Они молодые, недавно приехавшие. Но с ними у меня общего ничего нет.

06.06.2017 г. Всё ещё люблю учиться. В городе Bowral, недалеко от меня, есть Университет 3-го поколения! Сейчас учусь писать. Очень нравится! Пишу короткие рассказы, но читаю их только для нашей группы. У меня раньше было хобби – собирать различные антикварные вещи.... После окончания службы уже не собираю. Жизнь в Австралии довольно дорогая. Надеюсь, вы тоже расскажете о себе.

12.07.2017 г. У нас началась зима, дождь, ветер и холод. Конечно, не как у вас. До мамы с вашим вопросом и до БРЭМа ещё не добрался! Знаете, Сергей, поначалу я всегда думал на русском. Потом, постепенно, начал думать на английском. Только математика оставалась на русском. А потом всё стало на английском. Так сейчас мне приходится переводить с английского на русский! Думаю, это от того, что не разговариваю ни с кем по-русски. Когда смотрю русские фильмы, то всё в порядке – всё понимаю! Благодарю вас за информацию о Чернышевых. У меня всё тихо и всё ещё холостой! Вечерами холодно. Горит камин.

02.10.1917 г. Надеюсь, Вы не обижаетесь на мою ленивость. Иногда просто на меня находит меланхолия. У нас началась весна. В Сиднее и ещё больше у моих братьев становится жарко. У меня пока прохладно и приятно! Засуха. Дождя нет. Боимся, что будут лесные пожары. У меня всё в порядке. Теперь я старший! Слушаю русскую музыку, классическую и народную. Очень нравится Хворостовский. Я его уже видел два раза в Сиднее. Люблю цыганскую музыку и старый русский шансон. Вчера наготовил себе голубцы на неделю! Пока закончу. Желаю вам всего хорошего.

Отец (Александр Васильевич Бурячек).

25.04.2017 г. Не хватает слов, Сергей, чтобы вас поблагодарить! Сколько лет я старался найти сведения о моем отце! Вы это сделали за несколько часов. Не передать моих чувств! Отец умер в 1970 г. Он очень боялся коммунистов, боялся ареста, что его найдет КГБ, отправит в СССР, и там расстреляют. В 1930-х гг. он ещё писал своей маме в Уссурийск. Потом она его попросила не писать, т. к. её преследовал КГБ из-за отца. А после она исчезла.... Она была француженка.

02.05.2017 г. Отец в 1949 г. на пароходе уехал на остров Тубабао (Филиппины). Уехал один, с мамой разошёлся официально. Оттуда он уехал в Парагвай, а потом в Бразилию. Мы с мамой ничего о нём не знали. Потом я писал в разные организации, в редакции бразильских газет, делал запрос в Красный Крест. Есть фото отца, сделанное в Сан-Паулу, которое прислала его знакомая (год неизвестен), прочитавшая в газете моё обращение ко всем, кто знал отца и мог что-то сообщить о его судьбе. Но она не ответила на мое письмо.

10.05.2017 г. Мне мать рассказывала, что во время русско-японской войны, когда Василий Бурячек (мой дед) был в Порт-Артуре, то отец с матерью жили в городе Нанкин в Китае. После войны они уехали в Никольск-Уссурийский. Поздравляю вас с днём Победы!

19.07.2017 г. Посылаю вам перевод с французского на русский – краткую автобиографию моего отца. Скупой он был на слова! «Я русский эмигрант, православной веры. Родился 24.08.1904 года в Китае, городе Мукден, где мой отец был на военной службе в российской армии и жил с моей матерью, которая была француженкой. После смерти моего отца в 1908 году, моя мать и я в 1910 г. покинули Китай и вернулись в Россию, в Никольск-Уссурийск и жили там до 1911 г. Затем мы уехали во Францию, чтобы жить с родителями моей матери в городе Ориак в департаменте Канталь в регионе Оверни. В Ориаке я начал учиться в городской школе, по имени Ориак, в течение двух с половиной лет. К концу 1913 г. мы вернулись в Россию, потому что моя мать имела право на получение пенсии от российской армии по причине смерти моего отца. В Никольск-Уссурийске я учился в гимназии, закончил своё обучение в 1920 году. В 1921 году (в возрасте 17 лет) я добровольно вступил в царскую армию, которая вела борьбу против большевиков. В 1922 году, вместе с другими войсками, я был эвакуирован в северную Маньчжурию. Там, чтобы выжить, я работал в качестве простого рабочего до 1927 г., а затем переехал в Харбин, где я прошёл курсы по автомобилям и работал водителем такси до 1930 года. С 1930 по 1932 год я работал агентом Американской страховой компании, которая покрывала риски пожаров. С 1932 года до настоящего времени я снова работаю водителем такси в Харбине. 14 ноября 1938 года. А. Бурячек».

Мать (Екатерина Апполинарьевна Жерелей, в 1-м браке Бурячек, во 2-м Пашкевич).

10.05.2017 г. Я постараюсь поговорить с мамой. Она долго не хотела рассказывать о своей жизни, потому что заново переживает свою судьбу. И мы живём далеко друг от друга – более 900 км. В жизни мамы были какие-то вехи, от которых она отталкивалась в своём рассказе. Я их сохранил. Она родилась 18.03.1915 г. на Буреи (станция Бурея), в Амурской области. Родилась дома, и мама крестила её тоже дома. Отец в это время был на рыбалке. Крестил иеромонах, который дружил с её мамой.

Школа. Переехали в Домикан в 1924 г. Это было большое селенье, небольшой городок, 20 километров от Буреи. Приехали в Домикан потому, что там было легче жить. Могли иметь скот. У отца была своя практика. Отец был военным доктором во время революции. Училась в школе в Домикане до 4-го класса. Потом в 1928 г. уехала жить к сестре Анне, училась в железнодорожной школе (Фабрично-Заводская Школа). Закончила семилетку и вернулась из Облучья в Домикан. Поступила учиться на железнодорожника. Закончила и уехала работать в Завитую, на железную дорогу. Снимала квартиру с подругой – Евдокия (Дуся) Дудкина. Так прожила некоторое время. Оттуда уехала на Каменный Карьер, недалеко от Буреи. Работала в конторе делопроизводительницей, переписывала бумаги. Жила в общежитии, там был красный уголок. В школе училась актёрскому мастерству, ставила пьесы, организовывала вечера. Была очень активная, сама играла в пьесах. Любила читать. Как-то встретила папину знакомую – Татьяну Мохареву, у неё была дочь Валя. Татьяна Ти-

мофеевна бросила мужа и вышла замуж за китайца. Решили ехать в Китай. Муж-китаец тоже работал в Каменном Карьере. Татьяна уговорила и девочек ехать в Китай. Мать хотела своему папе сказать, но Татьяна отговорила. В 1933 году попрощалась с отцом, Лидой, Толей, Борисом и мачехой. Не сказала им, что уезжает. Татьяна наговорила девочкам, что жизнь в Китае очень хорошая, как при царе. Всё есть, шелковые материи и чулки.... В 1933 г. жизнь в России была очень трудная, продуктов не было, на деньги нельзя было ничего купить. Наняли проводника китайца. 9 мая 1933 г. пешком до реки Буреи от Каменного Карьера шли 2 часа. Там уже была готова лодка, ночами плыли до китайской границы на реке Амур. Плыли неделю – ночью, а днём прятались на островах. Еды было немного, а в последний день стало совсем плохо. Проводник говорил, что гарантию не давал, что они останутся живыми. Укрыли лодку в кустах под вечер – увидели пограничников с фонарями. На середине Амура увидели русский пассажирский пароход, волны от него даже лодку закачали. Быстро выбрались на китайский берег – недалеко от города Сахалина. Пришли в селение, им дали кукурузную кашу и манты. Мама не хотела есть. Дали им комнату. Утром увидела много русских женщин, которые были замужем за китайцами. Они их хорошо накормили. Прожила там 3 месяца. Танин муж решил сеять мак для опиума. Два дня мать работала у него, полола мак. Было плохо, разболелась. После этого устроилась няней у богатого китайца – его русская жена убежала и бросила детей. Работать было скучно. Учила русских женщин, жён китайцев, русским песням. Часто по вечерам слышали русские песни на другой стороне, которые пели красноармейцы. Хотела домой, часто плакала. Но возможности вернуться домой уже не было. Однажды пришёл русский пароход из Харбина. Капитан на нём был русский. Когда мать пришла на пароход, то капитан стал с ней разговаривать, предлагал уехать в Харбин. Он хотел её удочерить, так как у них с женой не было детей.

9-го августа 1933 г. Мать собралась и уехала в Харбин. На пароходе встретила Николая Гавриловича Рагозина. Он уговорил мать поехать к нему домой. Дом у него был большой, очень красивый. Там гостей уже ждали, стол был красиво накрыт. Мать осталась жить у них. Рагозины жили в Харбине с 1905 г. Николай Гаврилович был токарь и имел свою мастерскую. Дом их был в Нахаловке. Жена его – Ульяна Александровна, оренбургская казачка, учила маму готовить. Через год мама опять увидела капитана, он сильно болел, умирал. Пошла работать к Ильиным, помощницей хозяйки. Научилась, и готовить, и стряпать. Хозяева смотрели на маму, как на свою. Пробыла у них некоторое время. Из Харбина написала письмо отцу. Чувствовал он себя плохо. В России люди были добрые, помогали друг другу. В Харбине люди были чёрствые – самолюбивые. Хотела домой вернуться, но не могла, не пустили. Ходила в посольство, там сказали, что если мать назад поедет, то на 10 лет сошлют в ссылку. Было очень жалко, что так вышло. Сейчас мама жалеет, что если бы не сбежала в Китай, то может и жизнь вышла бы по-другому. Она была энергичной, была способна организовать всё что угодно. Но вот к политике у неё не было никакого интереса (ни к партии, ни к комсомолу). В Харбине жизнь была хорошая. Гораздо лучше, чем в России. Здесь всё было и всё доступно. В Харбине мама вела жизнь очень тихую. Никого не встречала из Амурской области и Благовещенска. Ездила в кино и театры с сыном Рагозиных – Александром, ему было 20 лет.

1935 год. В Харбин пришли японцы. Россия продала им железную дорогу. Рагозины продали мастерскую. Их сыновья, Александр и Володя, уехали в Советский Союз. Родители остались, но собирались, уже оформили паспорта. Во дворе у них в маленьком доме жила гречанка с четырьмя дочерьми. Они были из Никольск-Уссурийска. Феодора Попандопулос и дочери: Клеопатра, Ребекка, Зоя и Ольга (Моя бабушка учила их французскому языку!). Феодора в 1936 г. познакомила маму с Александром Бурячком. 9-го февраля 1936 г. они венчались в офицерской церкви в Харбине, в Новом Городе – Благовещенской. Венчание было очень богатым: красный ковер, люстры, шикарный хор. Офицерское общество всё сделало. Свадьбу справляли у Рагозиных дома. Рагозины благославляли мать с отцом иконами. Одна у мамы осталась до сих пор, другую взял отец. Гостей было человек 50. Два дня гуляли. Вскоре после этого Рагозины уехали в Россию, сначала на Украину, а потом в Новгород. Несколько раз переписывались. Их сыновья в России пропали без вести. Потом переписываться стало трудно, японцы следили. Мама работала в гастрономическом магазине после свадьбы. Они с отцом снимали квартиру в районе Пристани. Вскоре стали хлопотать о переезде в Шанхай, потому что японцы прижимали.

1939 год. Мама уехала в Шанхай осенью к дочери Рагозиных Варваре, по мужу Старковской. Через 4–5 месяцев туда приехал отец. Жили они во французской концессии. Отец работал в волонтерском корпусе, потом во французской полиции. Он знал французский язык. Со своим папой мать уже не переписывалась, шла война.

1944 год. Мама работала в благотворительном обществе – Белый Цветок (продавали белую ромашку, собирали деньги). Она готовила на больных, на 35 человек. Это было недалеко от Николаевского собора, во французской концессии.

02.10.2017 г. У нас печальное известие, Сергей. Моя мама, ваша землячка, умерла 13-го сентября 2017 года. Похоронили 22-го сентября. Так что закончилась её эра! Мама прожила долго, видела много перемен в жизни. Через её судьбу прошли две революции – в России и Китае, две гражданских и две мировых войн. Хотя и печально об этом говорить, но ей уже было пора...

03.10.2017 г. Маму кремировали, как она хотела. Пепел будет развеян над морем. Таков был её наказ. Позже её имя будет добавлено на кладбищенской плите мужа, моего отчима. Посылаю панегирик, написанный и прочитанный мною на её похоронах. В нём наша любовь и память о маме.... Как бурно у меня расцвела вишня в этом году!

Отчим (Антон Дмитриевич Пашкевич).

15.09.2018 г. Наша семья приехала в Сидней, в Австралию, в декабре 1953 г., отправившись из Гонконга на SS Taiping. Я не знаю даты, когда моя мать снова вышла замуж. Она и её новый муж зарегистрировали свой брак в консульстве России в Шанхае. У них не было свадебной церемонии. Имя моего отчима – Антон Дмитриевич Пашкевич. Родился он в Томске 22 августа 1900 г. Умер в Сиднее в июле 1974 г. от сердечного приступа. В молодости он служил в армии Колчака, до её разгрома. Затем бежал в Харбин. В Харбине он работал таксистом, позже руководил грузовым бизнесом, занимающимся перевозкой древесины. В конце 1930 г., как и многие другие харбинцы, он уехал жить в Шанхай. В Шанхае ра-

ботал телохранителем, привлекал к этой работе и других россиян. После ухудшения политической ситуации в Шанхае, он стал работать охранником богатого китайца, владельца текстильной фирмы Sun Sin. После китайской революции отчим был оставлен в компании на должности сторожа. В Австралии мой отчим работал простым рабочим на молочном заводе – Dairy Farmers, в Сиднее, до 1966 года. Отчим и мать учили английский язык, но знали его слабо. Маме как-то позвонил мой сын, и она ему сказала, что не может больше говорить по-английски, она забыла его и помнит только русский. В Австралии у отчима с матерью родилось двое детей: Евгений Пашкевич родился 13 декабря 1946 г. в Шанхае, а Виктор Пашкевич родился 24 октября 1954 г. в Сиднее. Оба живут отдельно в Grafton, NSW Australia. Евгений никогда не женился и у него нет детей. Виктор был женат, развёлся. У него есть два сына: Антон родился 19 марта 1995 г. и Жерар родился 15 мая 1997 г.

Дедушки и бабушки

10.05.2017 г. Разговаривал с мамой, очень трудно. Вспоминает, вспоминает.... Она ещё очень плохо слышит. Разобрался насчёт старых семейных фотографий.

По линии отца

10.05.2017 г. Дед – Василий Бурячек, из Украины. Служил в царской армии, не знаю, в каком чине. Был послан на Дальний Восток, жил с семьёй в Никольск-Уссурийске. Отец рассказывал, что Василий участвовал в русско-японской войне, в обороне Порт-Артура. Говорил, что они из знаменитой владивостокской семьи Бурачек (об этом ничего не могу сказать). Умер в Мукдене в 1908 г. Моя учительница подарила мне советскую книгу о Порт-Артуре, там упоминается фамилия Бурячек. Бабушка – Луиза Антоновна (р. 1873 г.), урождённая Louise Caranove. Француженка, приехала в Россию работать гувернанткой (возможно, в конце 1890-х гг.). Её брак с дедом Василием, предположительно, в начале 1900-х гг.

По линии матери

10.05.2017 г. Дед – Апполинарий Данилович Жерелей (по версии родственников из Украины, правильный вариант фамилии – Джерелей), родился на Украине, в Екатеринославе. Умер в 1948 г., прожил 98 лет. (Его отец – Данила Джерелей был из запорожских казаков, служил фейерверкером; был женат, занимался садоводством, в числе детей были: сыновья Петр, Настас, Павел, Иван, Апполинарий, дочь Анастасия). Апполинарий получил медицинское образование, работал врачом. Женился. Переселились на Дальний Восток, как говорил дед, долго плыли на пароходе. У Апполинария был брат Иван, который с семьёй (жена – Матрёна и сын Сергей) тоже отправились на Дальний Восток, проживали недалеко, на Амуре. В 1926 г. уехали назад, на Украину. Апполинарий с семьёй в Приамурье проживал с начала 1890-х гг., работал врачом в Бурее. В годы революции служил военным врачом у красных, верил большевикам. Позже в идеалах большевизма разочаровался, в партию не вступил. В 1924 г. в Домикане деду дали большой дом, там же он вёл приём больных. Бабушка – Анна Фёдоровна, урожденная Ливинцова. Она была первой женой деда. Родилась в маленьком городе Глухово на Украине. В семье было ещё две дочери, одна из них – Полина. Родители её – австрийские колонисты. Работала в госпитале в Екатеринославе, встретила Апполинария. Поженились. Умерла в 1924 г. в Бурее, похоронили на местном кладбище.

Дети от первого брака: Евгения; Анна, в 1-м браке Гавриленко, во 2-м Шашурина, сын от её первого брака – Иван (но его фамилия была не Гавриленко, а Жерелей, мама не знает почему), он после войны работал сварщиком и трагически погиб, Анна умерла в конце 1970-х гг. в Находке; племянник рассказывал, что после её смерти нашли чемодан, в котором она хранила старые письма, среди них были и письма от Л. Толстого, с которым, якобы, переписывался её отец, Апполинарий Данилович (кто-то из родственников испугался и сказал, что советские органы найдут эти письма и у них будут неприятности, поэтому все содержимое чемодана сожгли); Варвара (умерла в 1920-х гг.); Павел (жена – Галина); Надежда; Екатерина (мама); Анатолий (умер в 1988 г.); Лидия (р. 1924, в замужестве Бухвалова, проживала в Бурее); был ещё один сын (?), но он умер на пароходе, когда плыли в Приамурье, его похоронили в море. Вторая жена деда – Мария Семёновна, вдова, очень хорошая женщина. Они разошлись через несколько лет, детей не было. В 72 года дед женился в третий раз, жена – Евгения Николаевна, хорошая. В этом браке родились ещё дети: Борис (жил в Находке), Тамара (р. 1933, проживала в Красноярске, была директором завода) Жерелей. Все мамы братья и сёстры остались в России. Они не были рады тому, что она сбежала в Китай. Мама ездила к ним в гости в 1972 году. Сейчас в живых уже никого из них нет. От родных мамы писем не сохранилось.

02.10.2017 г. Из панегрика, прочитанного Юрием возле могилы матери: «... Путешествия матери прошли через страны и континенты: Россия – Китай – Австралия.... Время бежит неумолимо. Жизнь меняется. Люди двигаются дальше. Дети растут и зарабатывают на жизнь. Но мать всегда была рядом. Она регулярно посещала детей и внуков. Двое из детей переезжают в Графтон, а мать делает ещё одно Путешествие, чтобы жить среди зелёных полей Тукабии. Прекрасное место и открытое пространство вокруг, которое она так любила. Её здоровье ухудшилось, болели ноги, возникли серьёзные проблемы с сердцем. Но желание жить преобладает ещё довольно долгое время. Неизбежный день наступает утром 13 сентября этого года. Мать отправляется в свое последнее Путешествие. Её большое доброе сердце успокоилось. Её дух взлетает, чтобы присоединиться к Вселенной. Замечательная, уникальная и прекрасная женщина, которая продолжит жить в сердцах детей Джорджа, Евгения и Виктора, её дочери Энн, внуков и правнуков и других людей, которые знали и любили её. Уход матери вызвал сильные переживания и боль, которую испытывали многие и, прежде всего, Евгений, который посвятил большую часть своей жизни заботе о матери. Благодаря его героическим усилиям, её последние годы и последние дни были спокойными, а боль терпимая».

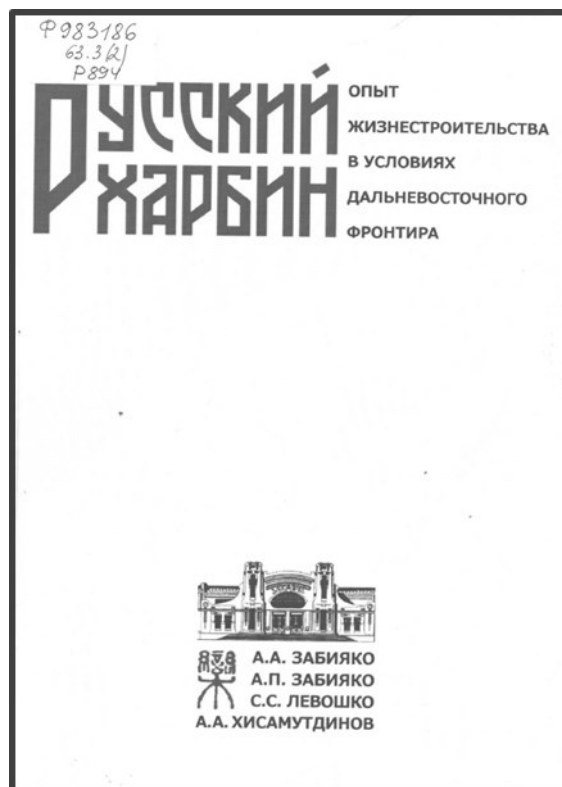
Переписка Сергея и Юрия позволяет читателю погрузиться в воспоминания главных персоналий, их отношения с родными и близкими, с окружающим миром. И пусть, как писал Ю. М. Лотман, «это не жизнь, а лишь её отпечаток», но живое дыхание прошлого мы можем почувствовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

**В письмах Юрия в большинстве случаев сохранены его стиль, орфография и пунктуация, внесены только небольшие правки. Отдельные письма были написаны им по-английски, что потребовало соответствующего перевода. Письма приведены не полностью, их текст рассредоточен по главам, исключены встречающиеся повторы, уточнения, неточности.*

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

Книга «Русский Харбин. Опыт жизнеустройства в условиях дальневосточного фронта» подготовлена коллективом учёных Благовещенска, Владивостока, Санкт-Петербурга и издана по решению Учёного совета Амурского государственного университета.

Монография исследует архитектурную, литературную, научную, религиозную жизнь русского Харбина. Реконструируется исторический опыт формирования особой этнокультурной среды, позволившей русским сохранить и транслировать свою культуру в ситуации инокультурного окружения. Основное внимание уделяется особенностям этнокультурной и этнорелигиозной идентичности в условиях межнационального взаимодействия.

В книге использованы архивные фотоматериалы, собранные С.С. Левашко, А.А. Хисамудиновым, Г.В. Эфендиевой, Вл.А. Резвым, А.А. Забияко, В.А. Суманосовым.

Исследование и публикация выполнены при финансовой поддержке РГНФ в рамках международного научно-исследовательского проекта №12–21–21001а(м).

С.В. Емельянов,
краевед

РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

В книге «Амурцы-эмигранты. Первая треть XX века» рассказывается о нелёгких судьбах нескольких тысяч наших земляков, вынужденных в силу социально-политических потрясений в России (революция, гражданская война, коллективизация и др.) эмигрировать за границу, сначала в Китай, а затем по всему миру. Этот многолетний процесс происходил в сложных условиях, с большими человеческими жертвами, крушением привычных устоев и ценностей, потерей родного дома и близких.

В силу идеологических причин эмигранты оказались на долгие годы вычеркнутыми из общей памяти Приамурья. Да и в семейных, родословных историях они часто оставались на «нелегальном положении». Судьбы у них у всех были разные, кто-то убежал в Китай во время мартовских событий 1918 года, кто-то уехал позже, в 20-е–30-е годы. Но всех их объединяет одно – эмиграция, жизнь на чужбине, которая стала вынужденным пристанищем на долгие годы. О дальнейшей судьбе этих людей современники знают очень мало.

Остановимся на историях трёх благовещенских семей, эмигрировавших в рассматриваемый период из Благовещенска по разным причинам. Вчитаемся в скупые строки их биографических материалов, в которые вместились жизнь нескольких поколений.

Семья Дауман.

Главой семьи был Григорий Исаевич (Гранек Ицкович) Дауман, родившийся в 1851 г. в городе Ченстохов (Польша). Благовещенский купец 2-й гильдии (1902–1914), владел магазином аптекарских и парфюмерных товаров, парикмахерской (ул. Большая, 153), торговал бельём и галантереей. Имел свой дом в Благовещенске (ул. Зейская, 181), где проживало всё его большое семейство: жена и семеро детей. Один из первых фотографов-любителей, летописец Благовещенска и Амурской области. В Дальневосточной научной библиотеке хранится альбом с его фотоснимками – «Благовещенск и китайский поход 1900–1901». Снимки Даумана иллюстрировали Амурские календари и Памятные книжки Амурской области, приложения к «Амурской газете». Революцию 1917 года Григорий Исаевич не признал.

Весной 1919 г. с женой и детьми (кроме сына Абрама) выехали из Благовещенска в Харбин, затем в 1923 г. – в Шанхай, где проживали в своём доме. Умер в 1924 году. Жена Григория Исаевича – Хавва (Ева) Мокеевна (Минеевна) родилась в Благовещенске в 1871 г. Её родители – субботники-молокане Поповы, перешедшие в иудаизм. Вышла замуж в Благовещенске (около 1887). Вела хозяйство и воспитывала детей. В эмиграции домохозяйка. В 1935 г. сын Абрам, который остался в СССР, забрал её к себе в Ленинград. После начала войны она вместе с дочерью Татьяной и внуками была эвакуирована в Пермский край. После окончания войны они вернулись в Ленинград. Умерла Хавва Минеевна 09.01.1958 г., похоронена на городском еврейском кладбище в Ленинграде. В судьбах её детей отразилась непростая история нашей страны:

1) Абрам (Авраам) Григорьевич родился в Благовещенске 19.11.1888 г. Учился в благовещенской мужской гимназии (1898–1906). В 1907 г. уехал в Цюрих (Швейцария), где получил высшее врачебное образование. Продолжил обучение на медицинском факультете в Берлине (1910–1913). Участник Первой мировой войны, старший врач пехотного полка (1914–1918); врач в Красной Армии (1918–1924), врач-бактериолог в военном госпитале в Оренбурге (1925). Микробиолог, руководитель Кожсырьевой научно-исследовательской лаборатории, научный сотрудник Ленинградского отделения ВНИИ водоснабжения и санитарной техники (1937). Арестован 02.10.1937 г., обвинён по ст. 58–1а, измена Родине, и ст. 58–9 УК РСФСР – причинение ущерба системе транспорта, водоснабжения, связи и иных сооружений или государственного и общественного имущества в контрреволюционных целях. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 10.01.1938 г. приговорён к ВМН (*высшей мере наказания – Ред.*), расстрелян 15.01.1938 г. Место захоронения: г. Ленинград. Реабилитирован определением Военного трибунала Белорусского Военного округа от 05.11.1957 г. Его жена – Роза Михайловна, урождённая Гишплинг. Вышла замуж в 1918 г. Зубной врач, приём вела на дому. После смерти мужа была выслана в г. Абдулино Чкаловской (Оренбургской) обл. (1938–1949). Во время войны работала в военных госпиталях, награждена медалью «За доблестный труд». В 1949 г. вернулась в Ленинград, работала стоматологом в поликлинике Куйбышевского района. В 1952 г. тяжело заболела, получила инвалидность 1-й группы. Их сын – Григорий Абрамович, родился 01.02.1924 г. в Ленинграде, окончил Московскую авиатехническую школу, получил специальность техника. Участник Великой Отечественной войны, командир отделения разведки 423-го противотанкового батальона, сержант. Арестован 01.09.1942 г., осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей с поражением в правах на 3 года. Знал в совершенстве немецкий язык, был определён на работу переводчиком. В 1956 г. окончил Московский архитектурный институт, работал в Моспроекте, занимался книжной иллюстрацией, ювелирным искусством. Умер 15.07.2007 г. в Москве. Его дети: Алексей (р. 1958), Георгий (р. 1978).

2) Владимир Григорьевич родился 23.06.1894 г. в Благовещенске. Окончил благовещенскую мужскую гимназию. Вначале 1919 г., с паспортом и легальной визой, уехал в Харбин. В конце 1919 г. проживал с первой женой в Харбине, давал уроки машинописи и стенографии на дому. Преподаватель в Коммерческом училище КВЖД (1924–1935). Одновременно

в 1925 г. в Харбине организовал школу машинописи и стенографии братьев Дауман. В рекламном объявлении говорилось: «Обучение правильной работе на русских и английских пишущих машинах всех систем по десятипальцевому слепому и обыкновенному американскому методу. По окончании курса практические занятия один месяц бесплатно». Позже руководил школой самостоятельно. В 1935 г. переехал в Шанхай. Запатентовал в 1936 г. устройство для пишущей машинки. Женился второй раз, проживал в Шанхае по адресу: 1210, Avenue Joffre, здесь же находилась его фотостудия. В 1950 г. получил бразильскую визу в Неаполе и эмигрировал с семьёй в Бразилию. Жил в Рио-де-Жанейро, затем переехал в Сан-Паулу, работал фотографом. Умер в 1970-х годах. Его первая жена – Ольга Гранеконна, урождённая Шевцова, проживала в Харбине. Его вторая жена – Yarmilla Mary May Pintos Dauman, родилась 07.02.1925 г. в Шанхае, по национальности португалка. Их сын – Виктор Пинтос Дауман, родился 15.11.1945 г., уехал с родителями в Бразилию, проживал в Сан-Паулу.

3) Илья Григорьевич родился в 1892 г. в Благовещенске. Окончил 4 класса благовещенской мужской гимназии. Служил счетоводом у рыбопромышленника Л.М. Гройсмана. Участник Первой мировой войны, рядовой (1916–1917). Владел в Благовещенске складом-магазином, в котором продавались: рыба николаевского засола, селёдка сахалинская, сало свиное шанхайское, масло бобовое и подсолнечное, орехи бобовые, табак листовой маньчжурский (в 1917). В начале 1919 г. с паспортом и визой легально прибыл в Харбин, поступил бухгалтером в комиссионный магазин Эстеркина, одновременно давал уроки стенографии. В 1921 г. проживал с женой в Харбине. В конце 1923 г. уехал в Ленинград на постоянное место жительства. Изобретатель, запатентовал несколько усовершенствований для пишущих машин. В 1930-е годы – преподаватель стенографии в Ленинградском Доме Красной Армии и учебного комбината Горвнупторга. Арестован 27.10.1937 г., обвинён по ст. 58–6 УК РСФСР, приговорён Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 12.11.1937 г. к ВМН, расстрелян 18.11.1937 г. Реабилитирован определением Военного Трибунала Ленинградского Военного округа от 11.06.1958 г. Его жена – Лия Шлемовна (Давыдовна), урождённая Дорошова, родилась в 1899 г. в городе Лодзь (Польша). В семье родителей приехала в 1905 г. в Харбин, окончила с серебряной медалью гимназию (1917) и дополнительный (педагогический) класс, учительница. Поступила на медицинский факультет Томского университета. В 1919 г. ушла со 2-го курса по болезни, вернулась в Харбин к родителям. Окончила курсы английского языка в Шанхае. Вернулась в Харбин, поступила на курсы машинописи и стенографии братьев Дауман. Познакомилась с будущим мужем. В конце 1923 г. с мужем уехала в Ленинград. Работала машинисткой в коммунальной прачечной (1937). После ареста мужа была отправлена в ссылку. Их дочь – Ирина (05.08.1933, Ленинград – 19.03.2006, Санкт-Петербург).

4) Надежда Григорьевна родилась 05.01.1916 г. в Благовещенске. С 1919 жила с родителями в Харбине. В 1926 г. с сестрой Татьяной приезжала в гости к родным в Ленинград и через год вернулась в Харбин. В 1935 г. переехала в Шанхай, устроилась работать машинисткой. Вышла замуж за американского гражданина, в 1946 г. эмигрировала с ним на паро-

ходе «Swarthmore Victory» в Сан-Франциско. Нигде не работала, была домохозяйкой. Проживала с мужем в Лос-Анджелесе, вела переписку с сестрой Татьяной. Но однажды её муж прислал Татьяне очень холодное письмо с требованием, чтобы она больше не писала Наде, так как это её расстраивает. Умерла 22.09.1995 г. в Лос-Анджелесе. Ее муж – Harold Netsel (29.06.1915, США – 20.01.1990, Лос-Анджелес, США), жил и работал в Шанхае. В 1946 г. уехал на родину, в США.

5) Ольга Григорьевна родилась в 1898 г. в Благовещенске. Жила в Харбине и Шанхае. В замужестве Щедрович. После 1949 г. покинула Шанхай, жила в Израиле, Франции и Аргентине. Умерла в 1967 г. в Аргентине. Её муж Щедрович Семен (Самуил), в 1937 г. жил в Шанхае, работал техником-строителем. В семье было две дочери: Лилия (Lily) и Vivu. Лилия родилась 18.04.1935 г. в Шанхае. После 1949 г. она проживала в Чили, в г. Сантьяго. Получила в Чили 30.09.1953 г. заграничный паспорт и 08.10.1953 г. бразильскую визу для эмиграции. Прибыла 11.10.1953 г. в порт Сантос (Бразилия), нигде не работала, была домохозяйкой. К 1962 г. уже была замужем, имела чилийское гражданство, проживала в Чили. В 1963 г. переехала в Аргентину, проживала в Буэнос-Айресе. К 1993 г. уже жила в Майами, Флорида (США). Её муж – Kabat Sidney родился 03.05.1914 г. в Польше, был гражданином США, жил в Нью-Йорке, коммерсант. Дочь Vivu родилась в Шанхае.

6) Татьяна (Тэмма) Григорьевна родилась 13.05.1905 г. в Благовещенске. Уехала с родителями в Харбин в 1919 г. В 1926 г. с сестрой Надеждой ездила в гости к родным в Ленинград, где прожила год и познакомилась с Евгением Розенсоном (будущим мужем). Он был родом из богатой семьи, знал три языка. Давно мечтал убежать из СССР. Договорились между собой, что Татьяна уедет в Харбин, он перейдет границу, и затем они воссоединятся. Но свои планы они обсуждали в почтовой переписке. Приехав на Амур, Евгений нанял китайца-проводника, и они отправились пересекать границу. Здесь их ждали пограничники, китайца застрелили сразу, а Евгения арестовали и отдали под суд. После суда его отправили в Томск, где он работал инженером. В 1929 г. Татьяна приехала к нему из Харбина в Томск, они поженились. В 1930 г. семье разрешили вернуться в Ленинград. Перед войной жили в Ленинграде, в 1942 г. были эвакуированы в Пермский край. В 1980-е годы Татьяна Григорьевна уехала в США к родным. Умерла в Нью-Йорке 28.09.1992 г. Муж – Розенсон Евгений Аркадьевич, родился в 1908 г. в Санкт-Петербурге. С началом Великой Отечественной войны записался добровольцем на фронт, был помощником начальника 2-го отделения штаба 1-й гвардейской стрелковой дивизии Северо-Западного фронта. Погиб в сентябре 1941 года под Волгово Ленинградской области. В семье было два сына: Вилльям и Рэджинальд (02.12.1937, Ленинград – 13.02.1995, Санкт-Петербург). Вилльям работает художником в Санкт-Петербурге.

7) Элла Григорьевна родилась в 1905 г. в Благовещенске. Уехала в Харбин с родителями в 1919 г., вышла замуж. Муж – Спектор Абрам Ильич, скрипач, жил в Харбине. После свадьбы уехали в Германию, проживали в Берлине. В 1930-х годах переехали в г. Либава (Латвия), где, предположительно, погибли во время войны.

Семья Ножкиных.

Глава семьи – Ножкин Емельян Федорович родился 01.01.1862 г. в Москве. Молоканин, крестьянин Гильчинской волости Амурской области. Благовещенский мещанин. В 1895 г. на паях с М. П. Кузнецовым открыл мясную лавку на Сенной площади в Благовещенске. В 1902 г. был владельцем паровой крупчатной мельницы на ул. Соборной. В 1912 г. служил доверенным Благовещенского мукомольного товарищества «Исаев и К^о», товарищество имело мельницы в Харбине, Владивостоке и Хабаровске. В марте 1912 г., захватив с собой принадлежащие товариществу 37 000 рублей, он с семьей бежал на пароходе «Persia» из Владивостока через Иокогаму (Япония) в Сан-Франциско. Прибыл в США 21.04.1912 г. Вскоре узнал, что у фирмы Walter Frick имеется во владении 5000 акров свободной земли (это 2025 га) на ранчо Del Mar Ranch в Калифорнии. Ножкин и около 500 русских эмигрантов поселились на ранчо, стали обрабатывать землю, выращивать овощи и фрукты. Емельян Федорович предложил выкупить эту землю у Walter Frick, согласившись на цену, в несколько раз превышающую её реальную стоимость. Внести всю сумму в срок ему не удалось, и земля вернулась к прежнему хозяину. Не успев собрать урожай, русская колония покинула ранчо. В мае 1914 г. посетил Харбин. Получил американское гражданство 09.01.1948 г. в Сан-Франциско. Умер 25.01.1953 г. в Сан-Франциско. Его жена – Мария Симоновна (Семеновна), урождённая Щукина, родилась 03.04.1870 г. Их брак был зарегистрирован в 1870 г. Умерла 03.10.1960 г. в Сан-Франциско. Их дети:

1) Александр Емельянович родился 21.03.1901 г. в Благовещенске. Приехал в США с родителями в апреле 1912 г. Учился в школе в Сан-Франциско. Работал в магазине продавцом сигарет. Женился 25.08.1951 в Карсон-Сити, Невада. Получил американское гражданство 17.04.1962 г. в Сан-Франциско. Умер 25.01.1971 г., похоронен на баптистском кладбище в Калифорнии. Его жена – Фрида Макдевитт (Frieda McDevit) родилась в 1894 г., умерла в 1978 г. Детей в семье не было.

2) Владимир Емельянович родился в 1891 г. в Благовещенске. Учился в мужской гимназии. Проживал в США с апреля 1912 г. После начала Первой мировой войны он добровольцем, в 1914 г., уехал в Россию защищать свою родину. Был охотником 82-го Дагестанского пехотного полка в 1915 г. Ранен 27.02.1915 г. у деревни Горки (сквозная огнестрельная рана левой ноги). Поступил 05.03.1915 г. из лазарета 21-й пехотной дивизии в лазарет № 57 г. Петрограда на лечение. Был выписан из лазарета 29.04.1915 г. на 6 месяцев с выездом на родину. Уехал в Благовещенск. Умер в 1917 г. в Благовещенске.

3) Вениамин Емельянович родился 24.09.1904 г. в Благовещенске. Проживал в США с родителями с апреля 1912 г. Получил американское гражданство в Сан-Франциско 22.04.1940 г. Сменил имя на Benjamin. Умер 28.08.1993 г. в Калифорнии.

4) Виктор Емельянович родился 24.09.1907 г. в Благовещенске. Проживал в США с апреля 1912 г. Учился в школе в Сан-Франциско. Женился в 1929 г. Получил американское гражданство 30.03.1942 г. в Сан-Франциско. Умер 23.10.1980 г. в Вест-Сакраменто, Калифорния. Жена – Екатерина Ивановна, урождённая Шартикова, родилась 22.10.1904 г. в п. Слюдянка, Иркутской обл. Проживала с родителями в США с 1911 г. Училась в школе

в Сан-Франциско. Получила профессию модистки и увлекалась кулинарией. Во время Второй мировой войны была офицером вспомогательных отрядов в Bryte VEW. Получила американское гражданство 08.03.1943 г. в Сан-Франциско. Умерла в реабилитационном центре в Калифорнии 28.02.2002 г. Их дети: Виктор-младший и Нэнси.

5) Михаил Емельянович родился 28.12.1894 г. в Благовещенске. Учился в мужской гимназии. Проживал с апреля 1912 г. в США. Работал шофёром в Лос-Анджелесе в 1917 г. Женится 13.09.1919 г. в Солано (Калифорния). Получил американское гражданство 30.03.1942 г. в Сан-Франциско. Занимался антикварным бизнесом. Умер 06.11.1973 г. в Сонома, Калифорния. Жена – Mary Panamagoff родилась в 1902 г., их сын – Уильям (04.09.1920, Калифорния, США – 30.11.1996, Сонома, США).

6) Федор Емельянович родился в 1893 г. в Благовещенске. С апреля 1912 г. с родителями в США. Жил и работал в Лос-Анджелесе в 1917 г. Получил американское гражданство 02.05.1927 г. в Сан-Франциско. Умер 14.06.1931 г. в Сан-Матео, Калифорния. Был женат, имел детей: Александра (15.06.1917, Калифорния, США – 08.05.1995, США), Ольгу (р. 1918, Калифорния, США).

7) Вера Емельяновна родилась в марте 1912 г. на японском острове Миядзима, по пути семьи в Америку. По традиции, на этом острове до этого никто не рождался и не умирал. Она стала первым человеком, рождённым на острове Миядзима. Была названа Верой, так как в семье уже были Любовь и Надежда. Умерла 11.11.2006 г. в Калифорнии. Её муж – Newell William T. родился в 1912 в США.

8) Екатерина Емельяновна родилась 21.11.1898 г. в Благовещенске. С апреля 1912 г. проживала с родителями в США. Училась в школе в Сан-Франциско. Первый брак был заключен в 1933 г. Получила американское гражданство 06.04.1936 г. в Сан-Франциско. В 1942 году проживала с первым мужем в Калифорнии. Вышла замуж второй раз. Умерла 18.06.1971 г., похоронена на сектантском кладбище в Калифорнии. Первый муж – Nagaman Оскар (04.03.1892, Буфало, Иллинойс, США – 02.02.1975, Иллинойс, США). Второй муж – Meissel Уильям Т. (04.03.1890, Миннесота, США – 17.06.1962, Сонома, США), участник Первой мировой войны. После войны работал в гражданском строительстве. Похоронен на сектантском кладбище в Калифорнии. Детей от обоих браков не было.

9) Любовь Емельяновна родилась 25.12.1909 г. в Благовещенске. В апреле 1912 г. прибыла с семьей в США. Училась в школе в Сан-Франциско. Замуж вышла в 1934 г. Получила американское гражданство 05.08.1935 г. в Сан-Франциско. Сменила имя Любовь на Lavona. Умерла 04.11.1962 г. Её муж – Foubister Джеймс родился 07.04.1907 г. в Сан-Франциско. Работал в порту. Это был его второй брак. Умер 22.01.1975 г. в Сан-Франциско. Его родители были из Шотландии и прибыли в США в 1905 году.

10) Мария Емельяновна, старшая дочь Емельяна Федоровича, родилась в январе 1892 г. в Благовещенске. С апреля 1912 г. проживала в США. Вышла замуж в 1913 г. в США. Умерла 07.01.1926 г. в Сан-Матео. В семье было шестеро детей: Zena, Walter, Vera, Ник, Роберт и Кеннет. Её муж – Pack John P. родился 26.07.1895 г. Был рабочим по покраске машин. После смерти Марии Емельяновны ещё дважды женился. Умер 07.08.1960 г. в Сан-Матео.

11) Надежда Емельяновна родилась 20.05.1902 г. в Благовещенске. С апреля 1912 года жила в США. Замужем не была. Умерла 16.02.1984 г., похоронена в Калифорнии.

12) У Е.Ф. и М.С. Ножкиных был ещё один ребенок (пол неизвестен), умер в младенчестве в 1900 г. в Благовещенске.

Семья Хаевых.

Хаев Василий Алексеевич – глава семьи, родился в 1865 г. в с. Степаново Тверской губернии. Происходил из крестьян, личный почётный гражданин. Окончил уездное училище в г. Калязине. Был служащим Торгового Дома «И.Я. Чурин и К°» в Москве (1888–1901). В 1906 г. с Е.Н. Бахметковым (Москва) и В.В. Лукиным создал Торговый Дом «В.А. Хаев и К°»: агентурно-торговая контора с отделениями во Владивостоке и Благовещенске. Представлял различные фабрики и заводы, занимался продажей и покупкой разнообразных товаров, осуществлял поставки обмундирования для войск. Исполнял торговые поручения и комиссии в России, Сибири и за границей. Имел склады вина и водочных изделий П.А. Смирнова, табачных, мануфактурных и других товаров. Главная контора находилась в Москве, отделения – во Владивостоке (с 01.01.1907) и Благовещенске – на ул. Большой, дом Белокопытова. С 1910 г. проживал в Благовещенске, служил представителем ТД «И.Я. Чурин и К°». Член котировочной комиссии благовещенского биржевого комитета (1912), гласный благовещенской городской думы (1910–1917), член попечительского совета Алексеевской женской гимназии, председатель совета (с 1912). Член попечительского совета общины Российского общества Красного Креста в Благовещенске (1913–1916), один из директоров попечительского о тюрьмах комитета (1915–1916), член благовещенского раскладочного присутствия. В 1916 г. проживал с семьёй по адресу: ул. Набережная р. Амура, 107, дом А.Д. Очерединой. В 1920 г. выехал в Китай. Совершил поездку с дочерью Надеждой в июне 1921 г. на пароходе из Харбина в офис компании Чурина в Иокогаму (Япония). Затем из Иокогамы на пароходе «Korea Mail» выехали через Сан-Франциско (США) в офис Чуринской компании в Нью-Йорке. В это время в США жил его сын Валентин, вероятно, они приезжали к нему в гости. В 1926 г. проживал с семьёй в Харбине, служил в фирме Чурина. Умер в 1931 г.

Харбинские газеты разместили несколько материалов в память о нём: «20-го сентября в 8 часов утра у себя на квартире от припадка жабы скончался старейший сотрудник Торгового Дома «И.Я. Чурин и К°» Василий Алексеевич Хаев. Покойный проработал в фирме 44 года и являлся третьим сотрудником торгового дома в Москве, когда эта фирма только начинала свою работу при капитале 300–400 тысяч рублей. Для ТД смерть В.А. Хаева большая утрата. В.А. был исключительной честности и работоспособности человек». А вот заметка из другой газеты: «Вчера ТД. «И.Я. Чурин» хоронил старейшего сотрудника В.А. Хаева. На вынос к квартире покойного собралось много народу. Налицо – администрация торгового дома, все служащие и представители коммерческого мира Харбина. На гроб покойного было возложено до 15 венков. В соборе, куда был перенесён прах покойного, архиепископом Мелентием была отслужена заупокойная литургия при большом числе молящихся. В 2 часа похоронная процессия двинулась к кладбищу и растянулась на несколько кварталов. Вчера же вдова покойного Клавдия Андреевна получила несколько сочувственных те-

леграмм от родственников. Семейство Хаевых имеет родственников в Москве, Германии, Владивостоке, Америке и в Китае». Жена Василия Алексеевича – Клавдия Андреевна, урождённая Макарова, с 1910 г. жила с семьёй в Благовещенске. Была попечительницей начального народного училища им. А.В. Суворова в Благовещенске (1916). В эмиграции в Китае с семьёй. Умерла 20.05.1932 г. в Харбине. Их дети:

1) Алексей Васильевич родился 25.08.1914 г. в Благовещенске. В 1920 г. уехал вместе с родителями в Харбин, где начал заниматься музыкой. Окончил гимназию Христианского Союза Молодых Людей в Харбине (в 1931, 6-й выпуск). В 1932 г. по студенческой визе уехал на учебу в США. Учился в Julliard School, затем в Кембридже. Композиторские способности Хаева высоко оценил С.В. Рахманинов, посоветовавший ему брать уроки у К.Н. Шведова. Окончив консерваторию в Нью-Йорке, учился два года в Париже. Композицию музыки изучал в State University в Буффало и университете Карнеги-Меллона в Питсбурге. Дважды получал стипендию в Американской академии в Риме. Композитор, ученик С.В. Рахманинова и И.Ф. Стравинского, написал несколько произведений специально для хора Н. Качанова. Отмечал влияние «русского элемента» на свое творчество. Получил ряд премий в Нью-Йорке, Копенгагене, Венеции. Его фортепианный концерт был исполнен на фестивале Колумбийского университета под управлением Леопольда Стоковского. Премьера его произведения «Страстная седмица» была исполнена в 1988 году хором в Канаде. Умер 01.03.1994 г. в Риме. Его жена – Sheila Jeanne Agatha van Meurs (03.01.1915–24.05.1996, США).

2) Андрей Васильевич родился 30.12.1904 г. в Москве. Жил в Благовещенске. В эмиграции в Китае, в 1926 г. проживал в Харбине. Прибыл в августе 1928 г. на пароходе «Siberia Mail» из Харбина через Кобе (Япония) в Сан-Франциско. По профессии инженер-электротехник. Целью прибытия в Америку была учеба в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене. В 1930 г. проживал в Лос-Анджелесе, работал учителем. Получил американское гражданство в Лос-Анджелесе (21.09.1931). По данным переписи населения США в 1940 г., он уже был женат, проживал в Нью-Джерси, работал радиоинженером. Умер 16.11.1990 г. в Лос-Анджелесе. Его жена – Соня Ипполитовна, урождённая Бибикина (15.09.1903–14.12.1990, Лос-Анджелес). Их сын Андрей родился в 1938 г. в Нью-Джерси, женился 06.02.1959 г. в штате Невада. В 1991 г. проживал в Ла-Хабра, Калифорния.

3) Валентин Васильевич родился в 1898 г. в Москве. Житель Благовещенска с 1910 г. Студент Московского коммерческого института. Участвовал в Гражданской войне в белых войсках Восточного фронта; юнкер Иркутского Военного училища (на 01.10.1918). Жил в Харбине с родителями. Эмигрировал в январе 1921 года на пароходе «Colombia» из Харбина через Иокогаму (Япония) в Сан-Франциско. Студент. В 1932 г. работал в компании American Express Co в Нью-Йорке. В 1935 г. проживал в Нью-Йорке. Женат не был. Умер в США.

4) Надежда Васильевна родилась 14.04.1901 г. в Москве. Жила в Благовещенске с 1910 г. С 1920 г. проживала в Харбине. Летом 1921 г. вместе с отцом ездила в Японию, Сан-Франциско, Нью-Йорк. Была дважды замужем. Первый брак был в Харбине. Прибыла с мужем и сыном в октябре 1929 г. на пароходе «Asama Mail» из Харбина через Японию в Сан-

Франциско. Принимающая сторона — компания «Caterpillar», специализирующаяся на выпуске спецтехники, в которой работал её муж. По данным переписи населения США 1930 г., семья проживала в Сан-Леонардо (Калифорния). После 1930 г. развелась и уехала с сыном в Харбин. Там вышла замуж второй раз. В марте 1935 г. прибыла с сыном и вторым мужем на пароходе «Taio Maui» из Харбина через Кобе (Япония) в Сан-Франциско. Принимающей стороной был её брат Валентин, проживавший в Нью-Йорке. Надежда Васильевна умерла 14.01.1996 г. в Лос-Анджелесе. Сын от первого брака — Георгий, родился 05.12.1925 г. в Харбине. В США проживал с октября 1935 г. Женится 14.02.1971 г. в Лос-Анджелесе; его жена — Смит Кристина родилась в 1926 г. Прожили недолго, развелись в ноябре 1972 г. В 2003 г. Георгий проживал в Лос-Анджелесе, Калифорнии. Первый муж Надежды Васильевны — Витт Георгий Николаевич родился 26.05.1900 г. Уехал в Китай, жил в Харбине. В 1930 г. проживал в Калифорнии, работал инженером. Позже женился второй раз. Георгий Николаевич умер в декабре 1973 г. в штате Коннектикут, США. 2-й муж Надежды Васильевны — Никитин Александр Гаврилович родился в 1900 г. в Киеве. Получил среднее образование, художник. Житель Благовещенска, служил в 1-й Амурской батарее Амурского казачьего войска. Выехал в Китай по политическим убеждениям в 1922 г. Жил в Харбине в 1926 г., преподавал в школе им. Ф.М. Достоевского. Подъесаул, член Союза казаков Дальнего Востока. Из Харбина в марте 1935 г. через Кобе (Япония) на пароходе «Taio Maui» эмигрировал с семьёй в Сан-Франциско. Принимающей стороной был родной брат жены — Валентин Хаев, проживающий в США. Умер Александр Гаврилович 16.03.1957 г. в Нью-Джерси.

5) Юлия Васильевна родилась в 1905 г. в Москве. Жительница Благовещенска до 1920 г. В эмиграции в Китае, в 1926 г. проживала с родителями в Харбине. Вышла замуж за немецкого гражданина, уехала с ним в Германию. Прибыла в октябре 1935 г. на пароходе «Albert Ballin» из Берлина через Гамбург в Нью-Йорк. Домохозяйка. Принимающей стороной был её брат Валентин, проживавший в Нью-Йорке. В 1937 г. работала офисным клерком, в сентябре этого же года ездила отдыхать на Бермудские острова. По данным переписи населения США в 1940 г., проживала вместе с братом Алексеем в Манхэттене, Нью-Йорк. Умерла в США. Её муж — Велберг Роман (Wellberg), по состоянию на 1935 г. являлся жителем Берлина.

Все события и факты из жизни семей, о которых повествуется в данной статье и в целом в новой книге, все те, чьи имена вернулись из небытия — это живая история Приамурья. Тем самым восстанавливается историческая справедливость, воспитывается уважение к роду, фамилии, семейным связям и ценностям.

160 лет главной библиотеке Приамурья

М.К. Чеснокова,
заведующий отделом краеведения и редких книг
Амурской областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

КНИГИ – РОВЕСНИЦЫ БИБЛИОТЕКИ

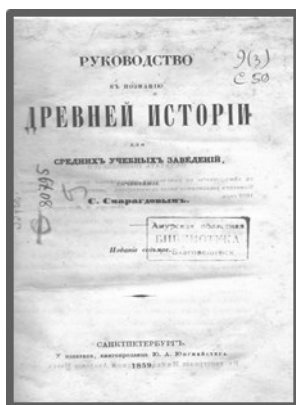
Ключевые слова: освоение Приамурья, фонд библиотеки, редкие книги, издания 1859 года, читательские интересы

Изучение фонда Амурской областной научной библиотеки, формировавшегося на протяжении 160 лет, позволило выделить коллекцию книг, изданных в год создания учреждения. В статье предпринята попытка анализа библиотечного фонда главной библиотеки г. Благовещенска во второй половине 19 века.

В 2019 год Амурская областная научная библиотека отмечает 160 лет. Вместе с библиотекой этот юбилей празднуют книги, изданные в 1859 году, входящие в её фонд.

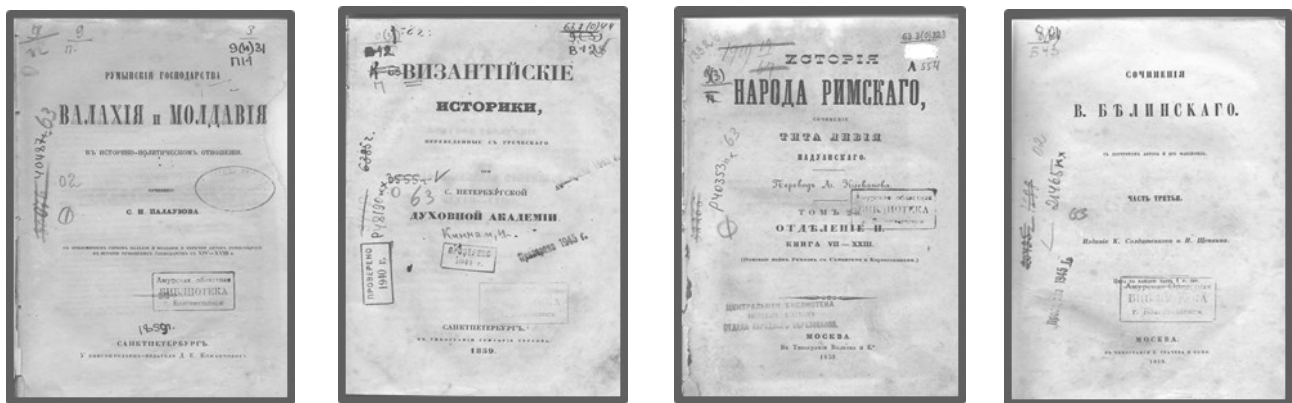
Фонд библиотеки формировался в течение многих лет. Первые книги, подаренные Н.Н. Муравьевым-Амурским, подписные издания, пожертвования – составили его костяк, который изучают и оценивают современники. К 160-летию АОНБ мы взглянули на более чем полумиллион книг под углом хронологии и выявили издания-ровесники библиотеки; книги, которые прошли немалый путь вместе с библиотекой. На каком отрезке пути они встретились? Точно это не узнать. Но некоторые тайны можно прочесть, открыв старинную обложку.

Что же читали люди, приехавшие на далёкую окраину за лучшей долей, что любили, к чему стремились, о чем мечтали? Книги по истории читали не только в центральной России, но и в далёком Приамурье. Сочинение Соловьёва С.М. «История России с древнейших времён» (Москва, 1859) пользовалось большим спросом у читателей Благовещенска, тому свидетельствуют многочисленные комментарии, оставленные читателями на полях книги. Учебник Смарагдова С.Н., учителя истории и географии при Си-

ротском институте императорского Гатчинского воспитательного дома «Руководство к познанию древней истории для средних учебных заведений» (Санкт-Петербург, 1859). «Повествование полно, но не теряется в дробностях, и стройно; во всём видно зрелое соображение, отсутствие всяких рассуждений и сентенций» – так характеризовал учебное пособие Белинский. И именно этот учебник, седьмое издание 1859 года, штудировали учащиеся Благовещенска.

Занимала умы благовещенцев и зарубежная история. Сочинение Палаузова С.Н. «Румынские государства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении» (Санкт-Петербург, 1859) посвящено изучению этнографии и истории румынских племён.

«Византийские историки, переведённые с греческого при С. Петербургской духовной академии» (Санкт-Петербург, 1859) Иоанном Киннамом охватывают период правления византийских императоров в наиболее трагическое время истории Византии, когда она с суши и моря теснимая внешними врагами, изнутри раздираемая непримиримыми противоречиями и кровавой враждой, ожидала помощи от христианских государств Европы.

«История народа Римского» (Москва, 1859) Тита Ливия посвящена событиям кровавой войны Римской республики с Самнитской федерацией за объединение Апеннинского полуострова под власть Рима.

Новая дальневосточная территория России не отставала от центра и в области изучения литературы, и сочинения Белинского нашли свое место в фонде библиотеки – Белинский В. «Сочинения. С портретом автора и его факсимиле» (Москва, 1859). Правда, первые библиотечные печати на книгах русского критика можно датировать серединой 20 века, но хочется верить, что до этого книги хранились в интеллигентной благовещенской семье.

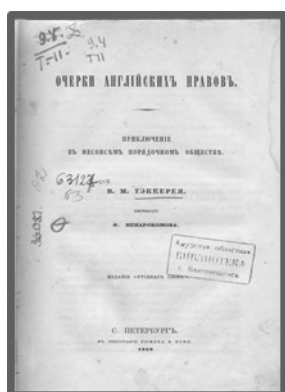
В далёком 1859 году издавались и читались книги по этнографии и этнологии. Книга К.Д. Кавелина «Критические статьи и рассуждения, относящиеся к народному быту, поверьям, праздникам» (Москва, 1859) является одним из самых полных собраний материалов быта русского народа.

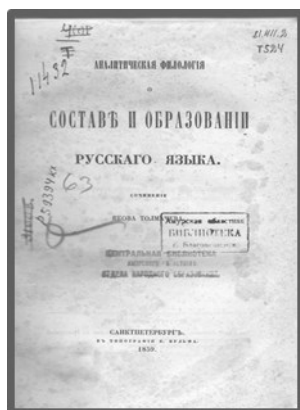
Прежде, чем попасть в фонд библиотеки, эта книга принадлежала Николаю Васильевичу Ельцову, о чём свидетельствует владельческая надпись. Николай Васильевич Ельцов – личность в Благовещенске второй половины 19 века известная.

Именно о нём упоминает в письме епископ Забайкальский и Нерчинский Георгий епископу Самарскому и Ставропольскому Гурию 25 мая 1895 года: «Город богатеет, разрастается и обстраивается каменными зданиями по-американски, то есть замечательно скоро. Ельцов сделался миллионером. Вследствие изобилия в деньгах жизнь стала размахистее, веселее: купцы кутят напропалую. Но не в одних кутежах проявляется их деятельность; по временам они стремятся и на добрые дела. Так, Н. В. Ельцов решил построить каменный собор на свой счёт, каменную кладбищенскую церковь, пожертвовал церкви колокол весом 227 пудов.

Интересовала жителей Приамурья в 19 веке и зарубежная жизнь, чему свидетельство книга Тэкерея В.М. «Очерки Английских нравов. Приключение в не совсем порядочном обществе» (Санкт-Петербург, 1859), посвящённые социально-политической жизни английского общества викторианской эпохи. И у этой книги известен первый владелец – купец 1-ой гильдии, золотопромышленник, владелец чугунолитейного завода, почётный гражданин благовещенского городского общества, театральный меценат Николай Афанасьевич Першин.

Во второй половине 19 века наблюдался всплеск исследовательской активности. Увеличился интерес к просветительской книге, расширялась и читательская среда.

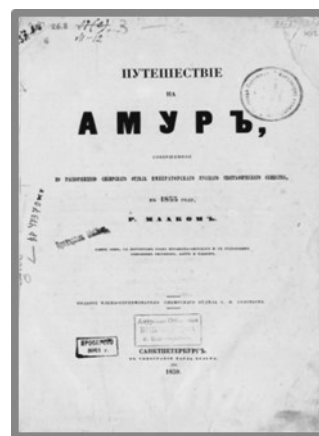

На окраине российской империи, в молодом Благовещенске читали Я. Толмачёва «Аналитическая филология в составе и образовании русского языка» (Санкт-Петербург, 1859) о пользе всех наук, обогащающих познание, особенно наук умозрительных; А. Катрфажа «Превращение в мире животных» (Санкт-Петербург, 1859); Ф. Араго «Учёные записки о Громе и молнии» (Санкт-Петербург, 1859); А. Ротиро «Главные минеральные воды Европы» (Санкт-Петербург, 1859).

Из четырёх перечисленных книг в фонд библиотеки раньше всех попало сочинение Катрфажа. На титульном листе книги стоит пе-

чать «Благовещенский народный дом. Бесплатная народная читальня». Она была открыта 9 июня 1896 года по улице Зейской, между Чигиринской (Островского) и Буссевской (Шимановского) для неимущих горожан, не способных приобретать библиотечные абонементы.

Со строительством нового города вставали проблемы обеспечения его различными службами – торговыми, образовательными, медицинскими. Первым медицинским учреждением Амурской области стал бригадный военный лазарет Амурского казачьего войска (1862 год). По мере расширения переселенческого движения создавалась система медицинского обслуживания переселенцев. Если были врачи, то были и медицинские книги. И среди медицинских изданий нашлись ровесники нашей библиотеки: Ф.Л. Валле «Руководство к терапии» (Санкт-Петербург, 1859), работа французского врача посвятившего всю свою деятельность лечению людей и развитию медицины; А. Нелатон «Хирургическая патология» (Санкт-Петербург, 1859), труд, получивший широкую известность среди врачей.

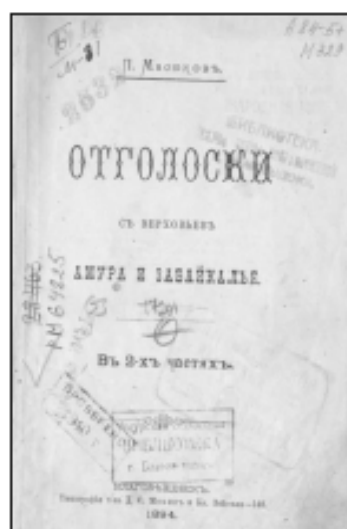
При изучении книг – ровесниц библиотеки – был обнаружен интересный факт. Первое и наиболее подробное описание Приамурья – книга Р.К. Маака «Путешествие на Амур, совершённое по распоряжению сибирского отдела императорского русского географического общества» также вышла в 1859 году и вместе с нами празднует 160-летие.

Ричард Карлович Маак, русский натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока, в апреле 1855 г. вместе с экспедицией Н.Н. Муравьёва отправился исследовать Приамурье. Своё путешествие по Амуру учёный представил в форме путевых заметок, написанных легко и непринужденно. Даже спустя более полтора столетия можно почувствовать гармонию и красоту жизни, которая протекала на амурских берегах.

Присоединение Амурского края к России, официально закреплённое в 1858 году, Ричард Маак назвал «благом для страны и счастьем для науки».

Изучение более чем полумиллионного фонда Амурской областной научной библиотеки имени Н.Н. Муравьёва-Амурского, в частности десяти тысяч редких и ценных изданий, приносит немало открытий. Юбилей – хороший повод рассказать о них.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА 125 лет вместе с читателем

Масюков, П. Ф.

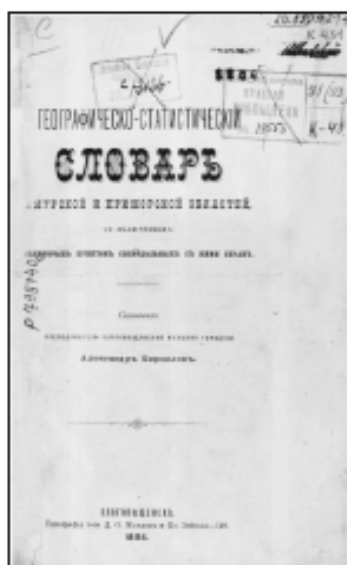
Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья : в 2 ч. / П. Ф. Масюков – Благовещенск : Тип. т-ва «Д. О. Мокин и Ко» : [б. и.], 1894. – 217, [1], III, [3] с.

Порфирий Федорович Масюков (23.10.1848 – 23.10.1903) – уроженец Забайкалья. В родных краях прошли его детство и юность. Он не получил систематического образования, что наложило отпечаток на его последующую жизнь. Первое его стихотворение увидело свет на страницах печати, когда автору было 35 лет. Но в последующие годы публикации стихов Масюкова в сибирских газетах были довольно редкими. Уже в зрелом возрасте Масюков, покинув отчий край, переселился на Амур. Последние годы его жизни прошли в Благовещенске. Здесь сбылась его мечта об издании сборника своих стихотворений. Поэт дал ему название – «Отголоски с верховьев Амура и Забайкалья».

Грум-Гржимайло, Г. Е.

Описание Амурской области (с картой) [Текст] / Г. Е. Грум-Гржимайло. – Санкт-Петербург : Типо-литогр. С. М. Николаева : [б. и.], 1894. – [6], VI, 640, VIII с. табл.

Григорий Ефимович Грум-Гржимайло (17.02.1860 – 03.03.1936) – географ, зоолог, путешественник, исследователь Дальнего Востока, Тянь-Шаня, Монголии, Китая – автор фундаментального труда «Описание Амурской области», составленного по распоряжению Министра финансов С. Ю. Витте. Целью для этого распоряжения послужило «...рассмотрение вопроса о проведении Амурского участка Великой Сибирской железной дороги...» и «...обсуждение мероприятий по заселению Амурской области и развитию в ней торгово-промышленной деятельности...». Составление данного труда было поручено Г. Е. Грум-Гржимайло под руководством и общей ред. П. П. Семенова. Большое содействие в подборе документов и информации об Амурской области оказал генерал-губернатор Приамурья С. М. Духовской.

Кириллов, А. В.

Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей : со включением некоторых пунктов сопредельных с ними стран / А. В. Кириллов; Печатано по распоряжению Приамурского Генерал-Губернатора, 1 апр. 1894 г. – Благовещенск. Тип. т-ва «Д. О. Мокин и Ко» : [б. и.], 1894. – 541 с. [1].

Александр Васильевич Кириллов (29.07.1851- ок. 1910) – этнограф и историк, учитель Благовещенской мужской гимназии в 1884 г. составил и отпечатал на собственные средства тиражом в 400 экземпляров в типографии т-ва Д. О. Мокин и Ко «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей». Свой труд А. В. Кириллов посвятил памяти первого Приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа. В словаре А. В. Кириллова даются полные и точные сведения по истории образования населённых пунктов XIX в. с русским населением, описываются русские и даурские поселения XVII в., приисковые посёлки, китайско-маньчжурские посёлки, существовавшие до 1900 г. на территории области, всего около 250-300 описаний.

160 лет главной библиотеке Приамурья

В.П. Кобзарь,
член Союза журналистов России

ЧИТАТЕЛИ ПЕРВОГО РАЗРЯДА.

Из истории Амурской областной научной библиотеки
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Старые газеты рассказывают...

Сто лет назад, как и сегодня, библиотека была притягательным местом для любителей чтения и очень значимым учреждением в сфере культуры Благовещенска. Самая разнообразная информация о работе библиотеки регулярно публиковалась в городских газетах. Сведения отрывочные, разрозненные, но от этого не менее интересные.

Генерал Линеви́ч (Николай Петрович, герой Кавказской, Русско-турецкой и Русско-японской войн, руководитель подавления Боксёрского восстания в Китае), летом 1902 года побывал Благовещенске, в частности, посетил городскую библиотеку и заметил, что «читальный зал в Благовещенске – единственный по своим размерам и количеству периодических изданий в Восточной Сибири» [1].

По сведениям городской управы в благовещенской городской библиотеке в 1908 году насчитывалось 4770 книг, было 200 абонентов. За год 9370 человек посетили читальню. В августе 1911 года 543 человека взяли на дом 1759 книг, ежемесячных журналов – 163, двухнедельных журналов – 89 и 160 экземпляров газет. Читальный зал посетили за этот месяц 2207 человек. «Насколько увеличилась посещаемость читального зала при библиотеке за последние три года показывают следующие цифры из отчетов библиотеки, – писал корреспондент газеты «Эхо». – В январе 1910 года в читальном зале побывал 1831 посетитель, в январе 1911 – 2812, в январе 1912 года – 3191 человек [4].

Читатели библиотеки делились на три разряда. В ноябре 1909 года плата за абонемент по первому разряду составляла 10 рублей в год или один рубль в месяц. Согласно правилам библиотеки, «перворазрядники» имели право первыми читать новые книги, журналы и газе-

ты. Плата за абонемент второго разряда – 6 рублей в год или 50 копеек в месяц, по третьему разряду – три рубля в год или 30 копеек в месяц [5].

Финансировалась библиотека из нескольких источников. О статьях доходов и расходов за 1910 год можно узнать из публикации газеты «Эхо».

В течение года на счёт городской библиотеки поступило из кассы городской управы 1173 р. 27 к., членских взносов (платили члены общества публичной библиотеки) – 826 р., подписная плата – 402 р. 50 к., залогов за взятые на дом книги – 747 р., плата за утраченные книги – 23 р. 70 к., штрафы за просроченные книги – 1 р. 60 к., за продажу газетной бумаги – 25 р. 30 к., проценты по текущему счету – 5 р. 79 к. Всего 3730 р. 53 к.

Расходы библиотеки были такими: покупка книг – 1356 р. 66 к., выписка периодических изданий – 428 р. 60 к., переплёт книг – 177 р. 80 к., канцелярские расходы, марки, конверты – 87 р. 31 к., печатание отчёта библиотеки за 1909 г. – 35 р., доставка выписанных книг из Москвы – 84 р. 21 к., ремонт и мелкие расходы – 11 р. 35 к., сторожу мальчику за шесть месяцев – 90 р., покупка двух лестниц 16 р., возвращено залогов 540 р. Итого 2826 р. 90 к.

На 1 января 1911 на текущем счету библиотеки оставалось 583 р. 79 к., у казначея общества библиотеки – 187 р. 18 к., у библиотекаря – 132 р. 63 к. [4].

На протяжении нескольких лет городская публичная библиотека размещалась в здании городской управы. К концу лета 1911 года освободилось помещение бывшего пансиона Алексеевской женской гимназии (теперь здесь размещается загс). Туда переехал музей и должна была переехать библиотека, но что-то медлила. 11 сентября газета «Эхо» напечатала такую заметку: «Правление городской библиотеки просит новые книжные полки. Гласные городской Думы (депутаты) говорят, что это специально, чтобы затянуть время и не переезжать. До 20 сентября библиотека должна переехать!» [4].

В новое помещение библиотека переехала только 24 сентября, а открылась для читателей 3 октября.

Когда по разным обстоятельствам, как в случае с переездом, библиотека закрывалась на несколько дней, заядлые любители чтения возмущались. Например, в апреле 1912 года. «Закрытие читального зала при городской библиотеке на целую неделю по случаю пасхальных праздников вызвало вполне справедливое неудовольствие, – пишет корреспондент газеты «Эхо». – Обилие свободного времени при плохой погоде вызывало большое желание зайти в читальный зал, посмотреть газеты и журналы. Не мешало бы на будущее время не закрывать зал на столь продолжительный срок» [4].

В Благовещенске функционировало большое число общественных организаций, профессиональных объединений: учителей, врачей, телеграфистов, печатников, речников, инженеров, любителей искусств, охоты, велоспорта и других. Почти каждое такое объединение собирало собственную библиотеку. Сохранились сведения о том, как появилась «учительская библиотека».

В ноябре 1900 года уходил с должности инспектора народных училищ Ф.И. Васильев – один из первых организаторов народного образования в Амурской области.

«Благородный и открытый характер, любовь и преданность делу, отзывчивость и полная готовность послужить всему доброму и возвышенному, вообще высокие идейные стремления снискали Флорентию Иосифовичу сочувствие и любовь среди сослуживцев и питомцев семи-

нарии и училища, равно как и расположение и доверие от граждан, епархиального преосвященного и амурского губернатора», – так отзывались о нём современники.

5 ноября 1900 года в Ольгинской женской школе учителя и попечители городских школ устроили скромное чествование Ф.И. Васильеву.

«Старейший из народных учителей С.Н. Никитин прочитал прочувствованный адрес, – описывал чествование один из его участников. – Присутствующие провозгласили «Ура!» и пропели «Многая лета». Учителя устроили Ф.И. Васильеву и попечителям скромный завтрак. Беседы за столом велись весело, оживлённо, без принуждения и натянутости. Это было скромное торжество одной семьи народных учителей и учительниц».

Новый инспектор народных училищ И.К. Окунцов предложил основать учительскую библиотеку имени Ф.И. Васильева. Учителя с восторгом отнеслись к этому предложению.

Попечители школ тоже одобрили идею, обещали материально поддержать библиотеку и тут же стали делать взносы: попечительница Ольгинской женской школы Е.В. Бабинцева, попечительница двухклассной женской школы М.И. Лукина, попечитель школы им. барона Корфа В.В. Лукин пожертвовали по 100 рублей, попечитель первого народного училища П.И. Мамонтов – 200 рублей.

На протяжении почти двадцати лет благовещенские учителя выделяли «известный процент своего жалования в пользу давно желанной библиотеки» [3].

Так было до революции.

17 июля 1918 года был подписан декрет Совета народных комиссаров «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР». С этого момента началась национализация фондов. Национализации, то есть, конфискации, подлежали не только ведомственные, но и частные собрания, в которых имелось более 500 томов. Личные библиотеки разрешалось иметь только учёным, но не более 2000 томов.

Вскоре после того, как советская власть окончательно установилась на Дальнем Востоке, и здесь началось «великое собрание книг». В феврале 1924 года бывшая «учительская библиотека», как и библиотеки других обществ, кружков и союзов, была «влита в центральную библиотеку Губпрофсовета» [4].

В феврале того же 1924 года в Благовещенске прошло собрание библиотекарей, было организовано библиотечное объединение, утверждено Губполитпросветом положение о библиотеках. «Амурская правда» опубликовала строгое объявление: «Всем библиотекам, не вошедшим в объединение, предлагается срочно зарегистрироваться у секретаря объединения т. Новикова, заведующего центральной библиотекой Губполитпросвета» [4].

Начиналась новая страница в истории Амурской областной научной библиотеки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амурская газета, 1902.
2. Амурский край, 1900.
3. Амурская правда, 1924.
4. Эхо, 1909, 1911, 1912.
5. Историческая справка [Электронный ресурс] / Нац. б-ка им. С.Г. Чавайна Республики Марий-Эл. – Режим доступа: <http://nbmariel.ru/razdely/istoricheskaya-spravka>.

145 лет Алексеевской гимназии

О.Л. Олейникова,

краевед, Отличник народного просвещения РСФСР

СТАРЕЙШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ПРИАМУРЬЯ

Ключевые слова: народное образование, женское образование, народная школа, прогимназия, гимназия, пансион.

В статье излагается краткая история становлении системы женского образования в городе Благовещенске, и, главным образом, – история Алексеевской женской гимназии, старейшего учебного заведения Приамурья, от момента основания до настоящего времени.

*Алексеевская гимназия
Благовещенска сегодня*

В 2019 году старейшему учебному заведению города Благовещенска – Алексеевской гимназии исполняется 145 лет. Первоначальное наименование «Алексеевская гимназия Благовещенска» средней школе № 4 имени М. И. Калинина было возвращено в сентябре 2017 г.

Как свидетельствуют документальные источники, первые образовательные учреждения в Благовещенске появились уже вскоре после основания города. В 1862 г. в Благовещенске была открыта бригадная школа Амурского казачьего войска и духовное училище. В созданную в 1864 г. частную школу уже могли поступать дети горожан всех сословий. В первый год в школе обучалось 25 мальчиков, а на следующий год в неё стали принимать и девочек. Военный губернатор Амурской области Н.В. Буссе обратился с ходатайством в Министерство народного просвещения об учреждении в Благовещенске народного училища и открытия в нём отделения и для девочек. 8 сентября 1865 г. ходатайство было высочайше утверждено, но без отделения для девочек. Власти области приняли решение о слиянии казачьей бригадной школы с народным училищем таким образом, чтобы оба учебных заведения помещались в одном здании, имели бы общих учителей и один общий надзор.

Такое здание, как пишет Р.С. Иванов в «Краткой истории Амурского казачьего войска», было построено при содействии нового военного губернатора И.К. Педашенко. За два месяца в районе Торговой площади был оборудован дом, по тем меркам красивый и большой, в котором разместились: народное училище, отделение женской школы, бригадная школа, рядом, отделяясь тенистым большим садом, пансион бригадной школы.

7 января 1866 г., в Благовещенске на базе мужского отделения частной школы на средства казны было открыто первое народное училище, которое стало первым общеобразовательным учебным заведением города. [3, С. 21]. Но обучаться в нём могли только мальчики. Девочки обучались в женском отделении, которое существовало за счёт небольшой платы за обучение и частных пожертвований. Это отделение было присоединено к бригадной школе, позже оба отделения слились с первым народным училищем. Из отчёта школы за 1870 г. видно, что число учащихся расло от года в год: в 1869 г. – 69 (обоёго пола), в 1870 г. – 154 (115 мальчиков и 39 девочек). В 1871 г. в ней уже обучалось 132 мальчика и 63 девочки [2, С.245–246].

35975 Военный Губернаторъ Амурской области донесъ Главному Управленію Восточной Сибири, что жители этой области, желая увековѣчить память о посѣщеніи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексіемъ Александровичемъ Амурскаго края, ходатайствуютъ о разрѣшеніи учредить въ городѣ Благовѣщенскѣ женскую школу Имени Его Высочества на средства этого города.
Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему объ этомъ докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 21-й день Октября сего года, Высочайше на сіе соизволилъ.

*ПСЗ РИ. Собрание второе.
Том XLIX. Отделение второе.
СПб., 1876. С. 312*

*Великий князь Алексей Александрович,
1880-е гг.
Фотограф С.Л. Левицкий,
С.-Петербург.*

В 1874 г. женское отделение при первом народном училище было преобразовано в Алексеевскую двухклассную школу. Средства на основание школы были пожертвованы великим князем Алексеем Александровичем (будущим генерал-адмиралом Российского флота), посетившим наш город в 1873 г. проездом во время своего кругосветного путешествия из Владивостока в Петербург.

Адмирал К.Н. Посьет, сопровождавший великого князя, направил письмо военному губернатору Амурской области, в котором, в частности, говорилось: «Состояние всякого общества в значительной степени зависит от уровня умственного и нравственного образования женщин. Основания, положенные при первоначальном воспитании и остающиеся на всю жизнь, составляют преимущественно плод забот и влияния матери. Желая со своей стороны содействовать усилению средств воспитания девочек в Амурской области, Великий князь поручил мне препроводить к вашему превосходительству прилагаемые при сём 500 рублей для Благовещенской девичьей школы» [1, С.152]. На просветительские нужды князем была выделена одна тысяча рублей. Благодарные жители, желая увековечить память о визите царской особы, ходатайствовали о разрешении утвердить в городе Благовещенске

женскую школу, названную именем его Высочества. Было получено согласие и личное пожертвование в 500 рублей. И 21 октября 1874 г. императором было подписано разрешение «Об учреждении в городе Благовещенске женской школы» [5].

Итак, 21 октября 1874 г. школе было присвоено наименование «Алексеевской женской школы». Это была двухклассная школа на базе женского отделения первого народного училища, дающая начальное образование. Но двухклассное образование очень быстро перестало удовлетворять как родителей, так и самих учащихся.

История строительства гимназии такова. Алексеевская женская гимназия построена в 1870-е гг. на Большой (Ленина) улице, между Торговой (ныне Б. Хмельницкого) улицей и Американским (Святителя Иннокентия) переулком. Это было деревянное двухэтажное здание. Оно несколько раз достраивалось. После переезда Алексеевской гимназии в новое здание, в нём разместилось сначала реальное училище, а затем частная женская гимназия, преобразованная из частной женской школы, основанной архитектором Э.И. Шефером и купцом С.П. Поповым (не сохранилось) [6].

В 1879 г. Благовещенская Алексеевская женская школа была преобразована в четырёхклассную прогимназию [3, С. 27]. В 1888 г. Благовещенская Алексеевская четырёхклассная женская прогимназия была преобразована в полную семиклассную женскую гимназию. Уже в 1896 г. в ней обучались 383 ученицы [4]. Выпускницы, закончившие 7 классов гимназии, получали аттестат об окончании полного курса наук женской гимназии, ведомства Министерства народного просвещения.

Так, в двенадцатом, так называемом, пушкинском выпуске, в 1898 г., три девушки – Бялковская, Неудачина, Сокульская – были удостоены золотых медалей за отличные успехи и примерное поведение. Уже в 1902 г. такие свидетельства получили 20 девушек (в том числе, Бродовикова, закончившая гимназию экстерном). Две девушки получили золотую медаль и четыре из них – серебряную. Из 8 класса было выпущено 11 девушек; четыре со званием домашней наставницы и 7 – со званием домашней учительницы.

*Алексеевская женская прогимназия.
Середина 1880-х гг. Благовещенск,
ул. Большая (Ленина).*

Благовещенская женская гимназия лишь частично решала проблему женского образования. Педагогический коллектив гимназии искал пути его расширения. Об интересном опыте Алексеевской женской гимназии информировала газета «Амурский край» (1901 год, № 144).

Гимназические правила предусматривали преподавательскую практику выпускниц в начальной школе. Для этого учащиеся 8 педагогического класса посещали одну из городских школ, знакомились с практической работой учителей и давали пробные уроки. Это было не совсем удобно, поэтому при гимназии была открыта начальная школа. Функции учителей выполняли выпускницы 8 педагогического класса. Школу ежедневно, в послеобеденное время,

посещали четыре десятка девочек в возрасте от 8 до 12 лет из бедных семей. К этому времени в гимназии освобождался класс, где гимназистки давали уроки, вникали во все мелочи школьной жизни, обсуждали и решали каждый вопрос. Успех был очевиден: бедные дети получали бесплатное образование, а группа будущих педагогов имела возможность применить знания на практике, накопить определенный опыт.

Для учениц женской гимназии устраивались праздники, рождественские ёлки. Так, в день столетнего юбилея А.С. Пушкина, учащиеся присутствовали на Соборной площади на панихиде, катались на пароходе по Амуру, пили чай с конфетами, вместе с учениками мужской гимназии участвовали в музыкально-литературном вечере.

На этом вечере ученица 7 класса Надежда Ершова, внучка Петра Павловича Ершова, знаменитого русского сказочника, прочитала собственное стихотворение, посвящённое памяти А.С. Пушкина (*Окончила Алексеевскую гимназию с отличным аттестатом, свободно владела несколькими языками. Затем обучалась в Париже в Сорбонне. В 1909 г. вернулась в Благовещенск, стала работать в Благовещенских женских гимназиях, а в советское время – в 4-й средней школе им. М.И. Калинина – О.О.*).

Пансион Алексеевской женской гимназии на углу улицы Большой и Американского переулка (Ленина и Святителя Иннокентия, где впоследствии располагался музей, а сейчас – ЗАГС)

Итоги своей учёбы ученицы Алексеевской женской гимназии впервые продемонстрировали на Амурско-Приморской выставке 1899 г., проходившей в Хабаровске. Здесь были выставлены тексты курсовых работ по различным предметам, информация о гимназии, педагогах и учащихся, представленная на фотоснимках, в статистических таблицах и диаграммах. На выставку также отправили подушку и панно, где шёлком были вышиты северные пейзажи, и карту Амурской области ручной работы, расшитую шерстяными нитками.

В Алексеевской гимназии в разное время служили известные в городе педагоги, в том числе, законоучителя: священник А. Шастин, протоиерей Г. Цветков, священник В. Мстиславский, П.Р. Богданов. Из-за недостатка педагогических кадров приглашались преподаватели мужской прогимназии. Так, естествоведение вел В.П. Ершов (1856–1917), (старший сын П.П. Ершова, автора «Конька-горбунка»), приехавший в наш город в 1885 г., немецкий язык преподавал А.Ф. Шлидерман, английский язык – Э.К. Судзиловский, французский язык – И.Ю. де-Турнефор. Словесность преподавал А.В. Кубинцев, уроки истории вёл Г.К. Войницкий (он же исполнял обязанности секретаря педагогического совета и делопроизводителя). Педагогику и словесность преподавал П.В. Верещагин, рисование – П.П. Кириллов, окончивший Строгановское училище и школу живописи, ваяния и зодчества. В 1893 г. в гимназии появился собственный врач В.А. Юргелис.

Некоторые дамы города Благовещенска начинали свою деятельность в гимназии с выполнения обязанностей классных надзирательниц, а впоследствии проводили уроки. История сохранила имена этих учителей: З.И. Цибульская преподавала рукоделие, С.Ф. Потулова –

французский язык. В обязанности классных надзирательниц вменялся воспитательный контроль за жизнью учениц вне школы, посещение квартир и прочее. Некоторые из них окончили полный курс гимназии и оставались в ней на службе (С.И. Шимановская, Т.И. Цюнская, И.П. Гришилина и другие). Классные дамы учили манерам поведения в обществе, правилам поведения за столом, следили за внешним видом учениц. Девочки из старших классов могли пойти на вечерний сеанс в кинематограф только с разрешения начальницы гимназии, или классной дамы, никакой косметики, никакой завивки не разрешалось.

Начальницей гимназии более 20 лет прослужила М.Ф. Прищепенко. Мария Флорентьевна начинала свою трудовую деятельность учительницей Алексеевской школы. В начале сентября 1898 г., ввиду плохого здоровья, она оставила свой пост. Благовещенская городская дума высоко оценила её заслуги на педагогическом поприще: ей была назначена пожизненная пенсия.

После её ухода на пенсию гимназию возглавила Мария Домонтьевна Малярова (25.12.1866–25.08.1969), уроженка города Симферополя Таврической губернии (Крымский полуостров). По сведениям краеведа Сергея Вадимовича Емельянова, Мария Домонтьевна окончила Санкт-Петербургский Николаевский Сиротский Институт и Педагогические двухгодичные курсы с золотой медалью в 1887 г. Была назначена начальницей Благовещенской Алексеевской женской гимназии в 1898 г. В гимназии прослужила 22 года (с 1898 по декабрь 1920 г.), затем эмигрировала в Харбин. Умерла 25 августа 1969 г. в Лос-Анджелесе, США.

С увеличением количества воспитанниц старое здание гимназии стало тесным и неудобным (отсутствовали актовый зал, библиотека, кабинет физики). Гимназию пришлось достраивать, городские власти начали ходатайствовать об ассигновании денег на новое здание. В результате чего в верхнем этаже была устроена домовая церковь, что дало возможность усилить религиозно-нравственное воспитание учениц. К зданию гимназии было пристроено кирпичное здание пансиона, что позволило выделить просторные и удобные спальни для иногородних девушек, а так же организовать больницу, кухню, прачечную, квартиры для экономки, кастелянши, прислуги.

С помощью тёплого коридора пансион соединили с гимназией. Всё это было сделано на средства частных благотворителей. Пансион Алексеевской женской прогимназии построен в 1893 г. на средства попечительского совета гимназии (25 тысяч рублей). Одноэтажный, кирпичный, он примыкал к деревянному зданию гимназии. В 1911–1984 гг. здесь располагался Амурский областной краеведческий музей. В 1980-е гг. здание было перестроено под дворец бракосочетания (пер. Святителя Иннокентия, 6).

Итак, женскому образованию, а оно в то время было отдельным от мужского, в Благовещенске отдавался приоритет. Учебные заведения для «слабого пола» тогда возводились в более высокий ранг. Например, если женская гимназия была семиклассной, то мужская – шести. Если при первой из них был пансион, то при второй таковой отсутствовал.

Объяснить это обстоятельство можно было различными причинами. С самого начала заселения и достаточно долго на Дальнем Востоке России мужское население превосходило численность женского. Юноши имели возможность продолжить учёбу в отрыве от родите-

лей в других городах, потом поступить в университеты. Девушки же, в связи с неразвитостью системы женского высшего образования в России, такой возможности не имели. В то же время наличие образования было серьёзным преимуществом. Для родителей в состоятельном Благовещенске и в области воспитание дочерей вблизи дома или дома имело свои важные достоинства.

Поэтому первый проект современного образовательного учреждения был связан с постройкой именно женской гимназии. Городские власти начали ходатайствовать об ассигновании денег на новое здание. После длительной волокиты казна в 1902 г. отпустила 200 тысяч рублей, а городская дума выделила просторный участок земли на углу улиц Иркутской (Горького) и Мастерской (Шевченко). Это место в то время называлось Сенная площадь. Для проведения подготовительных работ был создан строительный комитет, работа осуществлялась под контролем Попечительского Совета гимназии. Здание было заложено 27 сентября (10 ноября) 1902 г. при участии Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова. Разрабатывать и осуществлять проект должен был Эдуард Иванович Шефер, военный инженер, депутат городской думы. Много позже, когда он вышел в отставку, он преподавал в гимназии математику, физику, латынь и даже греческий язык.

В первый юго-восточный угол фундамента здания генерал-губернатор Николай Иванович Гродеков заложил камень и серебряную доску с соответствующей надписью. Постройка стала одной из самых грандиозных в Благовещенске. После закладки Великому князю Алексею Александровичу была отправлена телеграмма, на которую он дал ответ: выразил благодарность за приятное известие и отметил, что поездка на Амурскую землю ему очень понравилась.

*Здание Алексеевской
женской гимназии
на улице Иркутской (Горького)*

Однако сооружение Алексеевской женской гимназии (сейчас здание 4 школы и Алексеевской гимназии) затянулось до 1911 г. Создаваемое в стиле классицизма, здание было оборудовано новейшими современными технологиями. Здесь было не только водяное отопление, но и приточная вентиляция с воздушным фильтром и увлажнением воздуха, водяное отопление, водопровод, канализация с биологическим фильтром «Шамбо». Над этими чудесами архитектуры работала техническая контора ТД «Кунст и Альберс». Архитектурный надзор за строительством осуществлял гражданский инженер А.Н. Станкевич.

Наиболее парадно выглядела средняя часть здания. Здание трёхэтажное, кирпичное, было расчленено выступающими осевым и двумя фланговыми ризалитами. Ось симметрии подчёркивалась куполом над центральным ризалитом. Сейчас это здание – памятник архитектуры, охраняется государством (ул. Горького, 153).

Первый учебный год в новом здании гимназии начался в 1910 г. Гимназия имела прекрасно оборудованные кабинеты физики и биологии, богатую библиотеку. Мебель красного дерева была заказана в Германии. Но окончательно гимназия была достроена в 1912 г.

Здание было рассчитано на 600 учениц и 100 пансионеров. В 1913 г. в гимназии обучалось уже 780 учениц.

На заседании думы по поводу 25-летнего юбилея гимназии городской голова отметил, что «гимназия является одним из старейших рассадников женского образования на нашей окраине и за своё двадцатипятилетнее существование она дала краю на всех доступных женщине поприщах много культурных работниц, среди которых многие получили высшее образование. В особенности приходится отметить громадную роль учившихся в гимназии в деле народного образования в городе, так как кадры учителей главным образом состоят из местных гимназисток».

Бывший ученик этой школы, учившийся в этой школе уже в 50-е гг., Валерий Иванович Разгоняев, скульптор, художник, писатель, член Союза российских писателей (тогда он был ещё двенадцатилетним мальчишкой), вспоминает: «В конце 1950-х гг., а точнее, в 1957–58 гг., хорошо помню, что, через всю школу, в левом крыле, был чёрный вход (выход). Лестница от этого входа вела вниз, на первый этаж. А наверху, здесь же, была небольшая площадка, ведущая на чердак. Чердак венчала металлическая дверь с висячим замком. По школе ходили слухи, что там спрятаны старинные школьные сокровища.

*Преподаватели Алексеевской
женской гимназии. 1913 г.*

Позднее мы узнали, что здесь хранились экспонаты, приборы. Любопытные дети потихоньку к этому замку подбирали ключи в течение целого года. Один ключ всё же удалось подобрать. Помещение было под крышей по правому крылу, а это была лицевая часть школы. От стены над входом был пробит лаз. Ученики добрались до закругления на крыше, а дальше стена была замурована. Дети понемногу расшатывали и разбирали этот кирпич; потом они обнаружили фигурки апостолов тончайшей работы; это были остатки церковной утвари из домового церкви (высота каждой фигурки – 70 см.). Фигурки были сделаны из тонкого белого гипса. Особенно запомнился Апостол Пётр, в

одной руке у него была книга, а в другой – ключ. Нашли также школьные документы, аттестаты, визитки титулованных особ. Перед выходом из школы был устроен кирпичный тамбур, именно там хранились старинные карты. Но самым неожиданным открытием для нас была дореволюционная карта Российской империи, в которую тогда входила часть Польши, и вся Финляндия, (карта была на двух языках – немецком и русском). Здесь же были плакаты на деревянных кронштейнах, а также экспонаты, приборы, глобусы. Часто мы изучали книги, расположенные в библиотеке на первом этаже, в которой было 2 зала, но библиотека всегда была закрыта. Я хорошо помню, что это была уникальная библиотека: книги Пушкина, Байрона, Толстого. Они были в сафьяновых переплётах, в книгах был рельеф, вместо иллюстраций были наложены металлические рельефы с изображением сцен из книг. Видимо, кто-то из богатых людей ещё до революции школе сделал такой щедрый подарок. (Да,

были сомнительные эпизоды истории, о которых советским детям знать было не положено, поэтому и оказались они под замком). О находке ученики сообщили любимому учителю Михаилу Панкратовичу Матяшу, преподавателю труда и ИЗО, позднее он какое-то время работал в художественном училище. Все эти находки он потом долгое время хранил в своём кабинете, кое-что реставрировал, использовал в качестве учебных пособий.

Кабинет физики

Особенно красивым был кабинет естествознания, здесь располагались стеклянные стеллажи, экспонаты. Хорошо запомнилась голова рыбы-пиры (передана в качестве экспоната в Амурский областной краеведческий музей). Здесь же был небольшой бассейн, в нём была вода и плавали экзотические рыбы. Тогда аквариумов ни в одной школе ещё не было. В кабинете в специальных горшках росли экзотические растения, кактусы.

Но самым замечательным был кабинет физики. Здесь удобно располагались ученические столы, внизу в аудитории находился огромный стол, а большая доска переворачивалась и поднималась вверх, из пуленепробиваемого стекла был сделан экран. В другой аудитории была сделана узкоколейная железная дорога, по которой можно было всё подвезти для опытов на маленькой вагонетке. В кабинете физики был киноаппарат, здесь же обучали школьных киномехаников. Мы, ученики, часто просматривали старинные немые фильмы с юмористическим содержанием, особенно нравились роли в исполнении Чарли Чаплина.

Запомнился огромный глобус звёздного неба, где была изображена галактика: звёзды, созвездия, а огромная телескопическая труба стояла в одном из кабинетов верхнего этажа. При школе в левом крыле была большая столовая. С центрального входа под лестницей стоял двухсотведёрный самовар с тульскими печатями. За городом была небольшая ферма, на которой выращивались картофель, капуста, морковь и другие овощи, что служило хорошим подспорьем в питании детей. Обеды в школьной столовой были очень дешёвыми.

При школе была огромная оранжерея, во дворе школы был гараж, где обучали в кружке автолюбителей. На небольшой машине дети обучались искусству вождения автомобиля».

Гимнастика

Уже в конце 1950-х гг., когда дореволюционные издания, книги из Алексеевской гимназии уничтожались и вывозились, будучи тогда совсем юной девочкой, ученицей этой школы, Луиза Александровна Ступникова, позднее – преподаватель педагогического института, пыталась спасти книги, взяла несколько штук, но это увидел очень строгий дядя: «Ты что, девочка, положи их на место, может быть, ты хочешь, чтобы за твоими родителями «чёрный воронок» приехал?»

В первые годы существования гимназии в ней было всего 8 классов и два подготовительных: младший и старший. Ученицы 8 класса проходили специальную педагогическую

*Гимназистки с преподавателем
П.П. Малышевым. 1910-е гг.*

подготовку. По окончании гимназии выдавался документ с правом работать учителем начальных классов, но чтобы получить аттестат зрелости, нужно было при мужской гимназии сдать экзамены по физике и химии.

После реорганизации всей системы народного образования в школе стали обучаться и мальчики, и девочки, так как на базе Алексеевской женской гимназии была создана школа 2-й ступени, её первым директором был назначен В.И. Боголюбов.

Школа относилась к одному из самых привилегированных учебных заведений города. Ученица тех лет Елена Павловна Готрид вспоминала: «В школе было несколько кружков: драматический, ИЗО, литературный, астрономический, эсперанто. Я работала почти во всех кружках: такая была жадность к деятельности. Но самый любимый кружок ИЗО, им руководил учитель рисования Лушников. Рисовали портреты, для драматического кружка делали декорации – а они были очень сложные (например, к пьесе «Царская невеста»). В школе часто бывали вечера, концерты, спектакли».

В 1923 г. школе было присвоено имя М.И. Калинина в связи с его приездом в Благовещенск. В 1923 г. ученик этой школы Семен Яценко вспоминал: «В школе был организован хор (40 человек), им руководил Алексей Алейников, был и драматический кружок, который вёл Павел Сверкунов, работал кружок ИЗО под руководством Федора Семёнова».

Из воспоминаний Константина Павловича Стрлжалковского можно узнать, что в 1924 г. в школе начал выпускаться журнал «Гусляр», где помещались стихи, рассказы, очерки учащихся. Сам Костя был руководителем драматического кружка, ему помогала его мама – артистка-любительница. Ставили пьесы А.П. Чехова. Инсценировали басни И.А. Крылова. В школе существовала касса взаимопомощи, фонд которой пополнялся за счёт платных спектаклей.

*Ученики 4-й школы им. Калинина
со своей учительницей*

С 1934 г. школа становится средней десятилетней школой № 4, первый выпуск 10 класса состоялся в 1935 г. В 30-е годы здесь укрепляются уже новые традиции.

Любимым детищем тех лет является живая газета – агитбригада «Комсомолец». Модным стало исполнять литературно-художественные монтажи, пляски, сатирические частушки на тему школьной жизни. В эти годы преподаватель Надежда Владимировна Ершова организует литературный кружок, издаёт рукописный журнал «Гусляр».

Вера Жакова стала писательницей, переписывалась с Максимом Горьким; Анна Георгиевна Иванова – кандидатом филологических наук, преподавателем Ленинградского государственного университета, автором многих монографий, учёным с мировым именем; Ирина Васильевна Алексеева – кандидатом филологических наук, одним из ведущих исследователей жизни и творчества Сергея Есенина; Юрий Петрович Залысин – известным журналистом; Крякина Надежда Петровна – директором школы № 5 города Благовещенска. Перечень «именитых» учеников Надежды Владимировны можно было бы продолжить. Очень многие из них стали литераторами, журналистами, учителями. И память об учителе оживает в их рассказах (*Н.В. Ершова до своего ухода на пенсию в 1949 г. преподавала русский язык и литературу, ставила спектакли в школьном театре. Её трудовая деятельность отмечена наградами: «Заслуженный учитель школы РСФСР», кавалер Ордена Трудового Красного Знамени – О.О.*).

Самым запоминающимся днём в конце 1930-х стал день 18 марта 1939 г. Школьному драматическому кружку, которым руководил в это время артист театра Валентин Григорьевич Онищенко, было предоставлено право выступать на сцене Амурского театра драмы. Была поставлена комедия Дениса Ивановича Фонвизина «Недоросль». Вот запись из дневника Иванова Владимира Георгиевича (*кандидат педагогических наук, заведовал в Ленинградском университете кафедрой этики и эстетики – О.О.*): «Пьеса шла великолепно. Ни одного срыва, ни одной подсказки. Весело, живо. Уверенные, выходим на сцену, произносим роль, держимся совершенно свободно. Это не игра, это отдых. Громадная сцена. На ней свободно. Павленко, директор школы, преподаватель географии; Римма Андреевна Семёнова – преподаватель истории, бессменный комсорг, парторг школы, а позже – создатель школьного музея) – все довольны. А мы – мы на седьмом небе. Чистая выручка – 1000 рублей – на кружок, 75 рублей – нам...».

Лилия Соломина, учившаяся в школе с 1933 по 1943 г., вспоминала: «В школе работал драматический кружок, нас учили музыке, пению, танцам. Школа имела ансамбль песни и пляски, всегда участвовали в художественной самодеятельности, школьной, областной и городской олимпиадах...».

Учителя школы № 4 им. М.И. Калинина.
Начало 1940-х гг.
Во втором ряду первые справа -
Н.В. Ершова и Р.А. Семенова

В 1943–1953 гг. в связи с различными образовательными реформами школа была женской.

В грозные сороковые годы многие ученики школы прямо со школьной скамьи ушли на фронт. Весь выпускной класс 1941 года. Ещё 21 июня девушки и парни делились планами на будущее. Впереди их должна была ждать большая и счастливая жизнь. По традиции пошли встречать рассвет. Долго гуляли по берегу Амура. Вспоминает Римма Андреевна Семёнова, в то время ещё совсем молодая учительница: «Встречали солнце, пели песни, в том числе, и знаменитую в то время песню «Если завтра война, если

завтра в поход»... Наступило яркое солнечное утро. Мы пели, не зная, что война уже началась, что фашистские изверги бомбят наши города и села...».

На следующий день весь выпускной класс пришёл в военкомат. Многие попросились на фронт, хотя были и такие, которым ещё не исполнилось 18. Их военная судьба складывалась по-разному. Одноклассников разбросало по фронтам. Но в далёкий Благовещенск шли письма – солдатские треугольники – ребята писали письма в родную школу. Их письма с фронта потом станут самыми ценными экспонатами школьного музея, а сама Римма Андреевна – главной хранительницей памяти о военных подвигах бывших учеников.

На территории благовещенской школы № 4 среди сосен стоит обелиск. На нём высечены имена выпускников школы, погибших в Великую Отечественную войну. Их 28 – столько имён удалось установить. Этот памятник на заработанные собственными руками средства воздвигли выпускники 1977 года.

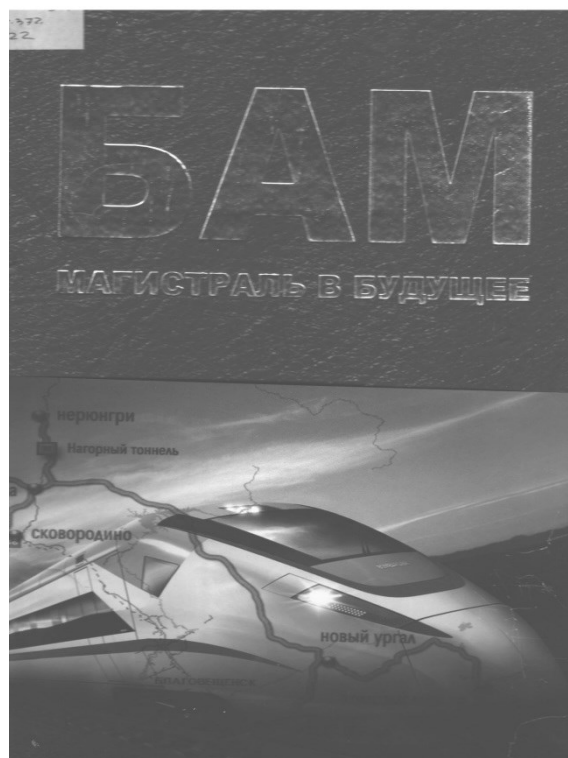
Особенно трепетно хранит историю школы, историю Алексеевской гимназии школьный музей, совершенно особое явление школьной жизни, бессменным руководителем которого вот уже который год является Ирина Рифовна Алямкина, учитель начальных классов. Это заинтересованный, увлечённый, преданный своему делу педагог (*Автор хотела бы поблагодарить Алямкину Ирину Рифовну за предоставленную ею информацию – О.О.*).

Добрые школьные традиции продолжают жить. И пока музей существует, история школы продолжается, а новые поколения учеников впишут в него свои новые, неизвестные страницы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, Р. С. Краткая история Амурского казачьего войска / Р. С. Иванов. – Благовещенск, 1912. – С. 152.
2. История Благовещенска, 1856–1917 : [в 2 т.]. Т. 1 / [отв. ред. А. В. Телюк ; редкол.: В. Н. Абеленцев и др.]. – Благовещенск-на-Амуре : Амур. ярмарка, 2009. – С. 245–246 ; 263–266.
3. Летопись Амурской области : хроника событий с древнейших времён до окт. 1917 г. : т. 1. – Благовещенск : ГААО, 1998.
4. Обзор Амурской области, 1889. – Благовещенск, 1901. – С. 4 ; 33.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Том XLIX. Отделение второе. – Санкт-Петербург, 1876. – С. 311–312.
6. Холкина, Т. А. Архитектурное наследие Благовещенска / Т. А. Холкина, Л. А. Чаюн. – Благовещенск : Амур. ярмарка, 2006. – С. 55–56.

*Книга выпущена ООО «Издательство «Благовещенск. Дальний Восток»
к 40-летию юбилею с начала строительства Байкало-Амурской магистрали.*

Авторский коллектив книги предлагает вспомнить историю от маршрутов отрядов первых землепроходцев и организованных экспедиций до наших дней. И уважая историю, посмотреть в будущее. Потому что сегодняшний день БАМа – завтрашний день страны. Понимание этого было и тогда, когда магистраль строилась, есть оно и сейчас, когда потерянное к магистрали внимание вернулось. И очередной юбилей БАМа – это напоминание о том, что Восточная Сибирь и Дальний Восток всё ещё ждут своего часа. Ждут, когда придёт время освоения необъятных просторов и несметных природных богатств. Ради этого на эту землю сотни лет назад пришли наши предки.

*И сегодня всё громче звучат голоса о необходимости продолжения строительства
Байкало-Амурской магистрали.*

45 лет с начала строительства БАМа

Н.П. Полетаева,
хранитель музейных предметов
Музея истории БАМа, г. Тында

**БАМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯ
КАРТЫ-СХЕМЫ «БАЙКАЛО-АМУРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ»**

Ключевые слова: юбилей БАМа, БАМ (Байкало-Амурская магистраль), Главбамстрой, музей истории БАМа, выставка, планшетная карта-схема.

В статье рассказывается о выдающемся музейном предмете – планшетной карте-схеме Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, созданной в технике маркетри. История её создания и появления в музее неразрывно связана с историей строительства БАМа и с участниками строительства. Поступила в музей в 2009 г., к 35-летию начала строительства магистрали. В настоящее время она находится, в качестве основного экспоната, в составе выставки, подготовленной к 45-летию БАМа.

В этом году исполняется 45 лет с начала полномасштабного строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 561 от 8.07.1974 г.). Были в истории БАМа разные этапы, в том числе и недо-строй, и хула, и забвение. Но, тем не менее, введены в эксплуатацию несколько дочерних железнодорожных линий и продолжено строительство на северном направлении, осуществлялись грузовые и пассажирские перевозки. И сегодня сбываются слова главного инженера БАМ Л.Г. Махитарова: «БАМ снова станет гордостью страны и вечным достоянием державы!» [5]. БАМ востребован, БАМ работает. В 2014 году было уложено «серебряное звено» на строительстве вторых путей главного широтного хода БАМа. В рабочем порядке – участками – не прерывая движения по магистрали, строительство продолжается.

Музей истории БАМа был создан по решению исполкома Амурского областного Совета депутатов трудящихся в 1976 году с целью обобщения трудового подвига строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали и организации патриотического воспитания трудящихся и подрастающего поколения. На сегодняшний день он единственный среди подобных музеев отражает историю БАМа во времени (начиная с 30-х гг. XX века) и в пространстве (от Тайшета до Советской Гавани). В музейных фондах и экспозициях представлено множество подлинных свидетельств строительства и эксплуатации магистрали.

Одно из таких свидетельств – планшетная карта-схема транспортной системы Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Общий вид планшетной карты-схемы

Размер карты-схемы – 130х448 см. Выполнена в технике маркетри из шпона разных пород дерева. Основа – древесно-стружечная плита (ДСП) толщиной 2 см. Цветовая гамма – различные оттенки коричневого цвета. Карта-схема состоит из восьми вертикальных элементов, соединённых между собой в процессе монтажа. На схеме изображена вся магистраль – от ст. Тайшет, точки отхода от Транссиба, до Советской Гавани. Показаны железнодорожные линии БАМ – Тында и, частично, Тында – Беркакит, Известковая – Ургал, Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре. Обо-

значены административные образования, по территории которых прошла магистраль. Это Иркутская, Читинская, Амурская области, Бурятская и Якутская АССР, Хабаровский край. На самой трассе отмечены основные станции и города. Вся лицевая поверхность покрыта бесцветным лаком.

В 160-летней истории Амурской области строительство БАМа – одно из самых выдающихся событий: по её территории проходит более тысячи километров только главного пути! И в 30-е, и в 70-е годы прошлого века строительство магистрали начиналось именно на территории нашей области. Центр БАМа, точка его пересечения с меридиональной линией на Якутию, был запроектирован на ст. Тында, а город Тында (до 1975 г. – посёлок Тындинский) при строительстве был наделён статусом столицы БАМа.

В Тынде находилось главное управление строительства – ГлавБАМстрой. Решение перевести сюда главк из Москвы в 1975 году было беспрецедентным, первым в истории транспортного строительства в стране. Обычно главки находились в столицах. Как показало время, такое решение имело важнейшее положительное значение и для музея истории БАМа: множество ценных исторических материалов из ГлавБАМстроя имеются в музейном фонде, в том числе и планшетная карта-схема БАМа. Сначала ГлавБАМстрой находился в деревянном сборно-щитовом здании (возле типографии), затем в капитальном – на ул. Амурской, 12. Начальником ГлавБАМстроя был назначен заместитель министра транспортного строительства, кандидат технических наук, опытный специалист и руководитель К.В. Мохортов. В его кабинете и находилась планшетная схема БАМа.

Задание на изготовление схемы БАМа было выдано в 1982 году отделом информации ГлавБАМстроя. Она была крайне необходима для демонстрации и наглядности при проведении совещаний по строительству, при посещениях многочисленных делегаций и специалистов, для представления о географическом положении и масштабности стройки. Разработка эскиза и создание схемы было поручено сотрудникам специального конструкторско-технологического бюро ГлавБАМстроя Б.В. Слободюку и В.А. Попову (оба уроженцы Амурской области – из п. Соловьёвска и г. Райчихинска).

Б.В. Слободюк – руководитель группы технологического отдела СКТБ, главный инженер проектов, и В.А. Попов – старший инженер технологического отдела

здании, затем в капитальном – на ул. Амурской. Все совещания по строительству и сдаче участков БАМа в эксплуатацию проводились уже на её фоне: карта-схема занимала всю торцевую стену кабинета и была видна всем присутствующим.

На своем историческом месте (г. Тында, ул. Амурская, 12, второй этаж, кабинет №214) карта-схема находилась до 31 января 2008 г. К.В. Мохортов за годы работы начальником ГлавБАМстроя (с 1974 по 1986 г.) внёс огромный вклад в строительство магистрали века, базы стройиндустрии, развитие города. Он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, избран почётным гражданином г. Тынды, в его честь половина улицы Амурской, на которой находится здание ГлавБАМстроя, переименована в улицу Мохортова, на железнодорожной линии Бамовская – Тында его именем назван разъезд, к 100-летию со дня рождения учреждена медаль.

*Константин
Владимирович
Мохортов*

С 1986 г. ГлавБАМстрой, а затем ППСО «БАМтрансстрой», возглавлял Е.В. Басин – заместитель К.В. Мохортова. Задачей «БАМтрансстроя» стало проведение всего цикла работ по строительству транспортных, промышленных и гражданских объектов, в т. ч. и на территории Амурской области. Карта-схема по-прежнему была востребована, по-прежнему выполняла своё предназначение. Под руководством Е.В. Басина в 1989 г. Байкало-Амурская железнодорожная магистраль была сдана в постоянную эксплуатацию на всём протяжении (с постоянным Северомуйским обходом) [4].

Создатели карты Б.В. Слободюк и В.А. Попов, кроме основной производственной деятельности занимались оформлением праздничных колонн ГлавБАМстроя, митингов по поводу значимых событий, разработкой эскизов и изготовлением значков, сувенирных изделий и многого другого. Привлекали их и для оформления сцен некоторых фестивалей гитарной песни. В связи с этим произошёл интересный

случай на фестивале в 1987 году. Для сцены изготовили конструкцию в виде «крыльев Икара» из ткани и деревянных реек. К месту установки её несли на руках: сотрудники ГАИ перекрыли движение и обеспечили сопровождение. «Крылья» благополучно доставили и установили, а когда концерт закончился, и спускали флаг фестиваля, от сильного порыва ветра крылья сложились и упали на сцену. Зрители посчитали, что так должно быть по сценарию и долго аплодировали такой эффектной концовке.

Е.В. Басин проводит совещание

*Заключительный концерт фестиваля
гитарной песни на БАМе
Тында. 1987 год*

В выставочном зале

В 2007–2008 гг. в кабинете начальника ГлавБАМ-строя располагалась исполнительный директор ООО «Амуртраст» Т.П. Вашкевич. С её помощью, в январе 2008 г., наряду с другими важными материалами, карта-схема БАМа была передана в музей как предмет особой исторической важности, хотя поступали предложения «со стороны» выкупить её за серьезные деньги. Большое содействие в осуществлении передачи карты-схемы из ОАО «БАМстрой», в собственности которого она в то время находилась, в музей оказали В.М. Рыбакова, бывший руководитель курсов повышения квалификации для ИТР в ГлавБАМстрое, Т.П. Вашкевич, работавшая в 1980-е гг. в главке, А.И. Кайнов, начальник дистанции связи. Погрузо-разгрузочные работы и транспортировку габаритного груза провёл участник строительства и эксплуатации БАМа, его железнодорожных линий Улак – Эльга и Томмот – Якутск, а в то время рабочий музея БАМа В.М. Мазур. Он же смонтировал карту-схему в музее как раз к открытию масштабной исторической выставки, посвящённой 35-летию БАМа.

С тех пор уникальная карта-схема БАМа занимает почётное место в главном выставочном зале. Все выставки в этом зале проходят на фоне карты-схемы, как в годы строительства магистрали проходили производственные совещания в кабинете директора ГлавБАМ-строя. Теперь карта-схема служит ещё и основой для размещения дополнительной информации и вспомогательных экспозиционных материалов на тематических исторических выставках – их размещают на схеме с помощью съёмных элементов.

Экскурсии в музее БАМа начинаются у карты-схемы: именно здесь можно увидеть всю транспортную систему воплощённого проекта.

Создатели карты в Выставочном зале музея истории БАМа

Сегодня карта-схема уже не даёт полного представления обо всей транспортной системе: на ней нет построенных в 1990–2000-е годы железнодорожных линии Чара – Чина – Карьерная, Улак – Эльга, Томмот – Нижний Бестях, основой для которых стал главный широтный ход БАМа. Нет на карте-схеме информации о начале строительства новых тоннелей и мостов, расширении развязок и станций, строительстве вторых путей и многом другом.

Наверное, настало время выдать создателям исторической схемы Б.В. Слободюку и В.А. Попову новое задание – изготовить ещё одну подробную масштабную, но современную схему с уже построенными и перспективными железнодорожными линиями на Магадан, Чукотку, к месту строительства моста или тоннеля на Сахалин. Оба мастера в настоящее время живут и трудятся в Тынде, всегда являются желанными и почётными гостями музейных мероприятий, оказывают ценную консультационную помощь, участвуют в проектах, передают материалы из личных архивов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания Б.В. Слободюка и В.А. Попова (личные беседы).
2. Воспоминания В.М. Рыбаковой (личные беседы).
3. Научный паспорт на планшет-схему. Утверждён на заседании ЭФЭК МБУК «Музей истории Байкало-Амурской магистрали» г. Тынды Амурской области, протокол №9 от 04.08. 2014 г.
4. Байкало-Амурская железнодорожная магистраль : техн. отчет об изысканиях, проектировании и стр-ве : в 2 т. Т. 2. Летопись стройки 1967–1989 гг. / гл. ред. В. А. Брежнев. – Москва : Трансстрой, 1993. – 390 с.
5. Цветы багульника : сб. стихов о БАМе / сост. В. Гузий. – Новосибирск, 2004. – 360с.

Навстречу 75-летию окончания Второй мировой войны

С.М. Сахончик,
председатель Амурского филиала Военно-
научного общества при культурном центре
Министерства обороны РФ,
член Союза писателей России

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЧАЛ ГВАРДЕЙСКОГО КОРАБЛЯ

Ключевые слова: бронекатер, Великая Отечественная война, память, реставрация, памятник, бюрократические препоны.

В этом очерке описана незавидная судьба единственного на сегодняшний день сохранившегося в удовлетворительном состоянии бронекатера проекта 1124, активно участвовавшего в боях Великой Отечественной войны. Уже много лет, вместо того, чтобы достойно завершить свой боевой путь в качестве памятника, он затоплен на дне протоки р. Зеи, где может бесславно исчезнуть, превратившись в груды ржавого металла. Этой статьёй мы намерены, в преддверии 75-летия Победы, привлечь внимание общественности к этой проблеме.

Развернувшаяся в преддверии 75-летия окончания Великой Отечественной войны кампания по увековечиванию памяти защитников Родины не может не радовать. Многочисленные поисковые отряды проводят раскопки на полях былых сражений, находят и бережно извлекают из небытия останки павших бойцов, их оружие и документы, различные артефакты солдатского быта тех времён, устанавливая имена и фамилии.

На дне болот и озёр находят и с большими усилиями извлекают на поверхность образцы боевой техники, бережно восстанавливая её, порой из груды обломков. Встают «на крыло» утерянные, казалось навсегда, легендарные штурмовики Ил-2, истребители МиГ-3, И-16, И-153, Як-9, вновь в российском небе разносится забытый рокот их моторов.

Грохочут по мостовым на парадах знаменитые Т-34, ИС-2, самоходки Су-100, ленд-лизовские «Шерманы» и «Гранты», извлечённые водолазами Северного флота из трюмов затонувших американских транспортов.

9 мая 2019 года танк Т-34 «Боевая подруга», восстановленный ремонтниками ДВОКУ, прошёл своим ходом на параде в г. Благовещенске, вызывая восхищение жителей и слезы ветеранов. Отреставрированный руками курсантов ДВОКУ артиллерийский полукапонир, некогда огнём своих орудий подавлявший японские огневые точки на другом берегу Амура, превратился в популярный музей, место паломничества горожан.

Благовещенские реконструкторы на праздниках поражают зрителей достоверными сценами из военной жизни, образцами оружия и обмундирования той грозной эпохи.

Во многих городах России на постаментах и музейных площадках навечно застыли танки, самоходки, артиллерийские орудия и боевые корабли, напоминая потомкам о Победе, давшейся нашему народу такой дорогой ценой.

Не обойдены вниманием и подводные лодки, «морские охотники» и бронекатера, вознесённые на берег и ставшие памятниками доблести и личного героизма советских моряков. Так «речные танки» (бронекатера проекта 1124 и 1125) стоят на постаментах в Ейске, Волгограде, Хабаровске, Москве, Перми, Благовещенске и в нескольких городах Украины и Белоруссии.

Эти небольшие корабли, вооружённые танковыми пушками, крупнокалиберными пулеметами и ракетными установками, прошли всю войну, начиная с Припяти, Днепра и Волги, и закончив её на Дунае и Шпрее, вплотную подойдя к рейхстагу.

Немало славных подвигов на счету моряков этих кораблей – бои с немецкими и финскими катерами, высадки разведгрупп и огневая поддержка десантов, захваты мостов и уничтожение речных переправ, баз горючего, сопровождение конвоев кораблей и судов. Благодаря малой осадке бронекатера подходили вплотную к берегу и вели огонь фактически в упор. В боях погибло и пропало без вести немало катеров и моряков.

Поисковыми отрядами найдены, подняты со дна и восстановлены несколько бронекатеров этого типа. Один, разбитый на куски немецкой авиабомбой, обнаружен на дне в месте строительства Керченского моста, поднят и реставрируется.

Другой, БК-31, героически погибший в неравном бою с немецкой артиллерией 9 октября 1942 года вместе с экипажем, в ноябре 2017 года был поднят со дна реки Волги в районе острова Голодный.

Разбитый корпус осторожно подняли по частям, останки экипажа торжественно перезахоронили, сам катер после восстановительного ремонта займет место в специально построенном стеклянном павильоне в Волгограде в качестве ещё одного памятника морякам Волжской флотилии. Один из сохранившихся бронекатеров проекта 1125, бережно поддерживаемый в рабочем состоянии, ходит летом по реке Волге в качестве плавучего музея Волжской военной флотилии.

Бронекатера Амурской военной флотилии тоже внесли свой достойный вклад в победу над Японией в 1945 г. Подавление вражеских огневых точек в местах высадки десантов, бои с японскими бронекатерами и канонерками на Сунгари и озере Ханка, высадка разведгрупп и десантов морской пехоты – вот лишь некоторые эпизоды боевой работы катерников.

Два бронекатера проекта 1125 установлены на постаменты на амурских набережных в городах Хабаровске (бортовой номер 302) и Благовещенске (бортовой номер 905), достойно представляя боевую доблесть амурских моряков.

На фоне успешной работы российских поисковиков и реставраторов, по кусочкам собирающих и восстанавливающих образцы боевой техники Великой Отечественной войны абсолютным диссонансом выглядит вялотекущая история с бронекатером проекта

1124 (бортовой номер 947), участвовавшим в боях на Азовском море, Ясско-Кишиневской, Белградской, Будапештской и Венской наступательных операциях в составе Дунайской военной флотилии. Корабль имел многочисленные боевые повреждения и потери в экипаже. После войны бронекатер до 60-х годов стоял на консервации, затем (в связи с обострением обстановки на Дальнем Востоке) был переброшен по железной дороге в Хабаровск, затем своим ходом перешёл в Благовещенск, где вошёл в состав 74-й бригады речных артиллерийских катеров, базировавшихся в Бурхановском затоне. После перевооружения бригады на «Шмели», в 1973 г. катер передан флотилии клуба юных моряков в г. Свободный. По техническому состоянию он был списан и чудом спасён от сдачи на металлолом фермером Евгением Васильевичем Бибиковым, в прошлом речным капитаном, человеком неравнодушным к истории флота.

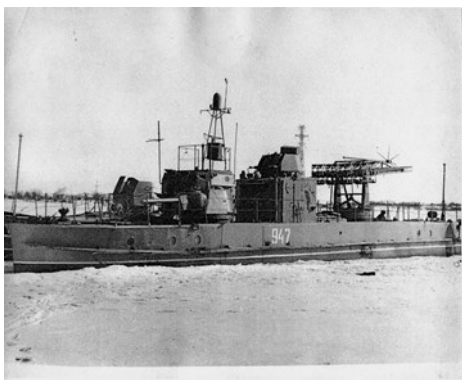
Этот славный корабль с боевым прошлым, последний сохранившийся бронекатер проекта 1124 – участник Великой Отечественной войны, с 2013 года мирно покоится на дне Бибиковской протоки р. Зея, без орудийной башни и ракетной установки, постепенно вращаясь в илистое дно. Ракетная установка (по слухам) установлена в китайском городе Цзямусы, как памятник героизму советских моряков.

Несмотря на неоднократные просьбы Е.В. Бибикова, обращения к Президенту РФ, Министру обороны РФ, прежним губернаторам Амурской области – воз и ныне там. Самое интересное в том, что все заинтересованные организации абсолютно не против того, чтобы поднятый со дна и отреставрированный бронекатер занял достойное место на постаменте в качестве памятника.

Даже место подходящее было найдено – набережная Амура в селе Константиновка, откуда в 1945 г. проводилась переправа советских войск. Определена и цена вопроса – шесть миллионов рублей (а есть ли цена у памяти?). Есть и другие варианты – набережная реки Зея в городе Свободный, на полигоне ДВОКУ в парке «Патриот», в городском парке Благовещенска.

Заинтересовались «бесхозным» бронекатером и представители Тихоокеанского флота, было предложение поставить его на набережной Александра III во Владивостоке, либо в парке «Патриот» на Русском острове. Вопрос о судьбе катера неоднократно поднимался в центральных и местных СМИ. Имеется и обширная переписка между инстанциями, начиная от Министерства обороны РФ.

Энтузиастами-краеоведами В.Р. Чепелевым и В.Г. Нестеровым по документам Военно-морского архива г. Гатчины восстановлен боевой путь корабля, фамилии его командиров, названия частей, где он проходил службу. Они сделали всё, что могли.... Но для подъёма и реставрации заслуженного корабля их сил и возможностей явно не хватит*.

9 мая 2020 года в 10 часов утра по всей стране пройдут торжественным маршем воины Российской армии, прогремят по брусчатке Красной площади гусеницы возрождённых танков великой войны, пролетят восстановленные легендарные штурмовики и истребители. Пройдёт многомиллионный «Бессмертный полк» – живая память поколений, вечернее небо озарят огни салютов. Станут на морях и реках российские боевые корабли в праздничных огнях и флагах

расцветивания. На нижней террасе реки Волги торжественно и в срок откроется музей для отреставрированного бронекатера БК-31.

И только БК № 947, последний в России гвардейский бронекатер со славным боевым прошлым, будет тихо ржаветь на дне протоки, как немой укор потомкам, погрязнувшим в бюрократических отписках.

ПРИМЕЧАНИЯ

****Справка о боевом пути БКА-336 (по данным ЦВМА г. Гатчина).***

Корабль был заложен в Астрахани в 1942г. на заводе № 638, спущен на воду в конце 1943 г. 24.02.1944 г. вошёл в состав Азовской военной флотилии Черноморского флота. Участвовал в высадке десанта в районе мыса Тарханкут и разведывательных рейдах. 13.04.1944 г. перечислен в состав Дунайской военной флотилии, где участвовал в Ясско-Кишиневской (20.08.1944–29.08.1944), Белградской (28.09.1944–20.10.1944), Будапештской (29.10.1944–13.02.1945) и Венской (16.03.1945–15.04.1945) наступательных операциях.

Катер входил в состав 1-го гвардейского Белградского дивизиона бронекатеров 1-й Краснознаменной Керченско-Венской бригады речных кораблей Краснознамённой Дунайской военной флотилии. В сентябре 1944 г. катер под командованием гв. ст. лейтенанта Н.М. Макарова принимал участие в боях на подступах к Белграду, высаживал десантников в порты Радуевац, Прахово и Смедерево.

В районе Вуковара, во время огневой поддержки советских и югославских частей, прорывающих оборону гитлеровцев, БКА-336 получил повреждения корпуса и мотора, после чего был поставлен на капитальный ремонт. В послевоенные годы БКА-336 оставался в составе Дунайской военной флотилии, затем в составе 327 дивизиона кораблей резерва 116-й бригады тральщиков Черноморского флота. Оттуда и был переведён на Дальний Восток, включён в состав 49-й Краснознаменной дивизии речных кораблей Тихоокеанского флота под бортовым номером 947.

КНИГА ИЗ КРАЕВЕДЧЕСКОГО КАТАЛОГА

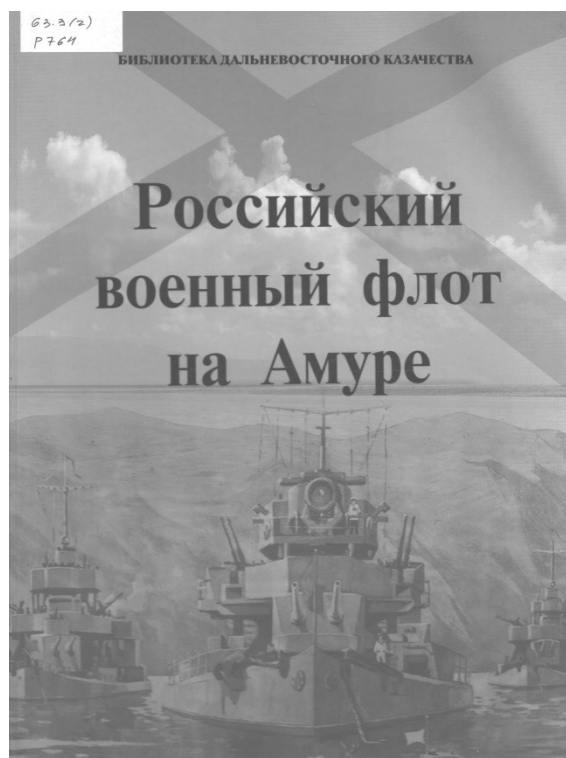
110-летию Амурской военной флотилии посвящается.

Издана в серии «Библиотека дальневосточного казачества» (г. Хабаровск).

Автор проекта В.В. Крюков, член-корреспондент РАЕН,

Почётный атаман Амурского казачьего войска.

Составители: В.В. Крюков, А.П. Врублевский

В исторических очерках представлена более чем трёхсотпятидесятилетняя эпопея становления российского военного флота на Амуре: от первых сплавов казачьих боевых стругов до создания Амурской военной речной флотилии, в задачи которой входила охрана российской государственной границы по Амуру и Уссури. Флотилия пресекала военные провокации на границе, а также участвовала в Гражданской и двух Мировых войнах. Впоследствии флотилия на Амуре получила звание Краснознамённой Амурской флотилии.

Книга содержит описание боевых действий, состава военного флота, в ней даны примеры подлинного героизма службы на благо Отечества выдающихся государственных деятелей и моряков-амурцев.

В книге представлен богатый иллюстративный материал.

Отдельный раздел отражает историю Краснознамённой Амурской флотилии в фотографиях.

С.М. Лапин,
педагог-организатор Амурского кадетского корпуса

ВОСПОМИНАНИЯ МАЛЬЧИШКИ С УЛИЦЫ КРАСНОФЛОТСКОЙ

Август 2018 года. Красавица новенькая набережная реки Амур в городе Благовещенске. На рейде, всего в двухстах метрах от меня, сторожевой корабль «Береговой охраны».

На траверзе корабля «Дом Советов», так раньше называлось административное здание на площади Ленина, верхний этаж которого всегда напоминал мне ходовую рубку океанского лайнера, с балконами, напоминающими ходовой мостик. В этом здании сейчас размещается Администрация Амурской области.

Внимательно рассматриваю корпус и надстройку «корабля». Отлично видны все элементы конструкции корпуса, носовое орудие в танковой башне, две шестиствольные артиллерийские установки, множество антенн, судовые помещения. Но что-то, на мой взгляд, не то с корабельной архитектурой. Как то всё нагромождено. Надстройка доминирует над корпусом, нет в силуэте корабля ни намека на скорость и мореходность. В силуэте, на мой взгляд, больше от стоечного судна, дебаркадера или брандвахты. Корабельная архитектура – продукт совмещения боевых задач и особенностей службы корабля и, конечно же, она – дело вкуса. Но ведь и вкус прививается с детства.

Детство. Каким оно было, наше детство пацанов с улицы с гордым названием Краснофлотская, чьи родители были, в большинстве своём, речниками, служили на военном флоте? Большая часть нашего детства прошла на берегу Амура, в речном порту, в затоках, на строящейся в конце шестидесятых годов бетонной набережной, угольном складе, что был в то время на месте нынешней таможни. Мы, пацаны, знали все типы и названия речных судов. Гордились разнообразием и количеством нашего речного флота, по сравнению с китайским. Особое восхищение вызывали быстроходные «Ракеты» на подводных крыльях. Но более всего интересно было наблюдать за нашими военными судами. Глядя на картину художника А. Сахарова «Оборона Благовещенска в 1900 году», на которой изображено самое излюбленное наше место на берегу Амура, там, где улица Чайковского выходит на тогда ещё естественный берег, где изображены траншеи со стрелковой цепью, вспоминается угольный склад с железнодорожной эстакадой, на краю которой

был наш наблюдательный пункт. И как только по Амуру проходил пограничный катер «Аист», а лучше сторожевой бронекатер (*«броняшка», так мы называли тогда артиллерийский корабль «Шмель» проекта 1125 – С.Л.*), на полном ходу нагоняющий на берег крутую волну, то мы неслись к воде нырять в эту волну.

Конечно, низкосидящий, шарового цвета, с компактной надстройкой, классической рубкой, носовым башенным орудием от танка, реактивной установкой и зенитным спаренным пулемётом на корме, бронекатер красиво на полном ходу рассекающий воду и нагоняющий на берег крутую волну, был наилучший, в наших глазах, образец военного речного судна, оптимально сочетающий в себе красоту, мощь, скорость и вооружение. Но броняшки ходили по Амуру редко. Чаще всего сновали туда – сюда «Аисты». Их гул раздавался на весь город и днём и ночью, похлеще того, как сейчас жужжат «Пумы» в ледоход. Кто ж из нас знал, что корпуса «Аистов» обшиты фанерой. Мы даже спорили между собой, пробьёт ли их борт автоматная очередь или нет, будучи уверенными, что они бронированные. Ну а мне однажды даже довелось выиграть этот спор и поднять свой авторитет в глазах сверстников одним своим рассказом о свежих, и, конечно же, секретных событиях с пограничным «Аистом» у острова Сычевский, что на Среднем Амуре, близ села Константиновка.

Рассказ этот я услышал случайно в рубке скоростного теплохода «Ракета» в одном из рейсов из посёлка Поярково в Благовещенск. В посёлке Поярково, где я родился в 1961 году, был крупнейший по грузообороту речной порт на Амуре по перегрузке угля с железнодорожного на водный транспорт. Райчихинский уголь доставляли по Амуру в города Комсомольск и Амурск, где, в том числе, строились военные корабли для Краснознамённой амурской речной флотилии и Краснознамённого Тихоокеанского флота. В порту Поярково на рейде и у причалов всегда было много разнообразного речного флота. Пароходы с колесами по бортам. Их названия я до сих пор помню – «Свободный», «Сучан», «Иман», «Благовещенск». И баржи, баржи, баржи с углём. В деревню к бабушке и дедушке меня часто отвозил отец бесплатно в рубке «Ракеты»! Он работал в благовещенском речном порту и капитаны «Ракет» были его друзья. К дебаркадеру перед посадкой пассажиров подходил пограничный «Аист» и наряд пограничников с полным вооружением проверял перед посадкой документы.

Граница! И ситуация на ней в начале семидесятых годов была очень напряжённая. Конечно же, за время четырёхчасового рейса в ходовой рубке «Ракеты» можно было подслушать много разговоров о происшествиях на реке. Флотские мужики, «пролетаая» Сычевский перекаат, рассказывали вполголоса о происшествии недельной давности на этом месте, когда в результате какого-то инцидента наш «Аист» был обстрелян китайцами, получил пробоины в фанерных бортах, но не затонул. А экипаж вынужден был отстреливаться ракетницами. Это произошло в районе, где в 30–40 годы в результате провокаций со стороны японцев и белоки-тайцев погибли моряки амурской речной военной флотилии. И что захоронены погибшие на берегу Астрахановского затона и деревни Малая Сазанка (в 140 километрах по реке Зея от го-рода Благовещенска). И что могила, и памятник, которые находятся на входе в РЭБ (*ремонтно – эксплуатационная база флота имени Ленина – С.Л.*) и мимо которых мне доводилось не раз пробегать, это могила, где захоронены речники-путейцы, погибшие во время обстрела путей-ского теплохода в тридцатые годы, опять здесь же, на Сычевском перекаате.

Оказывается наш Астрахановский затон, затон, куда приводят плоты с верховьев Зеи, где работает деревообрабатывающий комбинат и хорошо ловятся сомы, историческое место. Место базирования кораблей и катеров Краснознамённой амурской речной флотилии в годы войны! В том числе и оттуда, из Астрахановского затона на рассвете 9 августа 1945 года с кораблей флотилии били корабельные орудия и реактивные системы типа «Катюша» по укрепленным позициям японцев в китайском городе Сахалин и его пригородах в рамках Сахалинской десантной операции Второй мировой войны.

В детстве Краснознамённая амурская речная флотилия ассоциировалась у меня с городом Хабаровском. В районе города Хабаровска и сейчас называемым «База КАФ» жила моя тётушка, старшая сестра отца. Как-то раз она показывала фотографии, где она в морской форме, берете, с причёской тех лет, в послевоенные годы служила на базе КАФ. Как жаль, что я тогда по малолетству не спросил её подробно о том времени. Был так же причастен к деятельности КАФ ещё один мой родственник, дядя Коля, старший брат отца. Он в семидесятые – восьмидесятые работал на судостроительном заводе в Хабаровске, что на Красной речке, начальником отдела. Строил и ремонтировал корабли ТОФ и КАФ, но, естественно, об этом ничего не рассказывал.

В шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые годы сотни выпускников Благовещенского речного училища проходили по окончании училища сорокапятисуточные военные сборы на базе КАФ в Хабаровске, где получали звание старшины второй статьи, воинскую специальность и военный билет.

Работая с 1983 года в Благовещенском речном училище, мне неоднократно доводилось сотрудничать с воинской частью (*74 бригада артиллерийских кораблей ТОФ – С.Л.*), что базировалась в Бурхановском затоне города Благовещенска. Во-первых, в рамках шефских отношений мы регулярно обменивались с моряками поздравлениями с Днём работников речного и морского флота и с Днём Военно-Морского Флота, соответственно. Командуя в восьмидесятых годах курсантской штурманской ротой, мне доводилось водить экскурсии в эту воинскую часть, где на сухом берегу ржавели несколько старых, видимо послевоенной постройки, корпусов сторожевых катеров. Доводилось как-то пригласить команду моряков бурхановского затона для проведения гонки на четырёхвёсельных ялах по реке Зея в районе села Новопетровка, где проводилась шлюпочная практика курсантов. А рядом, на острове Большой, у моряков проходили ежегодные стрельбы.

Вспоминается ещё один момент, связанный с 74 бригадой артиллерийских кораблей ТОФ. Так, в середине семидесятых годов я проходил так называемую стажировку помощником шкипера дебаркадера «Корфово». И в один из летних вечеров по тревоге были выставлены бронекатера вдоль всей границы с интервалом 5–7 километров в районе сёл Красное, Корфово, которые всю ночь несли службу, освещая своими прожекторами береговую линию границы, а на нашем дебаркадере был высажен пограничный наряд с полным вооружением. Эскадра, как потом выяснилось, отрабатывала действия по предотвращению возможного прорыва границы на этом участке. Мои детские впечатления о маневрах моряков были восторженные.

Август 2018 года. Красавица набережная реки Амур в городе Благовещенске. Снизу нарастает гул судовых двигателей. Практически все силуэты и звуки наших и китайских судов определяю издали. Достаточно много времени провожу на набережной. Но этот нарастающий гул незнаком. И вот на фарватере, на таверзе шадринской косы (*гравийная коса у левого берега Амура на протяжении «Золотой мили» – С. Л.*) вырисовывается силуэт судна темно – шаровой окраски, с высокой надстройкой. За ним, в паре кабельтовых таковой же второй, третий, седьмой. Гремят, копят подводным выхлопом, «тянут» за собой воду. Пока эскадра китайских военных кораблей медленно и натужно преодолевает сильное амурское течение, успеваю рассмотреть и оценить особенности конструкции, вооружение и корабельную архитектуру новичков. Сразу бросается в глаза особенность проектирования всех китайских речных судов, которую я бы назвал «буксиризация». Явно корпусу не хватает длины, из-за чего он на полном ходу, да, тем более, на мелководье, тянет воду за собой, поднимая за кормой почти двухметровую волну. Это происходит потому, что гребень носовой волны совпадает с гребнем кормовой волны и резонирует. При немного большей длине корпуса этого эффекта бы не происходило. Видно, что на этом судне поставлен очень мощный двигатель, что гремит и копит изрядно, но скорости всё же не получается. А грохот, опять же не только от шумности двигателя и подводного выхлопа, а и от вибрации слишком высокой надстройки с несуразной рубкой. Таким эффектом повышенной вибрации страдали в своё время серийные буксиры-толкачи типа ОТА, с высоченной надстройкой, оптимальной для судовождения длинных большегрузных составов барж.

Артиллерия китайских военных кораблей представлена носовой и кормовой спаренной артустановками, очень схожими со спаренными крупнокалиберными зенитными пулеметами времён войны. Прошли, нагremели, накопили, но всё же событие. Никогда раньше подобных демонстраций на Амуре я не видел.

Амурская вода течёт. Всё меняется. Хорошо, конечно, что мы сотрудничаем с соседом в военной и внешнеполитической сферах. Не то, что раньше, во времена моего детства, прошедшего на улице Краснофлотской!

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ АМУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Библиографические указатели:

Благовещенск в редких изданиях: иллюстрированный библиографический указатель
Села Приамурья. Вып. 1. Благовещенский, Ивановский, Серышевский районы
Села Приамурья. Вып. 2. Архаринский, Михайловский, Тамбовский районы
Села Приамурья. Вып. 3. Завитинский, Константиновский, Свободненский районы
Села Приамурья. Вып. 4. Октябрьский район
Села Приамурья. Вып. 5. Белогорский район
Села Приамурья. Вып. 6. Бурейский район
Слава недремлющей страже России, слава Амура сынам!: [амурское казачество]
Памяти достойн: к 205-летию Н.Н. Муравьева-Амурского
Река Амур в дореволюционных изданиях Амурской областной научной библиотеки: иллюстрированный каталог

Электронные коллекции документов:

Взаимодействие Амурской области со странами АТР: исторический аспект
Институт губернаторства в Приамурье
Память Приамурья
Приамурье Пограничное
20 лет работы Избирательной комиссии Амурской области на страницах амурской прессы

Информационно-методические материалы цикла «Русские судьбы – амурские писатели»:

Авиатор. Писатель. Патриот: о жизни и творчестве В.Ф. Крылова
Верность слову и делу: о творчестве Олега Маслова
Воин, рабочий, писатель: к 90-летию со дня рождения А.Г. Терентьева
Гордое имя – Б.А. Машук
Знакомый незнакомец (Завальнюк Л.А.)
Ли Янлен. С любовью к России...
Певец родного Приамурья: П.С. Комаров
Простые строчки: памяти Виктора Яганова
Рожденный свободным: памяти Б.И. Черных
Четыре грани таланта: памяти Н.И. Фотьева
Я не прощаюсь: памяти Светланы Борзуновой
Стихия дождя и ветра: о жизни и творчестве Тамары Шульги
Бамовский романтик: о жизни и творчестве Владимира Гузия
Предвестник перемен: о жизни и творчестве Александра Побожего

Методические материалы, информационные материалы и сборники:

Амурское казачество: вчера и сегодня: сборники докладов научно-практических конференций
Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ I областного литературного конкурса
Земли родной талант и вдохновенье: сборники творческих работ II областного литературного конкурса
Машуковские чтения: материалы научно-практических конференций
Муравьевские чтения: материалы научно-практических конференций
Премии в области литературы и искусства Амурской области – 20 лет
Тема войны в произведениях амурских писателей: информационно-библиографический обзор
Фестиваль «Амурская осень»: информационно-библиографический обзор
Чехов на Амуре: информационно-методический сборник
Прошлое и настоящее амурского речного пароходства: сборник докладов научно-практической конференции